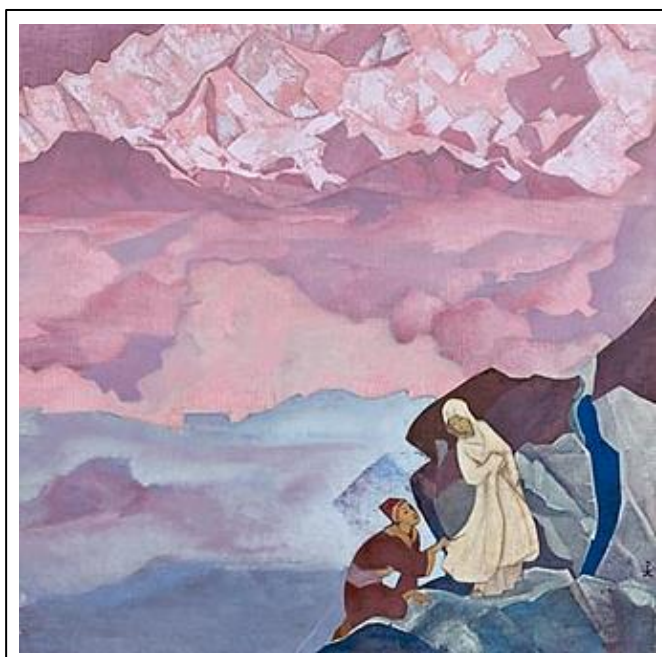

Н.К. Рерих
Е.И. Рерих

СВЯЩЕННЫЕ УЗЫ БРАКА

ТБ
МОСКВА 2021 г.

ВТОРОЕ ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНИЕ 2011 г

Серия «Н. Рерих. Литературно-художественное наследие»
Н.К. Рерих. Е.И. Рерих. Священные узы брака.
Книга 1.

Составитель
Ларкина Тамара Васильевна,
- исследователь жизни и творчества Н.К. Рериха,
Москва.
www.rerich9.sitecity.ru
e-mail: tv-larkina@yandex.ru

Подготовка электронной версии:
Болдырев Олег Геннадьевич.
Москва.
e-mail: bog2031@mail.ru

На лицевой стороне обложки:
Н.К. Рерих. Ведущая. 1924.

Н.К. Рерих

Е.И. Рерих

СВЯЩЕННЫЕ УЗЫ БРАКА

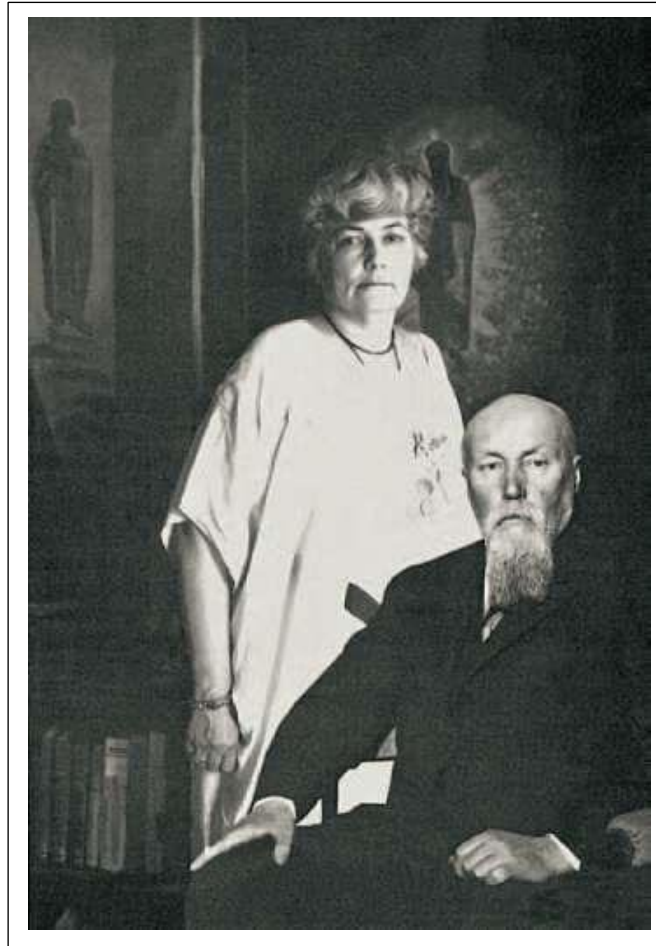
Книга I

ТБ

МОСКВА 2021 г.

120-летию Священного Союза посвящается...

«Величайшее счастье, какое может вообразить смертный, - это брачные узы, связующие два любящих сердца. Но есть ещё большее счастье; это объятие Истины. Смерть разлучит мужа с женой, но смерть никогда не поразит того, кто заключил союз с Истиной». («Священные книги Востока», т. 19).

"Люди будут завидовать нам. Подумать только - мы жили в особое время, когда боги ходили среди людей, как когда-то в Древней Греции".

"Мы живём в истинно чудеснейшей эпохе человечества. И, может быть, будущие поколения создадут легенды о нас, а образы Елены Ивановны и Николая Константиновича будут окружены неувядающим лучистым ореолом. И тогда бесконечно счастливыми станут считать тех людей, которые когда-то имели возможность соприкоснуться с ними".

*Рихард Рудзитис
1939 г.*

ЯВЛЕНИЕ МАЙТРЕЙИ

«Если представим себе всю планету и всё человечество, со всеми выдающимися деятелями, то всё же не найдем никого, кто был бы нам ближе Владыки или тех, кого Он послал, чтобы принести намжданную весть.

Так, Владыка, Матерь и Гуру остаются навсегда звеньями цепи Света».

Грани Агни Йоги (т.9, 413-415)

«Ни одно Учение не предусматривало будущего развития с такой ясностью, как буддизм. Наряду с почитанием Будды в буддизме развито почитание Бодхисатв - будущих Будд. По преданию, Гаутама перед достижением состояния Будды в продолжение многих веков был Бодхисатвой. Слово «бодхисаттва» состоит из двух понятий: «бодхи» - озарение, или пробуждение, и «саттва» - сущность. Кто же эти Бодхисатвы? Ученики Будды, добровольно отказавшиеся от личного освобождения и, по примеру Учителя, вступившие на долгий, тягостный и тернистый путь помощи человечеству. Подобные Бодхисатвы проявляются на Земле среди самых различных жизненных условий. Физически ничем не отличаясь от остального человечества, они совершенно отлично по своей психологии, неизменно являясь носителями принципа общего блага.

Будда, устремляя все возможности к утверждению эволюции, заповедал своим ученикам почитать Будд будущего более, нежели Будд прошлого. «Так же, как почитают молодой месяц больше, нежели полную луну, так же, кто имеет веру в меня, должен почитать Бодхисатв более, нежели Будд». (*«Мадхьяма-каваатара»*)

Подобного действенного примера самоотречения история нигде нам не указала. По словам предания, Благословенный утвердил своим преемником Бодхисатву Майтрейю.

«И сказал Благословенный Ананде:

- Я не первый Будда, который пришёл на Землю, также не буду я последним. В должное время другой Будда восстанет в мире, Сокровенный, высшего озарения, одарённый мудростью, счастливый, вмещающий всю Вселенную, несравненный Вождь народов, Повелитель Дэв и смертных. Он откроет вам те же вечные истины, которые я преподавал вам. Он установит свой Закон, преславный в его началах, преславный в его апофеозе и преславный у цели в духе и слове. Он возвестит праведную жизнь, совершенную и чистую, какую проповедую сейчас и я. Его ученики будут исчисляться тысячами, тогда как мои лишь сотнями.

И спросил:

- Как узнаем мы Его?

Благословенный сказал:

- Имя Его будет Майтрейя».

(«Священные книги Востока», т. 19)

ЯВЛЕНИЕ Н.К. РЕРИХА

**«Я, Мориа, Рериха послал служить духу мощи Творца».
«Рерих Новый явится в России...».**

Из дневника Е.И. Рерих, 1921 г.

Идёт утверждение Имени, и постепенно расширяется круг принимающих Его сознаний. Это нужно для будущего. Кому оно не звучит, будут противодействовать. По противодействию определите и против идущих. Старый мир имеет много явных и скрытых сторонников. И не то, как называет себя человек, но как воспринимает он будущее, раскрывает его сущность. По этому признаку и судите.

Мы, насколько это возможно, Утверждаем имя Гуру и Хотим, чтобы о нём знало как можно большее количество людей.

Имя Гуру неразрывно связано с его творчеством, его философией и с Учением Живой Этики. Затрагивая его имя и популяризируя его, Мы вовлекаем сознание людей в сферы его мыслей и деятельности. Магнит его имени очень силён. И тем, кто о нём говорит и пишет, легче коснуться Учения или других вопросов жизни, опираясь на его авторитет. Не у каждого говорящего его собственный авторитет столь велик, чтобы его слушали, но авторитет Гуру, как великого художника, философа и мыслителя достаточно силен, чтобы привлечь внимание многих умов.

Зачем излагать свои убеждения, касающиеся Учения, когда убеждения и взгляды Гуру будут во много раз убедительнее. Потому говорить и действовать не за себя и не от себя, но за Гуру и от его имени и о нём и Учении, так крепко связанном с его жизнью, будет правильным решением вопроса популяризации его мировоззрения и отношения его к мудрости Востока

Можно приветствовать каждое выступление именно в этом направлении. Его имя принадлежит будущему и связано с ним неразрывно. Говоря о будущем, нельзя не коснуться имени Гуру, который так пламенно устремлялся в него и увлекал за собою тех, кто был созвучен ему в духе.¹

ЯВЛЕНИЕ ТАРЫ

Когда-то многие кальпы тому назад жила принцесса, в которой проявился Дух просветления (бодхичитта). Поэтому монахи сказали, что ей следовало бы в новом рождении появиться в облике мужчины. Принцесса отвергла эту идею, заявив, что не существует таких дхарм, как мужчина и женщина. И поэтому ей всё равно, чей у неё облик; кроме того, многие хотят в облике мужчин достичь нирваны.

Но очень мало найдётся тех, кто пожелает превратить женственность в средство достижения просветления. После этого она на многие кальпы погрузилась в созерцание и, наконец, дала перед Буддой Амогхасиддхи клятвенное обещание избавлять все существа от мук сансары. Она стала Тарой и, начиная с этого момента, спасает каждый день мириады существ.

«Мифы народов мира».

¹ Грани Агни Йоги, т. 9 - 588.

ВЕЛИКИЙ ОБЛИК

Когда великие облики доходят до нас из глубокой древности, они воспринимаются как-то особенно легко. Даже облакаясь в мифы и легенды, они становятся легко убедительными. За завесой времени - всё возможно. Писатели и художники всех веков будут посвящать этим далёким обликам свои лучшие вдохновения.

Никто им не завидует, никто не думает о том, как достигались эти подвиги - остаются лишь памятные вехи человеческого восхождения.

Не так-то бывает в близком прошлом, уже не говоря о настоящем. Возьмите описание недавно прошедших больших людей. Сколько в них будет отмечено ненужного, нехарактерного, которое лишь покажет, что окончательная сущность их бытия ещё не взвешена и не оценена.

В веках, конечно, весы прошлого уравниваются. Народный суд уберёт многое, что сорило глаза ближайших зрителей. Суду веков не нужно непременно умалять. Даже на расстоянии каких-то ста лет мы видим, что очень многое самосильно приходит в равновесие. Ещё не истлели печатные листы, на которых большие личности были засоряемы и оплёваны. Не только в памяти дедов, но воочию можно видеть, насколько жестоко и несправедливо издевались люди над теми явлениями, которыми уже через неполное столетие их же страна, да и весь мир справедливо гордится.

Проходят прекрасные женские и мужские облики - истинные создатели культуры и, казалось бы, ценно их знать уже теперь же, без непостижимого и ненужного откладывания в архивы и скрыни для нарастания в народном воображении.

Вот в жизни проходит замечательный великий женский облик. От малых лет девочка тайком уносит к себе тяжёлое, огромное издание Библии. Склонясь под тяжестью непомерной ноши, она украдкой от больших уносит к себе сокровище, чтобы посмотреть картины и, научась самоучкою, - уже читать заветы. Из тех же отцовских шкафов не по времени рано уносятся философские сочинения, и среди шумного, казалось бы, развлекающего обихода самосоздаётся глубокое, словно бы давно уже законченное мирозерцание. Правда, справедливость, постоянный поиск истины и любовь к творящему труду преобразуют всю жизнь вокруг молодого сильного духа. И весь дом, и вся семья - всё строится по тем же благодатным началам. Все трудности и опасности переносятся под тем же несокрушимым водительством. Накопленное знание и стремление к совершенству даёт непобедимое решение задач, ведущее всех окружающих по единому светлому пути. Болезненно ощущается всякое невежество, темнота и злоба. Где только возможно, происходят целения и физические, и духовные. Жизнь становится от раннего утра и до вечера истинно трудовой - и всё на пользу человечества. Ведётся обширнейшая корреспонденция, пишутся книги, переводятся многотомные труды и всё это в удивительной неутомимости духа. Даже наитруднейшие обстоятельства побеждаются истинною верою, которая уже делается прямым чувствознанием. А ведь для такого знания нужны были удивительные накопления. Такую неустанно трудовую жизнь в подвиге каждого дня, в доброжелательстве и строительстве нужно иметь перед собою всё молодёжи. Когда известны все трудности, среди которых протекает такая вдохновенная работа, тогда ценно знать об этих неустанных продвижениях.

Н.К. Перух

СВЯЩЕННЫЕ УЗЫ БРАКА

Учение о священных узах брака прекрасно выражено Благословенным в притче «Свадебный праздник в Джамбунаде».

«Величайшее счастье, какое может вообразить смертный, - это брачные узы, связующие два любящих сердца. Но есть ещё большее счастье; это объятие Истины. Смерть разлучит мужа с женой, но смерть никогда не поразит того, кто заключил союз с Истиной. Потому соедините свою судьбу с Истиной и живите с ней в святом браке.

Муж, любящий свою жену и мечтающий, чтобы их союз длился вечно, должен быть верен ей, как сама Истина; и она будет уверена в нём, будет чтить его и помогать ему. И жена, любящая своего мужа и мечтающая, чтобы их союз длился вечно, должна быть верна ему, как сама Истина: и он будет доверять ей, он будет почитать её, он будет всем обеспечивать её. Воистину, говорю вам, их брак будет сама святость и блаженство, и дети их будут подобны своим родителям и станут свидетелями их счастья.

Пусть никто не будет одинок, пусть каждый соединится в святой любви с Истиной. И когда Мара, разрушитель, придёт отделить видимые формы вашего существа, вы пребудете с Истиной и вкусите вечной жизни, ибо Истина бессмертна». («Священные книги Востока», т. 19).

Е. И. Рерих «Основы буддизма»

ПРОЛОГ

«Повелите представить вам ту, которую мы зовём дочерью Великого Нага...»

ЗАВЕЩАННЫЙ МАЙТРЕЙЯ

Глаза Царевича ребёнка рано открылись на чудеса мира. Ничто не ускользало от Его проникновенного внимания,

Царь сказал: «Проницательность есть венец Владыки, но крепость руки его есть его щит. Пусть укрепит руку на тетиве лука. Пусть дети знатных Кшатриев состязаются с царевичем».

Мать Царица прибавила: «Если проницательность есть венец Владыки и крепость руки щит его, то сияние Владыки есть милость и знание. Предпочту видеть моего потомка в окружении писавших «Веды» Дев Мудрости».

Тогда старый мудрец обратился к Царю, говоря: «Мать почитаемая, и ты, Владыка, повелите мне соединить ваши желания. *Повелите представить вам ту, которую мы зовём дочерью Великого Нага, которую мы приняли в дом свой и уже семилетие, как изумляемся её мудростью и крепости её стрелы. Поистине она достойна руки, начертавшей мудрость «Вед».*

«Приведи», указал Царь.

Мудрый советник привёл молодое существо и сказал: «Майтри, пошли лучший привет нашему Царю».

Не бывало было видеть семилетнюю девочку в белом одеянии с луком в руке и кинжалом за поясом. Убор тёмных волос тяжело не слушался обруча Нага, и глаза смотрели грустно и сурово. Царь приказал: «Майтри, если ты можешь пустить стрелу, то пронзи павлина».

Майтри поклонилась Царю, сказав: «Не могу лишать животное жизни. Но позволь, Царь, пронзить яблоко на вершине яблони».

Указал Царь Майтри быть при Царевиче и много удивлялся мудрости, найденной на берегу озера.

Много лет провёл Царевич с Майтри, называя её то грозной, то сияющей, то воином, то прорицательницей мудрости Нагов.

И дверь Пути открыла Майтри.

Когда же мощный Лев вернулся и рыком Истины покрыл горы, Майтри сохранила Ему лучшую ученицу и сказала: «Она прославит место трудов Твоих».

Владыка Истины сказал: «Майтри, явленный Проводник и Держатель. Ты, сокрывший мудрость свою от толпы, Ты заступишь место Моё, как Владыка Сострадания и Труда. Майтрейя поведёт народы к Свету, и стрела подвига принесёт яблоко Знания».

Сказанное так же верно, как у места прославления Учителя воздвигнется Храм Знания.

Сказанное так же верно, как ученица Благословенного отдаст имя своё Храму Знания.

Основание явления Истины закреплено трудами жизни. Дано в Чертен Карпо.

Криптограммы Востока

«ПАМЯТЬ О ДАВНО ПРОШЕДШИХ ЛЕТАХ...»

Елена Шапошникова 1894 г.

Николай Рерих 1893 г.

Договор Н. Рериха и А. Скалона

1) Обещаю не вести распутной жизни (как это понимает православно[ая] церковь).

2) Не вступать в связь с женщиной до брака. Не позволять себе начинать предосудительную игру с женщиной для забавы, а если сделаю это, то признаю себя подлецом.

3) Быть верным женщине, которую люблю.

Вообще не делать забавы из сношений с женщиной. Брак признаю, как таинство (не говоря о том, что это договор).

Подписи: *Александр Васильевич Скалон*
Н. Рерих

Уверен, что Рерих Николай оставаясь вполне порядочным человеком, отделяется от некоторых крайностей, почерпнутых у гр. Толстого (Будет соблюдать постановления православно[ой] церкви о браке, основ[анных] на текстах ... «и будут 2 плоти едина»... и «жена да прилепится к мужу»).

Подписи: *А. В. Скалон*
Н. Рерих
19 Августа 1893 г.

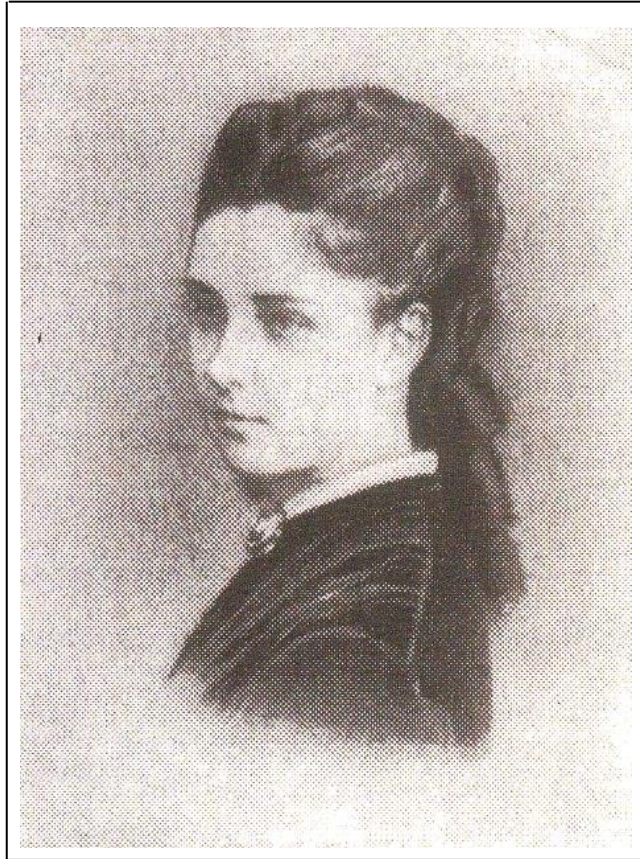
Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/6, 1 л.

Лето 1899 г.

(Николаю Рериху -25 лет; Елене Шапошниковой – 20 лет.)

«В летнее время уже шли раскопки, исполнялись поручения Археологической комиссии. Во время одной такой раскопки, в Бологом, в имени князя П. А. Путятина, я встретил Ладу, спутницу и вдохновительницу: Радость!..»

Н. Рерих, «Университет». (1937 г.)

Елена Ивановна Шапошникова (Лада). 1899 г.

Из письма Николая Рериха к Антокольскому Л. от 6 Ноября 1899 г.:

«Между прочим, всё более и более разочаровываюсь в женщинах. Самые лучшие из них всё-таки не выше среднего, - сие печально». . .

Из дневника З. Г. Фосдик «Мои Учителя»:

«Сегодня Е.И. опять очаровательно рассказывала, как она первый раз познакомилась с Н.К., когда он приехал в Бологое, имение её тётки княгини Путятиной, где она тогда гостила. Приехал он вечером. «Сначала, - говорит Е.И., - через окно прямо на балкон шагнула пыльная нога или, вернее, пыльный сапог». Е.И. подошла к окну, а Н.К. спрашивает: «Здесь живёт князь Путятин?» Е.И. пошла в комнату тётки и говорит: «Тётя, не то курьер, не то арендатор к тебе приехал». Та велела ей обратиться к лакею, чтобы он провёл его к мужу. Вечером за чаем выяснилось, что это археолог какой-то, его ещё никто не ви-

дел. Тётя говорит: «Археолог, какое-то старьё, положить его спать у князя в кабинет». На другой день за завтраком гостя увидели, он оказался молоденьким, хорошеньким. И решили ему дать комнату для приезжих. Пробыл он там три дня. Е.И. говорит, что он расположил их себе тем, что дипломатично и тонко завёл разговор о старине фамилии Рерих и своего рода, а вся семья Путьяных увлекалась старинными родословными».

Из воспоминаний Наталии Владимировны Шишкиной.

Эти воспоминания Наталии Владимировны Шишкиной записаны ею в Караганде, в Доме инвалидов, и датированы 1956 годом... Более чем полувекковой промежуток между событиями и записью вызвал неизбежные в таких случаях неточности. Вместе с тем запись очень ценна, как наличием мало известного фактического материала, так и указаниями на возможные новые каналы его поисков... (П.Ф. Беликов)²

Елена Ивановна, урождённая Шапошникова по отцу и правнучка великого полководца, героя 1812 года Михаила Илларионовича Кутузова - по матери своей. Мать Елены Ивановны - Екатерина Васильевна Голенищева-Кутузова.

Елена Ивановна рано лишилась отца, была единственной дочерью у родителей и жила с матерью вдвоём. Они обе очень любили друг друга, и мать её, очень добродушная, милая старушка, сохранившая свою былую красоту, не могла налюбоваться на свою «Ляличку», как её тогда все и называли. Да и не только мать восторгалась ею. Все, кто ни встречал Е.И., не могли равнодушно пройти, чтобы не обратить внимание на её выдающуюся наружность.

Полная изящества, женственности, грации и какого-то внутреннего обаяния всего её облика, она невольно притягивала к себе все взоры. У неё были роскошные светло-каштановые, с золотым отливом волосы и пышная причёска, высокая по моде того времени...; когда она улыбалась, а улыбалась она часто, всё лицо её освещалось теплом и лаской. Но что было самое притягательное в её лице, - это её глаза, тёмно-карие, почти чёрные, миндалевидные, продолговатые; как бывают у испанок, но с другим выражением. Это были лучезарные очи с длинными ресницами, как опахала, и необычайно мягким, тёплым, излучающим какое-то сияние, взглядом.

Глаза её иногда щурились, как будто грелись на солнце, и мягкое, тёплое, ласковое выражение их озаряло и её саму, и всех окружающих, кто в данный момент смотрел на неё. У неё был очень мелодичный и нежный голос и всегда очень ласковое обращение, любила она называть уменьшительными именами близких ей людей....

В ней было какое-то очарование, шарм, и необычайная женственность всего её облика. Любила наряды, всегда по последней моде одетая, очень элегантная; носила серьги, ожерелья и вообще драгоценные украшения. В ней было сильно развито чувство красоты, которую она всюду проявляла как своим внешним обликом, так и своим внутренним содержанием. Жили они с матерью в тогдашнем Петербурге, и вела она очень светский образ жизни, но всегда имела вид наблюдающей жизнь, ищущей чего-то другого, более вдохновенного, более глубокого содержания; у неё были какие-то искания, и пустая, светская шумная жизнь её не вполне удовлетворяла.

Тут надо сказать несколько слов о её родне, семье её тётки, родной сестры её матери, Евдокии Васильевны, урождённой тоже Голенищевой-Кутузовой,

² П.Ф. Беликов «РЕРИХ» (Опыт духовной биографии). Новосибирск, 1994 г.

Евдокия Васильевна обладала необычайно красивым колоратурным сопрано и пела с огромным успехом в опере Мариинского театра в Петербурге. В неё влюбился богатый князь Митус(ов), заплатил театру громадную неустойку, она ушла со сцены и вышла за него замуж. Но это был человек с тяжёлым характером. Они развелись, и Евд. Вас. вышла замуж за князя Путятин, который нуждался в матери своим двум сыновьям. От этого брака у них были две дочери. Искусство музыки и пения царило в их доме, пели и дочери и она сама. Дом их напоминал дом Ростовых в «Войне и мире». Вот та обстановка, в которой Елена Ивановна проводила свою молодость. У кн. Путятин был свой особняк в Петербурге и имение в Новгородской губернии. Они вели великосветский образ жизни. У них были блестящие балы, и, конечно, на этих балах всегда бывала Е.И., всегда в красивом бальном туалете, - она мало танцевала, больше сидела где-нибудь в конце зала, окружённая толпой поклонников. У неё было много завистниц её успехам в обществе, много предложений выходить замуж. Один очень блестящий молодой человек, бывший лицеист, единственный сын у родителей, миллионер, ему принадлежало Общество Пароходства на Волге «Самолёт». Он был без памяти влюблён в Е.И., делал ей предложения, но и он получил отказ. Все окружающие её и её родные, не могли этого понять: как отказать такому жениху, о котором так мечтали все петербургские красавицы.

Но она говорила, что поставила себе задачей в жизни выйти замуж за человека - знаменитого служителя искусства, будь то музыкант, певец, художник, живописец или скульптор, но непременно человек с высшим дарованием и талантом. И вот её желание исполнилось. Лето её мать и она всегда проводили в имении кн. Путятин, у её тётки, станция Бологое, Новгородской губернии, на берегу прекрасного озера, в 22 км в окружности. Сам кн. Путятин был археолог, член, а может быть, и председатель «Общества археологов» в Петербурге. Новгородская губерния богата раскопками очень древних наслоений ископаемых. К нему часто наезжали другие археологи. Однажды семья Путятиных отправилась в свою деревенскую баньку, построенную тут же на краю парка, на берегу озера. Е.И. первая вернулась и, проходя через переднюю, увидела в углу сидящего человека; она машинально взглянула на него и прошла мимо, приняв его за охотника или за одного из служащих кн. Путятин. Сам Путятин был в это время в отъезде, тоже по делам раскопок, уехал туда на несколько дней. Она не очень большое внимание уделила сидящему, ожидающему человеку, но этот скромно сидящий человек, с огромным удивлением перед её красотой, поглядел на неё. Она шла с распущенными после мытья волосами, которые как длинная пелерина, окутывали до низу её стан. Вернувшись из бани, вся семья села за стол в столовой ужинать, и тут только Е.И. вспомнила, что в передней «сидит какой-то человек, приехавший, должно быть, по делу к дяде». Спohватившись, пошли к нему, пригласили его к столу. Это был невзрачно одетый, в охотничьих высоких сапогах, куртке и фуражке, человек, очень скромно назвавший свою фамилию - Рерих.

Из разговора выяснилось, что он и есть знаменитый в то время художник Рерих, чьи картины уже были в Третьяковской галерее в Москве и на выставках картин Петербурга, и что приехал он к старому князю-археологу по делам археологических раскопок, производимых в этой местности. Старик-князь задержался в пути, и несколько дней прогостил Рерих в их усадьбе в ожидании приезда князя.

И вот за эти несколько дней решила вся судьба Е.И. Вот тот человек, которого так долго ожидала её душа! Вот оно то вдохновенье, которого она

так давно искала! Любовь взаимная решила всё! Рерих уехал счастливым женихом³, а она сияла от счастья. По приезде осенью в Петербург, когда все съехались, состоялась их свадьба в церкви при Академии художеств, на Васильевском острове. Е.И. сама приезжала приглашать гостей к себе на свадьбу. Поселились молодые люди в здании «Поощрения художеств» на Большой Морской, где Рерих имел казённую квартиру. От этого брака было у них два сына: Светик и Юрик, как она, нежная мать, их называла.

Как-то летом, спустя много времени, Рерихи наняли в красивой усадьбе Новгородской губ. дом на лето, за отсутствием хозяев. Катаясь, мы заехали к ним. Е.И., очень милая и любезная хозяйка, после чая вынесла на террасу две картины, из них одна – «Ноев ковчег», другая – «Иов три дня во чреве кита» - в тёмных библейских красках и тонах, та и другая. Н.К. картины рисовал, а комментарии к ним писала Е.И., длинные пояснения, прилагаемые к каждой картине, их символическое значение и толкование. Написаны они были на длинных лентах бумаги, напоминавшей древние папирусы. Так вдохновляла Е.И. своего мужа, и так вдохновлял он её. В нём она нашла то, к чему стремилась.

С самого первого года замужества она проводила лето на раскопках Новгородской губернии. Живя с ним в землянках, просто одетая, как того требовала их совместная работа, на удивление всех родных её, которые не понимали, как она могла мириться с такими, на раскопках (конечно, только летом), первобытными условиями жизни.

И так всю жизнь прошли они рука об руку. Полную взаимного понимания и любви. Вот где настоящий брак двух любящих сердец и душ!

Когда скончалась её мать, после трудной операции, все собрались на панихиду. Е.И., облачённая в траур, но не в креп, как обыкновенно, а в длинную шелковистую, как фата, ткань, и в ней она была очень женственна и хороша. Она во всём всегда, и в том, что касалось её внешности, соблюдала красоту своей одежды. Такой она сохранилась в памяти, такой её все помнили. Позднее она писала своей подруге, другой двоюродной сестре Р., дочери третьей сестры – Людмилы Васильевны, рождённой также Голенищевой-Кутузовой. С этой двоюродной сестрой она была особенно близка и дружна. Эта её кузина не была так красива, как другие её родственницы, но была очень умна, талантливая поэтесса и переводчица новелл иностранной литературы, хорошо знавшая иностранные языки. Е.И. тоже их знала и много позднее встретила свою бывшую гувернантку французского языка, парижанку, и хотя эта француженка была очень мало образованная, тем не менее Е.И. очень радостно её приветствовала, на что указывает её простота обращения со всякого рода людьми.

В своих письмах к своей любимой сестре, уже из Индии, она писала, что вся предаётся изучению новых откровений, которые так долго искала её душа. И что она уже никогда не покинет той страны и останется там навсегда, лучезарная, светлая и счастливая своими духовными высшими достижениями. Вот и всё, что подсказала память о давно прошедших годах».⁴

³ 3) «Ошибочны указания на то, что НК. уехал в 1899 году из Бологого уже женихом Е.И. и осенью этого же года они повенчались в Петербурге. Бракосочетание состоялось двумя годами позже (28 октября 1901 г.) после возвращения НК. из Франции». (П.Ф. Беликов, «Рерих», с.36)

³ 3) «Не соответствует действительности то, что Н.К. и Е.И. после свадьбы поселились на Большой Морской. На эту квартиру они переехали в 1906 году, после назначения НК. директором Школы Общества Поощрения художников. Сам НК. упоминает, что ещё в 1905 году они жили в доме Кенига. На Пятой линии Васильевского острова». (П.Ф. Беликов, «Рерих», с. 37).

ПРИЗНАНИЕ...

Из дневника Николая Константиновича:

30.11.1899 г. «Сегодня была Е.И. в мастерской. Боюсь за себя – в ней очень много хорошего. Опять мне начинает хотеться видеть её как можно чаще, бывать там где она бывает».

06. 12. 1899 г. «Вчерашний вечер не даёт покою. Кажется [*Зачёркнута целая строчка*]... Хочется видеть постоянно. [*Опять зачёркнута*] ...чувства.»

10. 12. 1899 г. «Кажется, что-то серьёзное выходит к Е.И.»

31. 12. 1899 г. «Вчера 30-го сказал Е.И. всё что было на душе....
... Сейчас Новый год. В нём у меня, должно быть, много нового.»

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/13.

Письма Н.К. Рериха к Елене Шапошниковой:

1. 3 Января 1900 г., СПб.

Лада моя, хорошая моя Лада, могу ли я приехать прямо из мастерской?
Этот безобразный вечер, кажется, не хочет наступить.
Всеми помыслами

Твой *Н. Р.*

3/1 1900

ОР ГТГ, Ф. 44/149, 1 л. (Письмо написано на голубой тиснёной бумаге)

2. [20] Февраля 1900 г., СПб.

Хорошая моя Лада, положительно не всё на Руси пропало.

Сегодня произошло событие, которое будет иметь огромные для русского искусства последствия. Слушай в чём дело: сегодня нам в Комитете начали приказывать (Академические заправки) принять на выставку нежелатель-

⁴ 2) «Рисунков или картин «на длинных листах бумаги», о которых пишет Н.В. Шишкина, мы не знаем по самым подробным спискам произведений Н.К., как эти, так и предыдущие годы. Не известны также и письменные комментарии Е.И. к картинам Н.К., поэтому здесь мы имеем дело или с чем-то утерянным, или с ошибкой мемуариста, вызванной дальностью времени». (Там же).

ные нам картины, кроме того, авторы непринятых картин начали скандал и обвинили нас в кружковщине, в принятии только своих вещей, в несправедливости и во всяких гадостях. После всех этих помойных душей мы (молодые комитетские) собрались и порешили уйти из комитета, снять свои вещи с выставки и устроить свою собственную. Посмотрим, на чьей стороне сила и правда, – ведь не для кого не секрет, что выставка держалась нашими вещами.

Завтра будет решительный день – общий подъём небывалый, и мне хочется, чтобы Ты была в курсе дела и радовалась вместе со мной, что ещё возможны принципиальные движения и душевные подъёмы.

Мне чуется, что из этого выйдет дело большое и знаменательное. Помнишь, передвижники ушли из Академии?

Предстоит масса хлопот <...> и разборок, но всё это для общего дела.

Сообщи о ходе дела и при возможности прискачу сам.

Видишь, как я о Тебе думаю.

Теперь два часа ночи; Ты уже спишь, а я о Тебе думаю и знаю, что Ты понимаешь, как меня волнует это дело. Дома, конечно, были против нашего похода. По счастью наши вещи не слабые и нам удастся устроить порядочную выставку. Надо заручиться прессой и мнением общества, и тогда держись!

Спи покойно, моя милая, моя хорошая Лада. Из не художников только за Тебя, и верю, что будешь рада и оценишь наше движение. Оказывается, мы ещё не совсем кисель, и ещё можем чувствовать и бороться.

Ну, вперёд без оглядки!

Я думаю, скоро приеду. Играй и работай – мы же действуем.

Твой Н. Р.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/179, 2 л.

3. 22 Февраля 1900 г., СПб.

Хорошая моя Лада.

До такой степени у меня начала сходить со лба кожа, что завтра обреку себя на сиденье у доктора, и если к 7½ час. не буду, то приеду в Субботу.

Читала ли, как разнёс нас Кравченко? И все против. Вчера в собрании Академии Боткин говорил о прекращении выставки.

Твой весь

Н.Р.

22 Февр. 900 г.

Насморк ко мне не пристал. Думаю, что и Твой прошёл.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/152, 1 л.

4. 30 Марта 1900 г., СПб.

Дорогая моя и хорошая, сегодня, т.е. в Четверг что-то мне нехорошо – верно, у Вас опять какие-нибудь идут неважные разговоры. Сейчас еду на дурацкий спектакль, буду улыбаться, буду шутки шутить, а внутри будет скверно, и опять буду что-то выдумывать, что-то комбинировать, чтобы вышло всё

получше и было бы не худо моей Ладе – первому человеку, заставившему меня думать не только о самом себе. Но всё как-то не выходит ничего хорошего, особенно, если Ты, моя дорогая, почему-то чувствуешь себя не прочной в отношении меня. Хотя, (не только думаю, но даже уверен), что Ты на самом деле несравненно прочнее, нежели сама предполагаешь.

Знаешь что? – В первый раз мне страшно к Вам ехать; страшно за то, что не знаю, как примет меня Е[катерина] В[асильевна]. Ей не понять наших соображений и она может нарушить наше хорошее время. Если же оно нарушится – я не представляю что и будет? Отсрочить, отдалить – я могу, но вычеркнуть прямо трудно, - Ты, ведь, наверно то же думаешь. И вот я начинаю обманывать себя, строю картины, что всё обладится очень хорошо и хочется хоть неделю, хоть день оставаться ещё при этих надеждах. А, впрочем, чего же я раскудachtался? – быть может, и впрямь, всё обойдётся ладно. Что же такое я совершил, чтобы на меня всё посыпалось: и с Музеем не вышло, и с картиной то же, и во всём то же (сегодня нам с Зарубиным вместо благодарности выговор сделали за устройство выставки, хотя мы сделали всё, что было мыслимо); неужели же и в душевной моей жизни должна быть также неурядица и ломка, неужто нельзя миновать этих рифов и идти вперёд полным парусом?

Скажем себе, моя милая, что можно, и пойдём вперёд; авось и выберемся на торную тропу. Когда представлю себе, какие сцены приходится Тебе выносить мне жутко и холодно делается и обидно за беспомощность и куцые мозги, которые сейчас же не могут измыслить чего-либо подходящего. Приеду или завтра, или в Воскресенье, ибо в Субботу – Марии, т. е. именины мамыши. Впрочем, вернее приеду в Воскресенье и прямо к обеду, чтобы до обеда неприятной беседы не было, а завтра страшно ехать. Вот малодушие-то какое! - ждите, хоть денек ещё... А тучи-то кругом заходят синие-пресиние; и зарница уже белеет, того гляди, молния стрельнёт. Ну да не всегда бьёт молния в дерево, иногда и в пустое поле ударит – в выпучий песок, и ничего песку от этого не делается, только останется стекловидная трубочка – ребятам на забаву. Теперь половина восьмого, Ты, вероятно, в концерте будешь. Хотелось бы видеть, как Ты выходишь, серьёзная такая и бледная, и сдвигаешь брови и играешь тоже серьёзно.

Рассказывал я Зарубину наши обстоятельства – он искренно возмущается, но ничего не может выдумать.

Значит до Воскресенья – и жутко же мне будет ехать к Вам.
Целую Тебя и чувствую Тебя близко.

Твой Н. Р.

30 Марта 1900 г.

Ноги просто не слушаются после 8-мичасовых хлопот по выставке.

Если будет нужно, то поклонись всем, кому следует.

У нас дома – сплошной скандал, который может прекратиться лишь с помещением в больницу. Трудно винить мамашу, ибо у неё, действительно, голова кругом идёт.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/153, 3 л.

5. [Весна - лето 1900]. СПб.

Хорошая моя Лада,
 посылаю карточку. Поезжай в фотографию при возможности.
 Я полагаю Тебе не худо поприимать железо. Скоро зайду.
 Весь Твой Н.Р.

Если Екат Вас. не видит, то целую жестоко.

Отдел рукописей ГТГ, 44/176, 1 л.

6. [Весна 1900 г., СПб.]

Хорошая моя Лада, как мне хочется сейчас к Вам приехать, и как не могу я этого сделать - мне совестно взглянуть Тебе в глаза, ибо и вчерашняя княгинина комбинация разбилась.

Мне сказано: «неужели же они не верят, что я ничего не имею против свадьбы, зачем им документ, и ты и Лиля говорили – этого достаточно».

Я не смею просить приехать на вокзал завтра, хотя мамаша клянётся, что она тогда познакомится. Если возможно, приезжайте – это Ваша милость, а нельзя, то наноси мне последний удар в ряду прочих ударов и будь уверена, что Твой удар будет без промаха. С Тобою оторвётся от меня самое лучшее, и нервы быстро доделают своё дело. Туда и дорога.

Ладушка, милая, родная, скажи слово, черкни слово и я разорву с моими всё, ибо что они для меня, без Тебя?

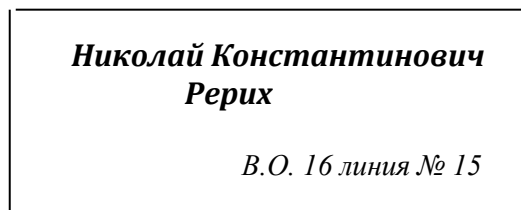
У меня точно тяжёлая ладонь лежит на лбу. При всём, если бы не болезнь. Ладушка уедем, будем учиться заграницей и добьёмся своего. Не оставь без ответа. Ой, как трудно живётся; добьёшь ли меня?

Поговори с Екатер. Вас. – у ней сердце-то хорошее. Всё-таки она меня видела, знает. С Тобою придёт всё, без Тебя уйдёт всё.

Радость моя, родная моя, не оставь.

Н.Р.

В письмо вложена визитная карточка:

На обратной стороне визитной карточке записка:

Многоуважаемая Екатерина Васильевна,
 Приеду не к обеду, а вечером (8½). Если можете, поймите меня.
 Уважаю и люблю Вас душевно.

Н.Р.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/259, 3 л.

7. [Весна 1900 г., СПб.]

Дорогая моя, с Твоего позволения я приеду сегодня в 3-4 часа с сестрою. До Стасова, оказывается, дошла такая гнусная на меня клевета, что и поверить трудно.

Весь Твой

Н. Р.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/201, 1 л.

8. 25 Мая 1900 г., СПб.

Дорогая моя, радость моя.

Правда, «радость моя» - хорошее слово? - оно опошлено, но смысл чувства оно выражает превосходно. При воспоминании о Тебе весь наполняюсь какою-то радостью, мне становится как-то светло и бодро, особенно же, если представляю, что и Ты обо мне тоже думаешь. Или ещё не успела вспомнить за новыми впечатлениями переезда и природы?

Но мне хочется, чтобы Ты уже вспоминала и даже (прости) скучала обо мне. Вспоминала?

Сейчас только ушёл натурщик, я с него писал фигуру для охоты. Вечером будет у меня Свиньин и Сторонний; не знаю, какое я дело завариваю и что из него выйдет, но может выйти не малое.

Мои мечты о Музее начинают опять выплывать – Тевяшев (секр. в. князя) вчера спрашивал обо мне Свиньина и сказал, что имеет на меня виды осенью. Но какие виды? – хорошие или скверные.

Ты сделала превосходно, что побывала в мастерской у меня, теперь я ещё пуще полюбил это помещение. Как Ты полагаешь, сколько раз в день я не думаю о Тебе? Какое чудное у меня сейчас настроение: только хочу что-нибудь сказать о событиях, как сейчас же сбиваюсь и пишу о Тебе, забывая, что пожалуй, Тебе о самой себе читать скучно. Невероятно меня интересуется: как доехали, как самочувствие, пилили ли дорогой за наше прощание, как зубы, голова, палец, и всякое прочее. От вокзала я шёл с Беляевым, который предупреждал меня, что против меня (в нашем деле) работает сильная оппозиция в лице Екат. Вас. и княгини, но я сказал ему, что при такой союзнице, как Ты, какая угодно оппозиция отобьёт себе носы о стену, но навредить не сможет. Беляев, бедняга, влюблён в Соф. Павл. и по-видимому, не на шутку. Ей в цветы вложил он несколько первых тактов «Скажите вы ей, цветы мои» (за такую пошлость мне стало стыдно за него). Говорил мне, что напьётся в этот вечер – оказывается, он выпивает; я убеждал его, но ничего не вышло. В начале Июня думает быть в Бологове. Неужели когда я буду у Вас, там будет целая свора гг. Редких и К°. Это будет скучно т. к. уже теперь я представляю себе, как мы будем гулять. Зачем их приглашала? Чтò сделала!!

Напишешь мне или нет? А вдруг не напишешь; вот-то беда!

Письма (видишь всё-таки надеюсь на оные) лучше адресовать: Вас. О. Импер. Академия Художеств. Главное здание, №4. Н. К. Р. мне приятнее будет получать в мастерской.

Поклонись всем кому следует, скажи им что либо приятное и к случаю подходящее, Ты ведь это умеешь как нельзя лучше. Князя можно поцеловать в лысину, ему будет приятно. Княгине скажи, что она помолодела; Екат. Вас., что она похудела; ну, словом, кому поумнела – кому что следует. А вдруг это письмо кто-ниб. у Тебя перехватит. Ведь влетит за предезность. Ну да ничего не поделаешь - необходима откровенность. Ведь так? Нехорошо быть иезуитом. Не знаю почему, но мне невероятно хочется целовать Тебя. А если Екат. Вас. это желание прочтёт, ведь выйдет буря, положим, буря в ванне, но всё же.

Мне хочется скорее к Тебе ехать, числа 8 надеюсь быть. Завтра справлюсь насчёт герцога.

Ну, до свидания, моя милая союзница, мой commilito во всех делах и помыслах. Если я и надоедал Тебе, то, прости, по неведению. Потом я научусь различать Твои настроения и сообразоваться с ними. Бергер (он прекрасно зачинил мои зубы) сказал про Тебя: о, это очень нервный барышня. Прихожу к неожиданному заключению, что могу писать Тебе без конца хорошая моя, милая, дорогая, до свиданья.

Твой Н. Р.

25 Мая 1900 г. СПб.

Сегодня я был у Стасова он вызвал меня письмом, потому де, послезавтра едет за границу. Спрашивает: «а хорош мой Репинский портрет?» Я отвечаю, что не видал его, ибо у Репина не был. «А я считаю, что Вы были». (Не знаю что он этими словами хотел сказать). Собираю на погорелых; вообрази, около бывш. нашего поместья выгорело половина деревни и многие остались в чём только выскочили; вот ужас-то! Ещё мы жалуемся на то, да на сё, а каково очутиться без всего положительно, даже без платья. Нашему избалованному воображению такое представление даже не доступно.

Ещё раз до свиданья.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/157, 3 л.

9. 27- 28 [Мая 1900 г., СПб.]

27-го

Только вчера отправил Тебе письмо, а сегодня уже опять хочется перемолвиться с Тобой, моя дорогая. Даже неловко, все Бологовские, небось, знают мой дьячковский почерк и могут подумать: эх его разобрало.

Вчера вечером началось, а сегодня продолжается у меня отвратительное состояние, скучно, ожидаю 10-го, злюсь на эскизы, голова тяжёлая. Вчера вечером был я со Сторонним у Свинына, т. е. они были у меня, а потом мы все пошли к Свиныну. Он на меня опять произвёл тяжёлое впечатление, своим самомнением и навязываньем. Боюсь, голубчик, что мне он не столько приятен, сколько нужен. Это прескверное соображение, но, пожалуй, это так. Слушая его, я с болью думал: вот наши силы для борьбы с Дягилевым, только при счастье пробьёмся мы с такими дружинами куда-нибудь.

Сторонний также вынес о Свиныне неособенное мнение, т.е. говорит: не стал бы он нам вредить своим большим самомнением и озлобленностью, ибо мы можем взять верх лишь при очень широких взглядах всякая же однобо-

кость будет на руку нашим врагам. Сторонний становится очень хорош со стариком Сувориным, быть может ему удастся подбить его на издание большого художественного журнала и организацию общества художников. При средствах и рекламе Суворина можно бы сделать большое дело и даже дать тон всему русскому художеству. Но прежде чем начать правильную по всем позициям борьбу и спокойно работать по искусству, необходимо нам с Тобой устроить свою жизнь, ибо только тогда буду я в состоянии спокойно рассуждать и не приходить в такое настроение как сегодня. Я чувствую, что было бы достаточно одного Твоего слова и настроение прошло. Впоследствии мы научимся улавливать наши обоюдные настроения и находить лекарства на них. Но до чего может мне иногда казаться, что я не в состоянии сделать ровно ничего – ни на что не пригоден но достаточно толчка, чтобы меня бросило в противоположную крайность. Мы с Тобой фантазёры! ведь так?

А я уже жду Твоего письма; знаю, что Тебе не всегда можно его писать, но уже жду, чтобы читать его и перечитывать. Вот какой скверный! Как же Ты себя чувствуешь?

Сегодня медик сказал, что отец вряд ли долго проживёт – уж очень слабо его дыханье. Дядя приедет только 19-го Июня – этакий поросёнок, ему и горя мало, что у нас скверно.

Сегодня больше не буду писать, отложу до завтра, а к вечеру отошлю; пусть хоть через день, а то выходит, чуть ли не каждый, день ещё на смех подымут. Какая моя жизнь скучная: Стасов, да Свиньин, Селиванов да Сторонний, Беклемишев да Куинджи, Комиссия да Институт, Общество да Музей, право скучно. Если бы не Ты да не живопись, всё к чёрту бы послал. Ждёшь Ты моих писем или нет? Ведь пустяк, а он меня интересуется до смерти. Как хочется чтобы Ты обо мне думала.

28-е

Троица. Был в церкви. Воображаю, какая Ты сегодня нарядная. Сейчас сочинял «Поход Владимира на Корсунь», а из гостиной доносится уже гомон гостей – придётся к ним идти, а вечером к Беклемишевым. Целую Тебя. Всем поклоны. Пиши.

Твой весь, Н. Р.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/177, 2 л.

10. 31 Мая 1900 г., СПб.

Вверху над основным текстом:

*Не пишу чьё, ибо одного и жду.

Сегодня поднял на ноги всю Академию, думая, что письмо* могло куда-нибудь затеряться. Неужели, моя хорошая, его и не было? Я привык думать, что 31 число для нас счастливое и надеялся, что именно 31 будет Твой первый отклик. Сегодня уже мучаюсь, что Ты не хочешь писать, что нездорова, что произошли какие-ниб. неприятности и, мало ли что лезет в голову, когда не знаешь ничего о любимом человеке. Теперь дело в том, когда мне лучше приехать к Вам: приехать ли от 5-го до 11-го, или от 11-го до 16-го; что удобнее, когда меньше гостей и прочее. Поскорее дай знать, ибо я выезжаю, во всяком

случае, 5-го или 6-го, но могу сперва сделать раскопку у Лейхтен[бергского] или сперва быть у Вас, а уже затем выкопать покойников. Мне даже больше кажется и любитесь побывать сперва у Вас; - боюсь потому чтобы скорей Тебя повидать.

В Понедельн. был у Шнейдер и пробыл у них без малого целый день, очень часто вспоминая Тебя и представляя, как бы хорошо Ты себя чувствовала в этой простой, но высоко интеллигентной обстановке. Всегда у них новости литературы и искусства. Пересказывали мне содержание новейших франц. романов. Говорили об искусстве. Ты бы была в восторге; всегда уходишь от них и уносишь нечто свежее.

Завтра Беклемишева зовёт ехать в Крестовский, но думаю избежать, ибо скучно. Вчера ходил по островам со Сторонним и неизменно захотел урваться из города. Сейчас только зарисовал интересного старика. Непременно зарисую Тебя и всех присных - углем на обёрточной бумаге. Радуюсь, что хоть насильно да заставлю отозваться Тебя и даже без замедлений, впрочем, мне сдаётся, что письмо Твоё уже идёт – вот видишь, какого хорошего я о Тебе мнения. Поклон всем. Тебя очень целую. Теперь скоро увидимся.

Всеми помыслами Твой, *Н. Р.*

30 Мая 1900 г.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/154, 2 л.

11. [2 Июня 1900 г, СПб]

Милая, дорогая, хорошая – вчера вечером, наконец, получил Твоё письмо, которое (к стыду сознаюсь) перечитал 5 раз и ношу при себе – этакая непростительная сентиментальность. Вчера иду по коридору Академии - встречается сторож: «а вам письмо в Канцелярии» – говорит мне. Я направился в Канцелярию, чуть ли не бегом, – к великому удивлению сторожей.

Пришёл Зарубин – писать нельзя. Приду в Воскресенье, Понедельник 5-го или во вторник утром. Не встречай.

Твой Н. Р.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/178, 1 л.

12. 2 Июня 1900 г, СПб.

Так Зарубин и не дал дописать сегодняшнего письма. По разным соображениям должен отложить выезд на 1 день, т. е. выеду во вторник с вечерним 10-час. поездом и буду к 9 час. в Бологове.

Я только теперь отдаю себе отчёт, насколько Ты мне дорога, моя хорошая. Не получая Твоего письма, я не находил себе места, не мог работать и чувствовал себя прямо несчастным. Теперь скоро увидимся.

Сегодня мне предложено редакторство русского отдела журнала, а иностранным будет заведывать Бенуа (мой враг). Такое соседство настолько меня поразило, что ничего не мог ответить и дал себе время обдумать столь не-

естественное предложение. Братся не хочется, а отказаться и тем предоставить поле сражения Бенуа – тоже неважно. Просто и не придумаю что сделать. Ну, до свиданья, моя милая, хорошая, дорогая, родная.

Целую Тебя крепко.

Весь Твой *Н.Р.*

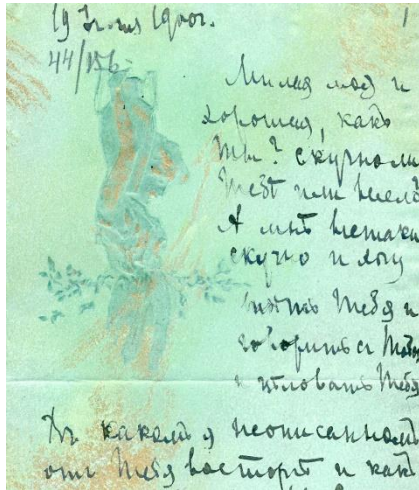
2 Июня 1900 г.

Сегодня мы были с Зарубиным у Куинджи. Тот говорил такие вещи, что я чуть не плакал. Но об этом в письме не упишешь, надо на словах.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/155, 2 л.

13. 19 Июня 1900 г, СПб.

19 Июня 1900 г.

Милая моя и хорошая, как Ты? Скучно ли Тебе или весело? А мне всё-таки скучно и хочу видеть Тебя, и говорить с Тобой. и целовать Тебя.

В каком я неопisanном от Тебя восторге и как горжусь Тобой!! Сейчас я написал и князю и кажется «очень», - какое на него произведёт впечатление? Вообще, как у Вас там всё? Не очень меня ругают? А Ты-то, вспоминала? Скучала?

Могу Тебе сообщить недурные новости, - в Воскресенье (без меня) приехал дядя, который считает необходимым устроить отца. За моё отсутствие мама, оказывается, благодушно вспоминала о моей скорой женитьбе и ставила её в зависимость с получением места; так что теперь ключ в Свиньине. С дядей я ещё не говорил, но он, конечно, – мой. А всё-таки у нас худо; отец злится и пристает; на улице дождь; в мастерскую ещё не попал и раньше завтра не доведётся быть. Посылаю Тебе фельетон Половцова о нашей раскопке и мою карточку снятую для картины – для складок корезна. Фельетона не выбрасывай. Если у князя есть мои прошлогодние фельетоны - прочитай второй. Нашёл у себя целую охапку писем (от Зарубина, Желтоножкина, Половцова и др.), на всех их надо ответить – это скучно. Опять же вспоминаю Екат. Вас., вспоминаю, какая она милая, и надеюсь и всегда быть с нею в хороших отношениях. Думаю и мною она будет довольна. И все, право, хорошие и добрые.

Как скоро прошли 2 недели и как приблизили они Тебя ко мне, так что отсутствие Твое теперь ещё страшнее. В вагоне ещё немного попла... (совестно написать).

Пиши. Целую Тебя.

Твой *Н. Р.*

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/156, 2 л. Тёмно-зелёная бумага с тиснением – женщина с кувшином.

14. 20 Июня 1900 г, СПб.

СПб. 20 Июня

Хорошая моя Ладушка, завтра надеюсь получить от Тебя письмо, а пока ещё пишу Тебе, хотя, собственно говоря, писать не о чем, но мне просто хочется поговорить с Тобой. Сегодня в 10½ ч. был в мастерской и вспоминал тебя – помнишь уговор наш?

В 1½ я был у Беклемишева (они только через 2 дня уезжают). Екат. Ив. была очень довольна моим видом и спрашивала когда наша свадьба. Я сказал, что свадьба не скоро, но что обстоятельства хороши и не удержался, говорил о Тебе; хорошо или худо, угадай сама! Екат. Ив. хотела бы Тебя лепить – целую фигурку; я думаю она сделает не очень худо.

Екат. Ив. передала мне, что С. С. Боткин (у него большая коллекция рисунков) очень хотел бы приобрести какой либо мой рисунок и просил её устроить это. Она советовала мне непременно доставить ей рисунок, но не продавать его, а подарить; везде то иезуитство! Я понимаю, зачем она это советовала, - ибо жена Боткина, один из членов Комиссии по приобретению в Третьяковскую Галерею (она урождённая Третьякова). Придётся исполнить совет Екат. Ив. Исполнять или нет? Что скажешь?

Сегодня опять писал «Поход» – переделывал небо, а завтра принимаюсь за метальщиков.

Дядя сегодня немного говорил со мной о нашем деле. Он говорит, что мама ничего не может иметь против и если она и отнеслась так странно, то только в силу болезни отца. Сегодня мама спрашивала меня, не видал ли я Свиньина, и не слышал ли чего от него нового; видно, её это сильно интересует. «Нет, что ж это такое» - ведь всё выходит недурно. Как же Ты-то там?

Нельзя ли переслать поцелуя в письме? Завтра посылаю духи и бумагу.

Как сегодня Г или Ч? Если Ч, то... понимаешь?

Екат. Вас. продолжает ли быть такой же хорошей?

Если продолжает, то поцелуй её от меня. Воображаю, как князь ходит грачом. Анекдоты без меня процветают?

Пиши дорогая моя и мысленно целуй меня. Мне без Тебя очень- преочень скучно.

Всем поклон.

*Твой совсем Н. Р.
Боримир Рерих*

СПб.

В Обществе в музей принесли новые витрины, придётся их устанавливать завтра и на днях.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/180, 2 л.

15. 21 Июня 1900 г, СПб.

Дорогая моя и хорошая! Брось Ты навсегда мысль, что Ты такая же, как и домашние Твои – выкинь её навсегда; Ты лучше и глубже их, а они тоже хорошие. Сейчас был Куинджи у меня, я ему прочёл некоторые места Твоего письма. Он сказал: “ещё раз благословляю Вашу женитьбу, видно, что Ваша невеста чудный человек. С таким человеком за Вас не страшно, будете работать и впредь идти”. Ведь хорошо!

У нас беда! Не устраивается помещение отца; придётся его поместить (временно) дома с двумя надзирателями и доктором. Мамаша против, – выходит скандал. Дядя чуть ли не собирается всё бросить и уехать. Меня мамаша оскорбляет: “Тебе бы только уйти в свою проклятую мастерскую”. Сестру то же самое: “Ты точно чужая, не хочешь помочь”. Как же сможешь, когда она сама мешает во всём. Ужасно, ужасно. Мне же ужасно, тем более, что в Воскресенье не придётся выехать к Вам. Лошадей не высылайте, приеду не знаю когда – при первой возможности. На Кавказ лучше бы не ездить, но если уже собрались, то...

Князю скажи мой поклон, спасибо ему за доброе слово, извинись, что не пишу ему, но прямо голова кругом идёт, авось он не рассердится. Разве ему паспорт не нужен? Милая моя, хорошая, дорогая, неужели до Кавказа не увидимся? - не верю этому. Наверно приеду. Как горд я Твоею любовью, могу всего себя (действительно) всего отдать Тебе. Люби, люби меня, Ладушка, чувство это будет нашим источником вдохновения.

Как болит висок и всему так скверно, что если бы не Ты... Может быть, моё положение и на Тебе отзывается?

Целую Тебя, и пожалей меня.

Если я не приеду в Воскресенье, то, быть может, вышлите лошадей в Понедельник к поезду выходящему из СПб. в 10½ вечера (почтовому). Про какое письмо беспокоится князь? Он хотел прислать паспорт для визы, но паспорта я ещё не получил.

Целую Тебя крепко. *Н. Р.*

Надеюсь в Четверг или Пятницу получить ещё Твоё письмо.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/218, 3 л.

16. 21 [Июня] (вечер) 1900 г, СПб.

Вторник 21-го вечер

Всё таки не получил Твоего письма, моя дорогая. Те ли духи?

Мне на зелёной бумаге не пиши, ибо она слишком мала, а я предпочитаю читать Твоё письмо хоть на обёрточной бумаге, но возможно большего размера.

Сегодня могу сообщить Тебе добрую новость. Был я у Куинджи. Он благодарил меня за письмо, о котором я Тебе говорил. Я воспользовался его благодарным настроением и рассказал ему нашу новость. К моему изумлению он отнёсся донельзя благодушно. Он много расспрашивал о Тебе и по мере сообщения мною всяких подробностей: о Тебе, Твоих стремлениях, Твоих родных, Твоих душевных качеств и пр., его лицо всё прояснялось, а

когда я рассказал ему, что обещал Тебе рисовать не менее 5 часов в день, то он прервал меня: «а ведь, знаете, это и совсем хорошо! Только, чур, надо исполнять обещания». Очень хвалил Твоё желание окончить школу и держать при Консерватории; очень интересовался, хорошо ли Ты играешь и любишь ли искусство. В результате сказал, что он спокоен за меня и просил работать.

Я рассказал ему про Мясоедова, он страшно возмутился, говорит: «как это его ещё принимают в порядочных домах, это такой небывалый сплетник и притом скверный и вредный».

Сегодня я работал только 4 часа, ибо пришёл дядя и задержал меня от работы.

Мои картины ему не понравились: «небрежно и невыделанно». Сколько я ему ни твердил о необходимом расстоянии и впечатлении, всё-таки ничего не помогло. Завтра у меня в мастерской будет Беклемишева (я у них вчера обедал). Там же был директор Школы Штиглица Котов. Екат. Ив. распиналась перед ним на тему, как меня не оценили ещё, как мной надо дорожить, и пр. Вот то адвокат мой! Да ещё какой добросовестный адвокат и доброжелательный! Завтра их провожаю! Господи, как мне хочется целовать Тебя и как я привык к Тебе, моя милая, хорошая, дорогая. Бог даст, Ты не пожалеешь что полюбила меня. Пиши, голубчик, как Ты себя чувствуешь и что думаешь.

Целую Твои руки, ладони - такие тёплые и славные.
Дорогая моя, хорошая, хорошая, хорошая. Какое письмо бездушное, как ни пиши, а все выходит холодно. Всем поклон. Надеюсь, мысленно поцелуешь меня.

Твой весь

Н. Р.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/197, 2 л.

17. [23-24 Июня 1900 г, СПб.]

Четверг вечер; наши пьют чай.

Сегодня я получил письмо Твоё; - какое оно славное, какое оно хорошее. Дорогая моя Ладушка, да ведь это великое счастье, если сами мы будем являться ближайшим источником наших вдохновений, сильнейшим импульсом для наших работ! Как я был доволен и рад читать о Твоём подъёме духовном, пусть он даже краток, но раз он есть – дело сделано, и остальное доделает время и обстоятельства жизни, выстроить которые наше дело, а с Тобою мы их выстроим! Да, выстроим? Итак, вперёд, хорошая моя, вперёд без оглядки! (Как писал Крамской).

Как Тебе показалось отношение Куинджи? Ведь право не худо, очевидно он проникся моим настроением и понял, что Ты – недюжинная натура. Экая Ты у меня славная! Сейчас, т.е. 10 час. 15 м. в. (в Четверг) мне страшно захотелось целовать Тебя, – не думала ли Ты обо мне? – Напиши.

Сегодня я рисовал с натуры старика и старуху – вышло не худо. Был в Обществе, узнал, что Собко окончательно отказался от секретарства; если бы поагитировать, то место было бы моё, но тогда искусству гибель.

Видал Селиванова; он показывал привезённые с Афона вещи. За одно Евангелие, купленное им за 30 руб. здесь ему дают уже 900 р.

Половцов, конечно, очень неважно написал, ну да он лучше-то и не в состоянии. Хорош отдел «Материнская любовь»!!

Сейчас надо написать отказ от редактора, я ещё не написал.

Да, вот ещё история! – Психиатр, который пользовал отца и которому ближе всего поместить его в больницу, уехал в отпуск и вернётся в 1-х числа Июля, т. что боюсь, когда именно будет происходить помещение, но приеду, во всяком случае, - Ты в этом, думаю, не сомневаешься.

«Нет, что ж это такое?» что Екат. Вас. стала такая хорошая; я в ней так уверен теперь, что вспоминаю уже как о родной. Она добрая, а когда впоследствии поймёт нашу программу, то и вовсе будет наша. Действительно, надо только работать и всё придёт; вот мне работа уже дала [кое-]какие результаты - ведь если бы я не работал, то Ты не обратила бы на меня вниманья. Работай Ладушка, работай хорошая; то-то будет нам праздник, когда мы создадим своё положение, выполним свои надежды только благодаря нашей работе. Вот то славное время будет.

Теперь я часто повторяю «нет, что ж это такое» и подражаю Твоему тону, а все не знают, к чему это относится.

О чём Ты писала в Твоей книжечке? – напиши темы записей.

Ты, верно, не скучала без меня – ни слова об этом не пишешь; вот какая! Я так не стыжусь писать, что скучаю, что целую воздух, а Тебе, верно, не очень скучно.

*Пятница, день
вернулся из мастерской*

Сегодня наши домашние дела неважны. Отец утром чуть не выкинул дядю и сам собирается уехать. Велел достать чемодан и все сапоги свои. Не знаю, чем это положение разрешится к вечеру. Дядя и мамаша уехали к знакомым в Ораниенбаум, чтобы не показываться отцу на глаза.

Мир Искусства получил от казны 15000 р. субсидии, нет, что же это такое?

Видал Свиньина; он в хорошем настроении, ибо Георгий Михайлович после женитьбы встретил его ещё лучше, нежели раньше, а кроме того, Государь недавно (как передал ему П. Жуковский) весь обед всё говорил про него. Меня он встретил очень тепло. Сторонний без меня был нездоров - завтра у меня будет.

Хорошая моя, ведь свинство, что на 4 моих письма, Ты написала всего 1. Пиши, о чём Ты думаешь, вместо книжки пиши ко мне в письмах.

Всем поклон. Екат. Вас. поцелуй, князя тоже.

Милая, дорогая, хорошая.

Твой весь Н. Р.

Как вопрос с Кавказом. Не могу поверить, чтобы никто надо мной не смеялся в моё отсутствие.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/181, 3 л.

8. 24 Июня 1900 г, СПб.

24 Июня, Суббота

4 часа. Вернулся из мастерской

Хорошая моя Ладушка, какие есть скверные люди. Сегодня в Обществе помощн. секретаря рассказывал мне, что на днях Собко с Чистяковым ругали меня во всеуслышание до самозабвения. Вышло это из того, что Лазаревский осмелился заявить, что я хороший художник – ну и пошло! Я, де, недоучка; я, де, бездарный; я, де, ничего не стою и проч. и проч. И это при всех, так что кто-то даже вставил, что если я и в самом деле никуда не пригоден, так что же обо мне говорят с такою злобою; бездарный, мол, человек и сам пропадёт.

Сознаю, что на такие речи не стоит обращать внимания, что ругают и ругали всех, кто хоть сколько-ниб. высунется, но всё же слышать такую огульную ругань больно, ох как больно, моя дорогая и хорошая.

Ведь это ругают не глупые люди, а такие как Чистяков. Неужели они закроют меня, так же как заклевали мою картину в Париже, которую, как я опять слышу, даже повесили невозможно.

Но с другой стороны, чувствую что людей много, что земля широка и всякая работа не пропадёт.

Ведь так, Ладушка?

Напиши об этом своё мнение.

Отчего это мои товарищи, которые сделали куда меньше меня, считаются и выучившимися и всякими, а я – ничего.

Впрочем, за то о них и говорят меньше. Пусть я неуч, но если при всём неучении со мною считаются, то, значит, признают за мною силу немалую. Теперь, по крайней мере, я научился не показывать виду, что мне такие разговоры неприятны; я отвечаю всегда: «однако и любят же меня старички, здорово любят!»

Сегодня написал именье Лейхтенбергского – вышло прилично. Вставлю в раму и подарю ему, а в Августе, когда приеду к нему, он, может быть, будет ко мне внимательнее – надо сделать его своим. Надо всеми силами вербовать партию, иначе съедят. Лучшее золото лежит глубже другого, хорошего трудно достичь. Тем лучше; если доведётся достичь власти и всего, то снисходительнее будешь и лучше поймёшь настоящих людей.

Не падать духом, моя дорогая? Вот поговорил с Тобой и полегче стало, а то просто хоть плачь, так тяжело стало на сердце. Как у Тебя, всё ли хорошо? Всё то же ли настроение? Как работа? Во вторник приедет психиатр и начнётся у нас трудное время. Целую Тебя крепко и всем кланяюсь и целую. Но, конечно, не всех, а князя и Екат. Вас. (или она, быть м., обидится – тогда не говори ей). Пиши.

Твой весь

Н.

Писал тебе вчера, а уже кажется, что не промолвился целую неделю.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/182, 2 л.

19. 26-27 [Июня 1900 г, СПб.]

26-е

Дорогая Ладушка, спасибо за письмо, но не вижу из письма Твоего настроения, хотя предполагаю, что всё, вероятно, благополучно. Пиши более пространственные письма, - не только факты, но и думы.

Сейчас дядя сконфузил меня: мы спим теперь в одной комнате; и вдруг сегодня он говорит мне: «а знаешь, ты каждую ночь бредишь. Говоришь что-то: «голубушка моя или голубчик – уж не понять больше, очень неясно бормочешь». Вот-то ещё казус, если я начну рассказывать.

Сегодня писал Подлипье.

Воображаю картину ревности из-за Кедрова, то-то умора! Ну, а Ты как вела себя с ним - не трогала его? Слава Богу, что он уехал, а то испортил бы моё настроение. Впрочем, Ты не обижайся, я хорошо помню Твоё обещание более не мучить меня и спокоен.

До безобразия хочется говорить с Тобою и гладить руку Твою и целовать Тебя. Осенью, когда всё оформится, мне хочется носить кольцо, а Ты будешь носить? Познакомлю Тебя с Беклемишевыми, с Куинджи. А там Бенуа сбудут из Музея, я постараюсь понравиться в князю, и моей Ладушке будет хорошо.

Теперь скоро буду к Вам собираться; если поместят отца числа до 30, то думаю 2-го или 3-го приеду. Телеграммы не пришлю, а вещи брошу на станции сам же приду пешком в неурочное время и испугаю Тебя. Понемногу надо готовиться к Музею; буду штудировать наших былых художников.

Когда буду в Музее, никакой чёрт ко мне [не] подкопается по искусству и все враги ещё заискивать будут и станем мы при море ногою твёрдой.

Неужели Ты не тронута моими ежедневными письмами? Целуешь ли меня? Читаешь ли Рёскина? Его надо прочитать толком, ибо в разговоре и споре он необходим.

Сейчас дядя тянет меня в оперетку; представь такую нелепость – я присутствую при канкане, не правда, ли дико? Но идти придётся.

Завтра буду рисовать натурщицу для Священного очага, но хотя и следовало бы посадить для фигуры, но памятую обещание данное Тебе и порисую в костюме.

Славная моя, хорошая, милая – не разлюби только меня, без Тебя я не могу. 26-го в 7 часов мысленно целую Тебя усиленно – чувствовала или нет?

27-го.

Пишу из мастерской. Сейчас перечитал вчерашнее письмо Твоё (я ведь Твои письма ношу при себе и часто перечитываю, особенно же первое после моего отъезда из Бологова) и заявляю Тебе претензию; первое Твоё письмо было на 7½ стран., а вчерашнее лишь на 4, да и то в два приёма. Нет, что же это такое! Ведь это несправедливо.

Почему Ты была в нервах при Кедрове – разве Ты не могла уйти к себе, а его с С.П. оставить? Неужели Екат. Вас. стала бы Тебя удерживать.

Ах, Ладушка, Ладушка уж очень люблю я Тебя. Ведь этими строчками говорила ревность, - сейчас на этом поймал себя. Напиши мне милая хорошенькое письмо, да не на новой, а на большой бумаге, поставь в нём несколько вопросов, а к своему приезду я их обмозгую и мы поговорим на эти темы. Что же

это будет, если во время моего приезда ещё кто-ниб. у Вас будет, ведь всё будет испорчено и нам не придётся наговориться вдоволь.

Вчера был в оперетке; глупость так и бьёт фонтаном; пошлость и сальность даже не могут прикрыться мотивом и остроотой. Сидел и в самых пошлых местах представлял Тебя и мысленно отправлялся в Бологое. Что-то Ты вчера в 11 час. веч. делала? Не могу согласиться, как это дяде – человеку умному и развитому нравится оперетка, впрочем, он теперь в страшных нервах и просто хочет бежать от себя.

Помещение отца, чем ближе оно становится, тем в большее приводит нас смущенье; как это произойдет? – Страшно и думать.

Сейчас перечитал письмо своё и ужаснулся его непоследовательности – точно записки сумасшедшего, ну да разберёшься в этом ворохе спутанных мыслей. По-прежнему ли вспоминает меня Екат. Вас. Я ей колбасы привезу.

Кстати, нет ли каких у Тебя поручений; если есть и не поручишь, то обидишь меня.

Может быть мы вздумаем и дом продавать, ибо дают 100.000, но боюсь не в силу ли это военного времени. А вдруг меня на войну возьмут. Ты будешь плакать?

Как глупо выходит, что между нашими письмами такая разница, Ты от 22-го, а Тебе от 27-го, но по последнему письму меня почему-то не нашли в Академии и со справкой прислали на дом. Не знаю, позорно это или нет, но мне слишком хочется целовать Тебя, может быть это позорно? Как полагаешь?

Сейчас сажусь переписывать Подлипье, вчера сделал небо слишком синим.

Поклон всем, а Екат[ерину] Вас[ильевну] я люблю уже как родную.

Всем Твой Н. Р.

7 стран. написал, неужели это не возбудит Твоего соревнования?

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/183, 4 л.

20. 27-28 Июня 1900 г, СПб.

27-го вечером

Нет, что же это такое! – только во втором часу отправил Тебе письмо, а сейчас (только остался один) и опять захотелось с Тобой перемолвиться. Причины две. - Мне показалось, что моё дневное письмо написано в сухом тоне, а Ты можешь оказаться в нервах и за подозрения о Кедрове наложишь на меня эпитимью, хотя бы в виде малого мне писанья. На словах высказать всякие шуточные подозрения – не страшно; можно сейчас же увидеть нежелательное впечатление и ударить отбой, а в письме самое незначительное слово, иногда так кольнет, так охладит, как писавший и не подозревал; со мною так бывало нередко, а потому и за собою начинаешь следить.

2) Напиши мне, привезти ли Тебе лёгкий Златоустовский кинжал на Кавказскую поездку, я привезу один из моих (у меня один лёгкий и красивый); острое не дарят, и потому я Тебе дарить не буду, а дам на поездку – это можно. Ты ведь кажется просила Ек. Вас. подарить Тебе холодное оружие. Пусть мой кинжал защищает Тебя на Кавказе.

3) Теперь у меня настроение отчаянное, да и у всех нас такое же. Завтра будет окончательная консультация относительно отца. А если его не возьмутся поместить? – тогда нам всем остаётся погибать. А если с ним что-либо произойдет во время помещения, – тогда вечный упрёк будет. А если ему худо будет в больнице? Всякие такие вопросы мучают всех ужасно, все ходят с головною болью. Я боюсь, что мама в решительную минуту воспротивится. Сегодня у отца явилась идея, что его хочет отравить медик, что при нём. Дядя охает и стонет: «не знаю как и быть». Завтра вечером допишу, чем окончилась консультация.

Сегодня много рисовал с натуры. Начал этюд натурщика со шкурой на плече, потом рисовал натурщицу для Очага, но вышло неважно и позу придётся переменить – всё она какая-то деланная.

Эти дни писал ещё довольно много писем: Зарубину и прочим. Желтоножку послал строжайший выговор за его чрезмерные занятия женщинами. Ещё бы: вдруг пишет удивление о перемене вкуса своего: прежде, идите, ему нравились блондинки, а теперь брюнетки; пишет точно о курицах или о кошках. За такое отношение он получит несколько тёплых слов и добрые кнуты.

Пришёл дядя – будем спать укладываться. До завтра.

28-е 2 часа дня. Сейчас получил Твоё письмо, – вот-то оно славное, вот-то хорошее! Спасибо за него, моя милая кокетка, – ибо разве не кокетство предполагать, что мне скучно читать Твоё письмо. Как я рад, что в письме 6 стран. – значит Тебе хотелось писать кроме узаконенных 4-х страничек. Князю скажи, что милое письмо его я получил и не писал только потому, что скоро собираюсь сам приехать.

Мне все страшно, не задержало бы меня помещение отца, но это выяснится через несколько часов – доктора придут через $\frac{3}{4}$ часа.

Покаюсь Тебе – я прочитал Твоё письмо (после моего отъезда) сестре – она сказала, что расцеловала бы Тебя за такое хорошее письмо. Не понимаю хорошенько почему Ек. Вас. не приняла моего поцелуя – рассердилась что ли? Обидно ей – или почему? Сердить её я не думал. Коли что – извиняюсь.

Ты пишешь, что мы самые обыденные люди; будем скромны и скажем, что и все люди обыкновенны – едят, пьют, болтают всё языком на один манер. Но для наших успехов мы сами не должны считать себя заурядными людьми – тогда пропадёт смелость и уверенность, а без этих качеств никакого города не возьмёшь.

Может быть, это нахальство, но раз мы видимся и надеемся, что наши думы хороши и полезны, то наш долг заставить большее число людей думать таким же образом и преследовать те же цели, конечно, при индивидуальных отклонениях.

В момент творчества, а творчество появляется, как известно, во всём до малейшего жеста и интонации включительно, всякий человек считает себя выше всех (это чувство вполне инстинктивно), считает всё своим и винить его за это (скверное чувство) не приходится, ибо иначе не было бы и творческого порыва, а всякий творческий порыв конечно, даёт больше счастья людям (вызывает ли он улыбку, смех, радость, сознание добра и зла, пр.) чем любая рассчитанная методическая деятельность.

Этот же творческий момент важен не только для воспринимающих результат его, но и для самого автора, который очищается духовно, на миг сбрасывает

сывая всю пыль и грязь наложенную на человечество вековою, как её называют блестящею, культурою нашу, так изломавшею и унизившею наше основное человеческое достоинство и превратившею людей и в какие-то чернильные банки с ярлыками.

За эти-то моменты и ценится так высоко искусство! - Стали бы люди так почитать его представителей, которые со стороны экономической являются язвами государства! Но по счастью, мой обиденный человек, дух ещё царит над практикой и до той поры, и думать не смей о своей обиденности, а думай сколько разнообразных счастливых чувствований можешь ты дать человечеству и среди общей радости создать и свою.

Особенно порадовало меня появление в Твоём письме дум и размышлений; будем ими делиться, моя хорошая, добрая Лада. Будем постепенно отсекай друг от друга вредные побег, чтобы они не распустились. Ты хотела написать мне какое-то качество, замеченное Тобой за мною ещё в прошлом году, - напиши милая. Ты меня выучила писать длинные письма; незаметно и ещё многому Ты меня выучила.

Нет, Ты не обиденная, а высоко интеллигентная (природно) и оригинальная.

Сейчас придут доктора, как пошлёт он к чёрту и нас вместе с ними!

От кого от всех посылаешь Ты мне поцелуи. Княгиня и С. М. будут протестовать против такого решения Твоего – спроси их. Но если так, то и от меня передай всем.

3 часа. Сейчас в доме мёртвая тишина – перед грозой. Были доктора и все ушли к знакомому А. А. Бруммеру для совещания. После их ухода, отец запихал в карман пенсне и сказал, что один из докторов стащил его. Мама за это время стала как бы прозрачная и всё плачет, даже и у медика и у того синяки под глазами. Даже и мне, хотя, как Ты знаешь, мы с отцом не много-то понимали друг друга, но и то делается жутко. Не знаю на чём-то там порешат. Пришёл отец, стоит сзади меня и спрашивает сестру, кто посылал за докторами и зачем они приезжали. От Бруммера мама с Борей уедут на Сиверскую, Володя же на Волосово и останемся мы с сестрой последними свидетелями. Хотя из дому уйдём, когда будут помещать, но мне сдаётся, что его не поместят, ибо при докторам он держит себя слишком прилично.

Из постоянных приписок Ты видишь, что всё время о Тебе думаю, - Ты обо мне наверно реже думаешь!

5 час. Результат консультации: решили поместить в частную лечебницу Нижегородцева, что на Песках. Помещение должно состояться послезавтра, 30-го. У меня щемит сердце, чую скверное.

Целую Тебя крепко, по-прежнему жду писем.

Твой Н. Р.

Не забудь – всем соответственные приветы и поклоны.
28 Июня 1900 г.

21. [31 Июня 1900 г, СПб.]

Забыла меня моя Ладушка!

Ведь только подумать: уже вечер Воскресенья, а от неё ни строчки! Уж не разлюбила ли? Или наехали интересные гости и она забыла о скучном художнике? Нет, что же это такое? Думаю в контрибуцию надо принудить её написать сугубо длинное письмо страниц на 8 – в наказание.

Хорошая моя, как это понимать Твоё молчанье?

Сегодня у меня был хороший день – всё слышал похвалы всяких калибров и цветов, а Свинын, так тот сообщил мне весть вовсе недурную.

Вчера был у него Тевяшев и говорил, что уход Бенуа из Музея это только вопрос времени и притом ближайшего. Затем спрашивал, что т.к. надо кого-нибудь иметь на примете на это место, то можно ли наверно считать меня.

Свинын поддакнул и рассказал, как хорошо я мог бы поставить дело Музея.

Это недурно, ибо 3000 да ещё мастерская вовсе не худо. Сегодня мы со Свиныным обедали в Малоярославце и просидели до 10 час.

Беклемишева опять много о Тебе расспрашивала.

Теперь надвигаются тяжёлые дни помещения отца. Не знаю, как это будет, но без насилия не обойдётся – я уйду из дома, не могу вынести.

Думаю, что завтра найду Твоё письмо, иначе буду сердиться и думать, что с Тобой Бог знает что.

Всем поклон.

Хочется целовать Тебя безмерно.

Сегодня наверно Ч.

Весь Твой

Н. Р.

Воскресенье. 12 час. веч.

Все ложатся спать.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/196, 2 л.

22. 7 Июля 1900 г, СПб.

Добрая и хорошая моя Ладушка, сейчас я вернулся из мастерской — сегодня писал воронов и, вероятно до приезда к Тебе всё буду писать их же. Никак не удаётся остаться одному, все ходят по комнате, то дядя, то наши. Идёт усиленная укладка; завтра в Субботу, они уезжают. Отец чувствует себя хорошо. Вчера я навестил его; редко я чувствовал себя в таком скверном положении, особенно было скверно, когда он собрался провожать меня до станции – ибо из больницы ему выходить, конечно, не разрешено.

Нашёл письмо Твоё; какое оно опять хорошее. Спасибо Тебе, моя добрая.

У Вас теперь тоже, вероятно, началась кутерьма перед отъездом.

Спроси у Екат. Вас. следующее: если она хочет продолжать дело, то у меня есть человек, котор[ому] можно поручить. Он бывший конторщик наш, Лавренцов, тогда я с ним сговорюсь.

Чувствуешь ли Ты моё отсутствие? Мне оно так весьма чувствительно и при Тебе лучше и работалось бы и думалось.

Завтра отправлю своих и напишу Тебе хорошенькое письмо с думами и прочим; надеюсь и от Тебя получу такое же.

Ужасно неудобно писать, когда за спиной говорят, а рядом что-то заколачивают. Дядя пристаёт с разговорами и не даёт писать.

Целую Тебя крепко. Пиши скорей

Твой Н. Р.

7 Июля 1900 г.

Поцелуй Екат. Вас. и всех отъезжающих.

Отдел рукописей ГТГ, ф.44/160, 1 л.

23. 8 Июля 1900 г. [СПб.]

Милая моя Ладушка, Ты, я думаю, разгневалась, получив от меня столь безобразное письмо только на 2-х страницах. Смотри, не сердись на меня, ибо знаешь, как я стремлюсь к Тебе и что Ты для меня – весь оплот.

Сегодня утром повздорил с мамашей – из-за пустяков; я был прав как 100.000 мучеников, но она рассердилась не на шутку – зачем завтра я не хотел ехать к одним знакомым, где ужасно скучно. Не понимаем мы с ней друг друга, моя хорошая, - видно уж на роду нам написано вздорить с мамашами.

Сейчас был в Обществе. Сказали мне, что Боткин вернулся и стало на душе скверно, ибо значит, на днях начнём наши занятия по каталогу – т.е. опять придётся притворяться, быть приторно любезным с человеком, которого ненавидишь, а это так тягостно, так томительно.

Видал Свиньина; положительно, он искренно ко мне расположен и, кажется, я грешил, не совсем доверяя ему.

Сегодня в Субботу появилась статья Стороннего про Киот – прочитай. Он почти переписал её с моего черновика. Но жаль не сохранил одного места, при котором статья была бы несомненно литературнее. Я говорил Свиньину (я ему передал Твой поклон – ничего?) про то, что князь хочет сказать де-Баю про мою картину, он находит, что это было бы очень хорошо.

Сочинил новый эскиз. Вещий баян – старик – с поводырём бредёт из стольного города по степи дорогою прямоезжею. Можно назвать «Из стольного города». Сейчас получил письмо от Зарубина: жалуется на финансовый кризис, на скверное настроение, мешающее ему работать. Пишет, что с домашними какие-то недоразумения; Господи, везде-то одно и то же!

Ладушка, милая, люби меня как теперь – всегда! То-то у нас жизнь будет! Отбросим все эти мелкие междоусобные дразги, которые из жизни делают болото какое-то!

Что Ты эти дни думаешь? С какой стороны меня вспоминаешь? Милая, добрая!

Это время мне придётся много работать, особенно, если опять по Музею начнём трудиться.

Сейчас будем обедать, потом провожать наших на вокзал, а вечер буду с дядей. Ваши копошатся теперь вовсю? Поцелуй их голубчик, если они поймут мои поцелуи.

Нельзя ли через Машек и Дунек найти в Бологое старика с белой бородой и старуху старую.

Когда приеду, то хорошо бы их порисовать для картин. Попроси.

Целую Тебя

Н.Р. 8 Июля 1900 г.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/208, 2 л.

24. 12 Июля 1900 г. [СПб.]

Среда 12-го. 6 часов после обеда

Ладушка, милая моя, сегодня уже неделя как я уехал от Вас, а от Тебя ещё – ни строчки! Что же это такое значит? Прямо не могу и придумать. Неужели письма Твои потерялись? – ибо не могу и представить, чтобы Тебе целую неделю не захотелось со мною хоть словечком перемолвиться. Не знаю чего Ты этим хотела достичь, но достигла того, что сегодня я весь день болен, не находил себе места, не мог работать и мыслить. Милая, откликнись – напиши хоть строчку. Смотри, Ты заставляешь меня вымаливать у Тебя письмо... Как Ты мной завладела! – всем без остатка. С ужасом вижу, что, кажется, больше люблю Тебя, нежели Ты меня. До чёрта без Тебя мне трудно.

Почему же Ты мне не писала? – Причины ни за что не придумаю. Не было времени? – не верю, ибо для письма время всегда есть. Не хотела? – но за что же? Остаётся – была нездорова, неужели это так. Ваши верно уехали вчера. Думаю к Вам скоро приехать, если Ты хочешь этого. Дядя сегодня уехал. На вокзале получилась неприятная сцена; только что мы вышли на дебаркадер, как навстречу нам послышалось зауспокойное пенье – оказывается, отправляли какого-то покойника.

В Понедельник были мы с дядей на Удельной. Впечатление вынесли очень тяжёлое. Отец опять раздражён и зол, говорит: «они не имеют права держать меня. Я здоров совершенно; меня запрятали сюда – думают, что здесь с ума сойду. Мне доктор сам предложил гулять где угодно и в город ездить, а сторожа не пускают и т. д.»

Другие больные нас окружили, каждый из них считает себя здоровым. Один из них, красивый молодой человек, дал мне написанную им телеграмму с просьбою отправить её Губернатору. Телеграмма строк в 20 и настолько сжатого, разумного и трогательного содержания (к тому же без единой ошибки), что мы с дядей диву дались и ничего что здоровые, а такой телеграммы даже сообща не написали бы.

Другой больной, благообразнейший седобородый англичанин, начал нам жаловаться на министра финансов, который его обобрал и даже мебель от него отнял. Все они поют всё ту же песню, а по виду иногда прямо трудно предположить, что этот человек больной. Посылающий телеграмму Губернатору ухаживал за сумасшедшими дамами, целовал им руки – кавалер, да и только.

Сегодня страшно мучился с воронами; то кажется, что из них толк выйдет, то хочется их уничтожить, а всё Ты виновата! Привезу с собой 1 том Горького и «Сказки» Салтыкова – почитаю Вам. У Горького есть чудеснейшая сказка, где описывается наказание за гордость. Наказанный был осуждён на полное духовное одиночество – и как ни искал он смерти, как ни просил её у людей, все сторонились его, крича: «не троньте его – он хочет умереть». Этот человек был сын орла и презирал людей. Сказка превосходная – вместе почитаем.

Вчера художник Федорович затащил меня к себе в мастерскую в Академии – он пишет картину на звание. Я ему много толковал про Дягилева и про всякие наши художественные дела. Он, видимо, сочувствует, но когда я вышел от него, меня охватило сомнение: а ну как он сделает сплетню и перенесёт мои слова Миру Искусства! Скверное положение, с одной стороны, надо говорить, надо проповедовать и сбивать сторонников, а с другой – надо молчать и таиться – трудно угадать середину.

В Понедельник и вчера по вечерам приходили гости. В понедельник был Заболотский, всех ругал; дядя дразнил его и балагурил.

Неужели и сегодня с вечерней почтой и завтра не получу Твоих писем? Передала ли Екат. Вас. мой вопрос.

Скверная Ты, вот что! Что же Ты хочешь, чтобы я заболел, чтобы ничего не делал, чтобы плакал!

Миленькая, хорошая, напиши же! пожалуйста.

Целую Тебя крепко. Нет ли каких поручений? Екат. Вас. целую и кланяюсь, надеюсь она меня не ругает. Как мне бывает страшно в пустой квартире ночью.

Твой весь Н. Р.

Что-то скверно; неужели Ты в худом настроении? Часто ли обо мне думалось?

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/207, 3 л.

25. 13 [Июля 1900 г. СПб.]

Четверг. 13-го. 6 часов.

Милая моя Ладушка, - бедная моя. Вчера во втором часу возвращаюсь от Свинына и по дороге говорю Строннему: «а знаете, у меня кто-то нездоров, с кем-либо из близких неприятность – мне что-то не по себе». Он ещё засмеялся: «полноте, можно ли так нервничать!» Прихожу домой и нахожу письмо от Екат. Вас. Увидав конверт с почерком Екат. Вас., я перепугался не на шутку, даже боялся открывать, ибо моё предчувствие как раз подавляло меня в это время. Хорошая моя, что же это за напасть на Тебя, то палец, а теперь ещё глаза! И как не стыдно Твоим глазам – таким красивым – болеть и мешать Твоим занятиям. Что же с ними такое? Пожалуйста не запускай и съезди поскорее к Биллярминову. Мне как-то даже странно на себя: как это я, отъявленный эгоист, могу болеть душою за другого человека.

Как жаль, что я не получил письмо утром – сегодня же был бы у Вас, а теперь условился с друзьями отца быть с ними у него в среду в 6 час. и потому могу к Вам выехать лишь в Среду в полночь. Как досадно и скучно! – целых 5

дней. Я бы стал развлекать Тебя, читал бы Салтыкова и Горького. Если не лучше будет напишите, постараюсь удрать от поездки на Удельную и скорее быть у Вас.

Я в претензии на Екат. Вас., вдруг пишет мне: «многоуважаемый» и «жму руку», т. е. точно так же, как писала весною. Если тогда я был ей многоуважаемый, то теперь надеюсь заслужить какое-либо иное прозвище, а рукопожатие она могла бы заменить чем-либо иным! Да-с! Впрочем, что же это я на неё жалуясь – быть может она сама будет читать это письмо. Прежние письма Ты сама читала или уже Екат. Вас.; если она, то я впадаю в конфуз, ибо не предполагал что эти письма будут читаемы человеком, для которого я только многоуважаемый, но может быть Екат. Вас. назовёт меня как-ниб. иначе – тогда пускай читает.

Опять-таки не могу примириться, чтобы моя Ладушка была нездорова и ничего не могла делать, а я сидел бы далеко от неё в скучном и пыльном Питере. Не махнуть ли мне сегодня же к Вам? – но тогда придётся в Воскресенье опять уехать до Среды – этакое глупейшее распределение.

Как неприятно быть в пустой квартире; прямо-таки я не могу быть один, я привык с людьми быть, а тут все уехали.

Вчера был у Свиньина; был там и Сторонний – целый вечер строили всевозможные планы. Вчера Свиньин обедал у Тевяшева, который будто бы сказал ему, что искренно уважает только двух художников: Васнецова да меня. Я даже усомнился всерьёз ли говорил Свиньин, но лицо было у него серьёзное и тема разговора была не шуточная.

Сегодня я работал, как чернорабочий от 10 до 3½, не отдыхая – всё на ногах. Устал, как калека.

Ещё раз прорисовал воронов и завтра начну их красками – во всю мочь. Сейчас чувствую себя настолько усталым, что прямо-таки с трудом могу размышлять, придётся либо прилечь, либо идти гулять. Не пойти ли мне в оперетку? – как Ты думаешь? Не сердись – конечно без дяди не пойду, я ведь был только ради него.

Господи, как хорошо было бы сейчас сидеть в Бологое около Тебя и смотреть на Тебя. Если Ты всё ещё не можешь писать, то попроси хоть Екат. Вас. черкнуть мне: как и что.

Нет ли поручений?

Поцелуй Екат. Вас. (видишь какой я хороший, не то что она с рукопожатием. Пусть помнит, что «в юже меру мерите – возмерится и вам»).

Весь Твой

Н. Р.

13-е

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/219. 3 л.

26. 15 Июля [1900 г. СПб.]

Дорогая Ладушка, получил Твоё действительно неважное письмо, но рад хоть и такому, ибо уж очень скучал без Твоих весточек. Слава Богу, что глаза прошли, но что же это такое за настроение у Тебя? Богом молю, написать немедля: вследствие каких именно дурных мыслей Ты решила ехать на Кавказ и какие именно думы мучат Тебя – от которых надо будет забываться неустанной игрой на рояле? Ради Бога, это в следующем письме.

Нога моя, вероятно, была ушиблена, ибо на другой день прошла. А знаешь, Твоё письмо совсем не хорошее, словно Тебе совсем не хочется со мною побеседовать? Как же это так? Верно, опять что-ниб. с Екат. Вас. вышло? – Напиши.

Сегодня утром был у меня Боткин, кое-что о Парижской выставке; Слава Богу, мне не обидно, ибо и Васнецов и Левитан и Суриков тоже ничего не получили. Вслед за Боткиным приехал (к моему изумлению) Нестеров и всячески (вероятно, он подослан Дягилевым) уговаривал меня не вооружать всех против Дягилева, что знакомство с Дягилевым мне может быть очень выгодно, что Дягилев очень хорошо ко мне относится и пр. Словом, чёрт знает что такое!

Вчера работал картину 7 часов, а сегодня 5 – до полного изнеможения, - прокладываю красками воронов. Был у Куинджи до 1 час. ночи проговорили – разговор полон трагизма – расскажу на словах. Вчера встретил Хрулёва, который очень демонстративно мне не поклонился.

Сейчас принимаюсь писать сказочку «Вера в себя» – привезу её Тебе прочитать. Мои уже в Кисловодске. Голубчик, напиши мне хорошее письмо, да не [на] такой бумаге – заставь себя изложить Твои думы.

С особенным нетерпением жду письма Твоего, думаю что послезавтра получу.

Целую Тебя крепко и Екат. Вас.

Твой Н. Р.

15-го Июля, в мастерской 6 час. сегодня ещё не ел, иду домой.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/209, 2 л.

*«Сейчас принимаюсь писать сказочку
«Вера в себя» – привезу её Тебе прочитать...»*

ВЕРА В СЕБЯ

В очень известном и большом городе жил старый царь, вдовец. У царя была дочь, невеста. Царевна далеко славилась и лицом и умом, и потому многие весьма хорошие люди желали сосватать её. Среди этих женихов были и князья, воеводы, и гости торговые, и ловкие проходимцы, которые всегда толкаются в знатных домах и выискивают, чем бы услужить; были разные люди. Царевна назначила день, когда могут прийти к ней женихи и сказать громко при ней и при всех, что каждый надеется предоставить своей жене; царевна была мудрая. Женихи очень ожидали этого дня, и каждый считал себя лучше всех других. Один перед другим хвалились женихи: кто именитым родом за тридевять поколений, кто богатством, но один из них ничем не хвалился, и никто не знал, откуда пришёл он. Он хорошо умел складывать песни; песни его напоминали всем им молодые, лучшие годы, при этом он говорил красиво, и его любили слушать, даже забывая спросить, кто этот певец. И хотя он не был князем, но все женихи обращались с ним, как с равным.

В назначенный день все женихи оделись получше и собрались в палату, к царю. Согласно обычаю, женихи поклонились царю и царевне. Никого не пу-

стил вперёд князь древнего рода, за ним слуги несли тяжёлую, красную книгу. Князь говорил:

- Царевна, мой род очень знатен. В этой книге вписано более ста поколений. .. - И князь очень долго читал в своей книге, а под конец сказал: - И в эту книгу впишу жену мою! Будет она ходить по палатам моим, а кругом будут образы предков весьма знаменитых.

- Царевна, - говорил именитый воевода, - окрест громко и страшно имя моё. Спокойна будет жизнь жене моей, и поклонятся ей люди - им грозно имя моё.

- Царевна, - говорил залитый сокровищами заморский торговый гость, - жемчугом засыплю жену мою; пойдёт она по изумрудному полю и в сладком покое уснёт на золотом ложе.

Так говорили женихи, но певец молчал, и все посмотрели на него.

- Что же ты принесёшь жене своей? - спросил певца царь.

- Веру в себя, - ответил певец.

Улыбнувшись, переглянулись женихи, изумлённо вскинул глазами старый царь, а царевна спросила:

- Скажи, как понять твою веру в себя? Певец отвечал:

- Царевна! Ты красива, и много я слышал об уме твоём, но где же дела твои? Нет их, ибо нет в тебе веры в себя. Выходи, царевна, замуж за князя древнего рода и каждый день читай в его алой книге имя своё и верь в алую книгу! Выходи же, царевна, замуж за именитого гостя торгового, засыпь палаты свои сверкающим золотом и верь в это золото! В покое спи на золотом ложе и верь в этот покой! Покоем, золотом, алыми книгами закрывайся, царевна, от самой себя! Моего имени нет в алой книге, не мог я засыпать эту палату золотом, и куда иду я - там не читают алой книги и золото там не ценно. И не знаю, куда иду я, и не знаю, где путь мой, и не знаю, куда приду я, и нет мне границ, ибо я верю в себя!..

- Обожди, - прервал певца царь, - но имеешь ли ты право верить в себя?

Певец же ничего не ответил и запел весёлую песню; улыбнулся ей царь, радостно слушала её царевна, и лица всех стали ясными. Тогда певец запел грустную песнь; и примолкла палата, и на глазах царевны были слёзы. Замолчал певец и сказал сказку; не о властном искусстве говорил он, как шли в жизнь разные люди и пришлось им возвращаться назад, и кому было легко, а кому тяжело. И молчали все, и царь голову опустил.

- Я верю в себя, - сказал певец, и никто не смеялся над ним. - Я верю в себя, - продолжал он, - и эта вера ведёт меня вперёд; и ничто не лежит на пути моём. Будет ли у меня золото, впишут ли имя моё в алых книгах, но поверю я не золоту и не книге, а лишь самому себе, и с этой верой умру я, и смерть мне будет легка.

- Но ты оторвёшься от мира. Люди не простят тебе. Веря лишь в себя, одиноко пойдёшь ты, и холодно будет идти тебе, ибо кто не за нас - тот против нас, - сурово сказал царь.

Но певец не ответил и снова запел песню. Пел он о ярком восходе; пел, как природа верит в себя и как он любит природу и живёт ею. И разгладились брови царя, и улыбнулась царевна, и сказал певец:

- Вижу я - не сочтут за врага меня люди и не оторвусь я от мира, ибо пою я, а песня живёт в мире, и мир живёт песней; без песни не будет мира. Меня

сочли бы врагом, если бы я уничтожил что-либо, но на земле ничто не подлежит уничтожению, и я создаю и не трогаю оплотов людских. Царь, человек, уместивший любовь ко всей природе, не найдёт разве в себе любви - к человеку? Возлюбивший природу не отломит без нужды ветки куста, и человека ли сметёт он с пути?

И кивнула головой царевна, а царь сказал:

- Не в себя веришь ты, а в песню свою. Певец же ответил:

- Песня лишь часть меня; если поверю я в песню мою больше, чем в самого себя, тем разрушу я силу мою и не буду спокойно петь мои песни, и не будут, как теперь, слушать их люди, ибо тогда я буду петь для них, а не для себя. Всё я делаю лишь для себя, а живу для людей. Я пою для себя, и пока буду петь для себя, дотоле будут слушать меня. Я верю в себя в песне моей; в песне моей - всё для меня, песню же я пою для всех! В песне люблю лишь себя одного, песней же я всех люблю! Весь для всех, всё для меня - всё в одной песне. И я верю в себя и хочу смотреть на любовь. И как пою я лишь для себя, а песнью моей живлю всех, - так пусть будет вовеки. Поведу жену в далёкий путь. Пусть она верит в себя и верой этой даёт счастье многим!

- Хочу веры в себя; хочу идти далеко; хочу с высокой горы смотреть на восход!.. - сказала царевна.

И дивились все.

И шумел за окном ветер, и гнул деревья, и гнал на сухую землю дождевые тучи - он верил в себя.

Н.К.Рерих

27. 16 Июля 1900 г. СПб.

Милостивая Государыня
Наидражайшая невеста моя, Елена Ивановна.

Напрасно думаете утрудить ручки Ваши отодранием меня за хохол мой, ибо он таковой у меня маленький и оной критики Вашей противоустоять не в состоянии.

Тоже напрасно думаете, что спать ложимся мы с петухами; мы хоша и купеческого сословия, но дворянския привычки с малых лет исполнять приобретаем и вечером сидим в трактере, ведём разговоры и слушаем машину, и когда машина играет что-либо чувствительное для сердца, то мысленно и почти-тельно целую я Ручьки Ваши. Опять же, напрасно думаете Вы, Елена Ивановна, что храплю я во всю Ивановскую — скажу, как приятно было мне слышать из сахарных уст Ваших, наше любимое купеческое слово — то пренапрасно Вы на меня такая размышления имеете, оной привычки храпеть мы не имеем, а ежели во сне когда и присвистываем, - то в самую умеренную препорцию. В трактере непутственных разговоров мы не водим, а ведём кампанию с людьми солидными. Первое, Коммерции Советник Свиньин - двор строительных материалов содержит и покойный, Царствие Небесное, Папашенька Ваш, про него слыхивал. Второе, купеческий сын Александр Иванов Косоротов — галантерейными товарами шибко приторговывает. В-третьих, Греческого Короля поставщик Куинджев восточный магазин имеет.

С оными людьми мы водим канпанию.

За благовониистыми духами я послал мальца и настрого приказал прежде не брать, а понюхать, чтобы не было обману и духи крепко бы пахли. Малец нюхал и чихал даже, следовательно, духи добротные.

Понимает ли Тевяшев толк в товаре и до того мне дела нету, но хочет он купить у меня оптом партию оченно большую, и такие покупатели нам с руки. В Среду прикончу дела мои торговые и еду повидать Ваши ясные глазки.

Почтительнейше целую ручьку мамашеньке достопочтенной Екатерине Васильевне и пальчики Ваши несчётное число раз перецоловывая, и Господа о здравии Вашем моля усердно пребуду почтительнеше.

Купеческий сын и москательного магазина владелец,

*Николай Константинов сын Рерихов
Санкт Петербург Июля 16 года 1900*

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/161, 2 л.

ХРОНИКА⁵

С глубокою скорбью **Мария Васильевна Рерих с детьми** извещает родных и знакомых о скоропостижной кончине мужа и отца Константина Фёдоровича Рериха, последовавшей 26-го июля. О дне погребения будет объявлено особо.

Новое время. 1900. 28 июля/10 августа. № 8770. Пятница. С. 1.

С глубокою скорбью **Мария Васильевна Рерих с детьми** извещает родных и знакомых о скоропостижной кончине мужа и отца Константина Фёдоровича Рериха, последовавшей 26-го июля. Вынос тела из церкви Св. Екатерины (Васильевск. остр., угол 1-й линии и Большого просп.) последует в понедельник, 31 июля, в 3 часа дня на Смоленское православное кладбище.

Новое время. 1900. 30 июля/12 августа. № 8772. Воскресенье. С. 1.

Семья покойного Константина Фёдоровича Рериха приносит свою сердечную благодарность всем выразившим участие в постигшем её горе.

В четверг, 3-го августа, в девятый день кончины Константина Фёдоровича Рериха, будут отслужены заупокойная литургия и панихида в церкви во имя Иоанна Богослова на Смоленском кладбище. Начало литургии в 10 час. утра.

Новое время. 1900. 2/15 августа. № 8772. Воскресенье. С. 1.

28. Четверг, 27 Июля 1900 г. СПб.

Дорогая моя, не могу не урвать минутку, черкнуть Тебе. Страшно устал, всё ездил, надо всё сообразить и устроить, и руки сейчас немного трясутся.

Умер отец скорпостижно от сердца; настроение было спокойное, накануне вечером ещё играл с другими больными в карты.

Умер 26-го в 8 час. утра, но телеграмму из Удельной не сейчас распечатали дома. Завтра перенесут в церковь, гроб зальют, а похороны – когда приедут наши, думаю, в воскресенье к вечеру.

Как Ты растрогала меня своим отношением, спасибо, родная, спасибо, милая; в Тебе всё моё прибежище. Пожалуй, Ты и ночь плохо спала? Я так не спал, лишь часов в 5 немного позабылся до 6½. Какая Екат. Вас. добрая и хорошая, поцелуй её, когда мы поцеловались на прощанье – это было что-то родное. Она пожалела меня.

Напиши мне милая. Не волнуйся.

Твой весь Н. Р.

Какая Ты хорошая!

27 Июля. 3 часа. Сейчас на панихиду.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/210, 2 л.

⁵ Николай Рерих в русской периодике. СПб. 1004. Вып. 1.

29. Суббота, 29 Июля 1900 г. СПб.

Дорогая Ладушка, уже Суббота сегодня и 5 час. а письма Твоего всё нет, да нет, что же это такое? Уже здорова ли Ты? Господи, какие у меня ужасные эти дни, прямо ноги отнимаются, хотя настроение теперь спокойное, ибо всё хорошо выходит. Только по вечерам мне становится до того скучно в пустой квартире, что уже вторую ночь ночую у Свиньи. Похороны только в Понедельник. Сейчас сижу и не могу собрать мыслей — такую уйму всякого разнообразного народа приходится теперь видеть.

Вчера перенесли в церковь; никто не знает об этом, были лишь 5 самых близких семей. Наши вернутся лишь в понедельник утром.

Как то Твоё настроение? и Екат. Вас.?

Гроб вчера запяли, ибо страшно уже меняется. Вчера я даже и не видал лица, после того как сказали, что лицо стало страшное, мне не хотелось портить впечатления, ибо третьего дня выражение лица было спокойное и черты ещё тонкие. Последние дни отец вёл себя спокойно, бреда было мало. Я думаю, что мама не очень волнуется.

Нет ни о чём не могу писать, передо мной стоит лицо Твоё. У Тебя были такие грустные, грустные глаза Милая Ты моя!

Опять идут со счётами — всё плачу, не дают писать, а сейчас надо отослать, иначе сегодня не пойдёт.

Посылку Твою Андрей сегодня зашивает, а завтра пошлёт. Целую Тебя крепко и Екат. Вас. Пиши

Твой

Н. Р.

29 Июля 1900 г.

Опять чуть не плачу, но не от горя, а от радости, ибо сейчас получил Твоё письмо.

Да, Тебя можно любить, нужно любить, и только Твоя любовь даёт мне силы. Знаешь, несчастье ещё ближе нас поставило. Какая Ты хорошая, какая сердечная, добрая.

Спасибо, спасибо, спасибо. Не можешь представить, до чего дорого и необходимо мне Твоё слово.

Твой

Н.Р.

Письмо моё уже было запечатано, но я вписал - сейчас отправляю.

Отдел рукописей ГТГ, 44/159, 2 л.

30. Воскресенье, [30 Июля 1900 г. СПб.]

Дорогая моя, Ты пишешь, что хорошая наша любовь; правда она хорошая, и ею можно только гордиться, а никак не стыдиться её. Я чувствую, что только Твоё слово может успокоить меня.

Послушай, какие гадкие слухи до меня доходят. Кухарка нижней жилицы Рязановой, говорила Советовой, что «вот, де, так, барыня, упрятила здорового человека в сумасшедший дом, а сама на Кавказ уехала и т.д.». С другой стороны

говорят, что будто он с тоски кончил самоубийством. И такая нелепая ложь может распространиться и знаешь язычки у людей! Ты никому этих слухов не передавай, но у меня они слишком тяжёлым камнем лежат на сердце и не могу не поделиться с Тобой. Узнав про Рязановскую кухарку, я бросился вниз и буквально, с пеною у рта, предупредил её, что если услышу ещё что-либо, то ей придётся говорить с жандармами. Только бы ничто не дошло до мамыши. Теперь я окончательно взял себя в руки и завтра встречу её на вокзале весёлый, успокою её.

Дома всё по-прежнему, его она не увидит, Лютеранск. службы она не любит и будет как на чужих похоронах. Сделал всё, что мог, даже приготовил траур для мамыши. Всё страшно дорого, но надеюсь она не будет в претензии, ибо я считаю моим долгом, чтобы всё было очень хорошо.

Если эти дни не получишь письма – знай, что у меня не было минуты пристесть к столу, но мысленно я с Тобой. Сейчас еду осматривать открытый склеп.

Целую крепко. Пожалуйста, пиши; всех целую.
Господи, какая полоса на меня идёт. Твой весь

Н. Р.

Воскресенье 3 часа д.

Какая странность! Сейчас кончаю писать и слышу, рядом в комнате совершенно явственно волочится по полу стул. Я кричу: София (мне её нужно было), думая, что это горничная, выхожу – никакого нет. Иду на кухню и узнаю, что в комнаты никто не входил и ни собаки, ни кота не было. Вот странно! а слышал я совершенно явственно.

Как нервы разошлись!

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/436, 2 л.

31. Вторник, [1 Августа 1900 г. СПб.]

Хорошая моя, славная моя,

Твоё письмо встревожило меня. Как же Твоё здоровье? Прошла ли слабость?

Спешу окончательно Тебя успокоить, что всё благополучно. Особенно скверно чувствовал я себя в Воскресенье – прямо места не находил, ноги дрожали, думал, что заболел. Но в Понедельник, когда приехала Мама, несмотря на новую усталость, я чувствовал себя всё же лучше, а сегодня всё прошло. Говорят, за эти дни я осунулся, но это пройдёт.

Сейчас вернулся дядя. Мама не только не упрекала меня, но очень благодарилась и была довольна, ибо всё было очень торжественно и хорошо.

Мне кажется, что после этого мы будем с ней несравненно ближе и сердечнее. Сестра с братом Володей осталась на Кавказе, ибо у него в Кисловодске сделалась перемежающаяся лихорадка с температурой 40. И Ваши не остались бы в Кисловодске, ибо там бывает эта неприятная болезнь. Твои известия о Екат. Вас. прямо трогают меня – будь с нею ласкова, мы будем с ней очень хороши.

Миленькая моя, уж как же хочется мне обнять Тебя – мою хорошую и сердечную.

Что же... [зачёркнута одна строка]?

Твоё письмо вчерашнее я перечитывал раз 10. Вечером я почувствовал, что оно лежит в ящике – так и оказалось.

Сейчас еду на кладбище.

Всех целую. Странно, что на похоронах было больше моих знакомых, нежели друзей отца. Видно, он им больше не может быть полезен. Пиши, милая. У нас хорошая, светлая любовь, из которой можно сделать многое доброе.

Милая, хорошая, дорогая, смотри, даже несчастье нас ещё больше сближает – это добрый знак.

Твой весь.

Н. Р.

Вторник, 11 ч. утра.

Всё-таки как я устал за это время.

Я думаю, что приеду к Тебе раньше, чем в Окуловку – отдохнём.

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/435, 2 л.

32. [Август 1900 г. СПб.]

Милая Ладушка, что это со мною случилось! – сегодня у меня заболели ноги в коленях. Чувствую, словно бы, кости соскочили и расхлябались. Дядя говорит, что это пустое, велел намазать йодом и дать ногам отдых, т.е. посидеть и полежать, но всё же я сегодня не мог стоя работать и уже к 12 час. вернулся из мастерской. Вот-то ещё история! И какое это неприятное, а иногда и болезненное ощущение. У Тебя бывало ли нечто подобное?

Ноги забинтованы, сажу как старик.

Вчера забыл написать Тебе про холст. Конечно, замазывай его сколько угодно. Интересно, что-то у Тебя выйдет.

Напиши, как-то глаза Твои? Коли что, пожалуйста, не утруждай их. А я всё нахожусь в раздражении из-за невозможности видеться с Тобой раньше 12-го; раздражение настолько сильно, что даже не могу написать хорошего письма. Смотри, какая странность: не могу написать Тебе хорошего письма из-за раздражения, а раздражён, ибо не могу Тебя видеть; получается какой-то круг. Перечитал письмо Твоё, и мне показалось, что Тебе будто не хочется, чтобы я приезжал после 12-го, когда Ваши вернутся? Так это или нет? Везти ли духи или у Тебя они есть ещё?

Заказал приготовить 75 патронов.

Дядя иногда бывает невозможен. Во время службы и на панихидах он смешит. То пристанет ко мне, отчего диакон не ему первому кадит, или выдумывает что-либо такое из его Парижских новых походов, что не знаешь, куда деваться. Он там побывал во всех кабачках в Раю, в Аду и т. п.

Посылаю Тебе образец <... > сочувствия, полученного мною; удивительный образчик пошлости.

Как мне хочется слышать игру Твою. Она меня успокоила бы. А то все мысли разорваны, и я словно из седла вышиблен.

Чем больше думаю, тем более убеждаюсь, что наша любовь хорошая. И даже хорошо, что нам приходится переходить всякие испытания, на них чувство закаляется, и страшно приятно сознание во время передрыги, что в присутствии любимого человека было бы гораздо лучше. Тогда любимого человека ощущаешь ещё ближе.

Люблю я Тебя, Лада, моя хорошая, крепко люблю. Работай, моя милая, но не надрывайся тоже, силы нужны и мы, владея всем искусством, сделаем многое. Целую Екат. Вас. как родную. Мне очень нужны Твои письма, пиши, милая, иначе мне не хорошо.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/432, л.2

33. [Август 1900 г. СПб.]

Хотя только что опустил письмецо к Тебе, моя хорошая, как получил Твоё, и не могу ещё не приписать строчку. Напрасно Ты тревожишься, кроме усталости и раздражения у меня ничего нет. А раздражение оттого, что не могу сейчас же приехать к Тебе. Самое близкое, могу приехать 12-го, выехав вместе с дядей; до того времени меня никак не выпустят. Что это глаза у Тебя какие? – всё болят; надо осенью серьёзно лечить их. Как хотелось бы ехать к Тебе, а тут сиди! – Это чёрт знает что! Спешу отправить.

Твой Н. Р.

Сперва я поеду к Тебе, а на Окуловку уже потом, и к 20-му дню уже не поеду в СПб. Всё равно теперь каждый день панихиды служат. Ужасно скверное состояние, просто боюсь, до того устал. Ведь Ты поиграешь мне?

Не правда ли?

Когда же, наконец, всё пойдёт хорошо.

Не сердись, миленькая, за скверные письма, но прямо душевно изнемогаю. Надо к Тебе.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/433, 1 л.

34. Вторник, 8 [Августа 1900 г. СПб.]

Вторник, 8-го вечер

Пишу в ужасной обиде на Тебя, Ладушка; выходит безобразие – вместо 6, даже 7 обещанных писем я получил только 4. Чувствую себя обиженным, обойдённым. И ноги-то болят, и Боткин сегодня заставил 4½ часа по Музею топтаться, и Куинджи уехал, не сказавшись мне, в Париж на выставку, и два уже дня мне не приходится быть в мастерской, и дядя забраковал вконец мою сказку, и кажется мне, глаза Твои разболелись, и к довершению ещё не получаю Твоей весточки. Нет, за что спрашивается? Свинство милая, и если завтра не получу Твоего письма, то рассержусь, и рассержусь заслуженно. Выезжаю в Четверг и буду Пятницу утром. Надеюсь, что хоть встретить придёшь. Мне в Сентябре, кажется, придётся ехать в Копенгаген сопровождать наследника в качестве художника, по крайней мере, Свиньин, который также едет с ним, в

голову, что такая поездка для моей карьеры очень полезна, и хочет сие устроить.

Боткин хотел задержать меня в Пятницу, но я сказал ему, что с удовольствием остался бы, но обещал в Пятницу быть у Герцога – он и прикусил язык. Спрашивает, Вы надолго едете? Отвечаю: «не знаю, недели на полторы». «Так черкните, когда вернётесь». У какого Герцога буду я в Пятницу!

Как нетрудно быть хорошим; вообрази сегодня одного молодого человека, до слёз довёл хорошими словами, он обещал не кутить, бросить женщин и вино и просил хоть изредка говорить с ним, а то он, будто бы, не слышит живого слова. Это моё-то слово живое! Скажите на милость.

Вчера переработал сказочку. Держал её в слогe Апокалипсиса. Многие сентиментальное выкинул. Сделал 3 вставки, но всё ещё угловато и тяжеловато, надо перерабатывать.

Пришёл Рылов, допишу потом.

Ну, денёк у меня выдался! 3 приходят всё денег просить. И не дать совестно, а посему 50 руб. как не бывало.

Рылов всячески просился на ближайшие отношения. Я обласкал его. Кажется, когда захочу действительно могу быть приятным. Уходя, он целовался и уверял, что окреп духом и идёт работать. Говорил, по-видимому, искренно.

Нет, хорош Куинджи! Уехать и не сказать ни слова. Так, пожалуй, не поступают с близкими людьми, а я думал, что он меня таковым считает.

И всё-таки я разбит весь, и всё-таки мысли мои разбежались, и только на Тебя, хорошая моя, надежда, что при Тебе опять соберусь в клубок на страх врагам.

Только не обижай меня, а поцелуй крепко и погладь своими славными руками, славными за музыку. Я предчувствую, как много даст нам Твоя музыка.

Среда. утро. Сижу дома, ибо сейчас придёт Судебный Пристав. Скучно. Письма Твоего нет как нет. Вчера, прости, говорил о Тебе Рылову, не мог удержаться, ибо мне хочется говорить о Тебе. Оказывается, он Тебя очень заметил на Симфонич. Концертах.

Ничего не работается, а Ты меня, небось, не жалеешь! А мне-то как хочется быть около Тебя.

Больше не буду писать, иначе будут попораны все законы справедливости – необходимо возмездие. Привезу Тебе стихи, которые прислала мне <М...>.

Если в Пятницу не встретишь – рассержусь. Целую Тебя и Екат. Вас. Вас. Да делаю это не для приличия, а в самом деле.

Дядя говорит, что в Париже картина моя так повешена, что даже не разобрать, что на ней изображено.

Твой весь

Н.Р.

Люблю, люблю, люблю, люблю,
люблю, люблю, люблю, люблю,
люблю, люблю, люблю, люблю,
люблю, люблю, люблю, люблю,
люблю, люблю.....

(Ты-то всего 3 строчки любишь, а я целых 5 – не угодно ли?).

35. Среда 22 Августа [1900 г. СПб.]*22 Авг. Среда. 2 часа дня*

Милая моя, дорогая моя, хорошая, отчего Тебя нет со мной? Вернулся я домой сегодня, в Среду в 7 час., оказалось, все наши уехали вчера вечером в Псков на неделю к знакомым в именье... И пусто и душно и скучно мне одному. И как вспомню, что мы могли быть вместе, так ещё хуже становится, и хочется мне быть около Тебя и смотреть на Тебя. Мы говорили, что письма лишнее; какое же это лишнее, которое необходимо! Хоть бы сейчас, - я не могу не писать Тебе. Если бы Ты знала, как мне хочется с вечерней почтой получить Твое письмо. Когда же, это, мы заживём одною жизнью! и вместо репетиции отправимся в настоящее путешествие? – поездочку богатырскую по заморским краям неизведанным. Как окончилось Твое странствование? Я долго следил за Тобою из вагона, как пошла Ты обок с какой-то семьёю священника, пошла спешною, деловитою походкою, словно бы шла по определённом делу. Думаю, Тебе не очень-то ловко было одной на чужой станции. Где же Ты ходила там? Попала ли на поезд? А главное, - что вышло дома? Не было ли раздражений, а если были смешки, то какие? Вероятно, у княгини и слово и мимика не уступали друг другу. Эти дни я чувствовал себя не худо, удушья не было, насморк малый, хриплость небольшая, так что даже читал вслух, но боюсь, что в городе опять начнётся неспанье, что-то с утра уже мало воздуха и тяжело как-то. Боюсь, не наделала ли беды вчерашняя верховая прогулка, ибо я, проскакав на чудесном коне вёрст 20, сел на холодном ветру писать этюды. Впрочем, доктор (я сейчас от него) говорит, что простудного ничего нет, а всё это чисто нервное. Дал успокоительное, а затем собирается травить меня мышьяком.

Теперь, моё пребывание в Окуловке; сперва общий вывод, затем частности. Общий вывод такой: я положительно начинаю верить, что иногда могу быть интересен, занимателен и когда хочу, тогда могу заполнить людей. За 3 дня моей бытности там я направил на герцога и герцогиню такой фонтан всякой всячины и археологической, и художествен[ной], и фантастической, и литературной и вс. прочей, что в результате последовали самые радушные приглашения опять приехать в Окуловку и непременно быть у них в городе, а также желание быть у меня. Попал я прямо к обеду. Сперва мне было жестоко не по себе, ибо я не знал о чём говорить, а главное, в каком тоне. Они не знали, что я художник, и разговаривали как с преп. Арх[еологического] Института. После обеда в кабинете за кофе Герцог вспомнил, что видал мои ящики и, как причастный к искусству, спросил, работаю ли я. На мой утвердительный ответ, вопрос: «выставляете ли Вы?» «Выставляю». «Где?» «На Академ. выставке, мои картины «Поход» и «Старцы». Герцог вскакивает, - «Так это Ваши картины? Простите, я не знал, в отношении ко мне Вас называли преподавателем, а не художником». После этого разговор пошёл уже из другой оперы, археология отступила на задний план и выступило художество. Спервонач[ал]у мне было трудно с ним сговориться, ибо он противоположного лагеря и дружит с художниками СПб. Общества, которых ведь я не люблю, но затем мне удалось вставить несколько таких словечек, что он невольно начал говорить моими мыслями, а когда я набросал эскиз (охоту на кабана – он больш. охотник), то

он: «уж увольте, а я конфискую ту вещь, она мне очень нравится, только подпишитесь».

Герцогиня оказалась очень добрая и простая, и Герцог иногда (в последний день моего пребывания, когда перестали меня стесняться) говорит ей (при мне) такие вещи, что анекдоты Бологовские - младенчество. За 3 вечера о чём только мы ни говорили! Я ему подарил мои статьи. Герцогиня, узнав что я писательствую, притащила альбом свой, чтобы вписать туда что-нибудь, говоря, что соседи недурные – как Апухтин и К. Р. Пришлось набросать мал. стихотворение на тему:

*«Я мёртвых искал. Мне хотелось жизнь в смерти далёкой найти...,
но, мол, около смерти холодно и неприветно, а около живых,*

встретившихся мне во время поисков мёртвых, - мне лучше и теплее». Дописал этюд именья и подарил Герцогине. «Здесь, мол, ему не худо висеть». «Как, Вы его оставляете?» «Да, Вам». «Это мило, но уж позвольте мне взять его в город, ему место в городе, а не в деревне».

В первый обед сделал неловкость: съел суп не той ложкой.

На раскопке герцог всё время присутствовал. В научном отношении она довольно интересна; ибо дала кострище до 6 верш. толщиной, а в нём осколки костей коня и шлаки. Герцог будет о ней писать в «Nature». Как хорошо было прокатиться верхом; лошадь – вороной казак – превосходная; скачет спокойно и ход широкий. Может быть сердце Герцога, как хозяина и сжималось, но я проскакал последние три версты в опоре. Жалко, не пришлось поохотиться, первые 2 дня работал, а с 3 с утра было жестоко холодно – всего 4°.

Уже видал Свинына. Сегодня он едет в Абас. Туман, придётся проводить его, кстати, и письмо Тебе опущу. Он тащит меня ускорить заграничную поездку, чтобы проехать с ним в Ай Тодор к Георгию Михайлов. Всего в путешествии он думает пробыть 5 недель. Уверяет, что с Георг. Мих. лучше всего мне ближе познакомиться в деревне - так всё проще и отношения могут возникнуть лучше. Дай Бог, чтобы так. Мне, кажется, удаётся устроить Зарубина на место Собки. Собко ушёл; ему дали 1200 пенсии и звезду. Всё это так, и всё-таки мне как-то тяжело и скучно. Приходит в голову, "а вдруг дальше всё хуже пойдёт? А вдруг эти мои удушья тоже неспроста, хотя доктор говорит, что всё пройдёт. Миленькая, славная моя, хоть Ты то пиши мне. Читала сегодня фельетон Розанова? У нас есть тоже что-то роковое. Знаешь, я ещё больше люблю Тебя! Ты мне ещё роднее и Ек. Вас. тоже роднее.

Крепко, крепко Тебя целую и надеюсь, что оспа до 1-го пройдёт, и вы вернётесь. Хорошая, хорошая, милая-милая – пиши подлиннее. Приехал ли Яков (я ведь ревную немного – он Тебя видит, а я нет).

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/211. 4 л.

36. Четверг, 24 Августа [1900 г. СПб.]

Дорогая моя, вот уже Четверг вечер, а Твоего письма всё нет и нет – 5 дней оставляешь меня без весточки, особенно зная каково моё скверное настроение. И сегодня чувствую себя неважно, хотя ночь спал не худо, но лёг поздно – около 2-х. Вечером был Косоротов; кажется, у него настраивается заграничная поездка от «Нов. Времени» и он просил меня заменить его на это

время в «Нов. Вр.». Хотя и неприятно, но придётся, ибо иначе туда может проникнуть какой-либо нежелательный мне элемент.

Сегодня я много думал, и знаешь о чём? О том, что нам не следует надолго откладывать нашу свадьбу, не то мы в конец нервы испортим. Нет, право, будем к весне это дело подгонять и даже хорошо, что место пока не устраивается – ибо поедем, прежде всего, куда-нибудь на хорошее тёплое купанье и, забыв кто мы, и зачем и откуда, месяца 3 укрепим себя, а затем некоторое время проживём в одном из художественных центров. Я буду писать, а Ты поработаешь у какого-либо местного профессора – (Боровка Тебе кого-либо посоветует). Я думаю, что мама, увидав, как расхлябались мои нервы, даст мне денег 3000 на год (года на 4), так что, если я сам даже ничего не заработаю, то всё же проживём помаленьку, особенно за границей, где меньше пойдёт на представительство. А там вернёмся и место схлопочем. Так что, быть может, всё это и к лучшему, что теперь ещё ничего не получается. Воображаю, как мы укрепим наши нервы, живя вместе, вдали от повседневного общества, купаясь и дыша морским воздухом. А затем, как свежо пойдёт моё творчество и как много успеешь Ты при серьёзных занятиях и в обстановке художественного центра. Это, должно быть, интересное, хорошее время, о котором без сомнения мы будем вспоминать впоследствии с радостью. В теперешнем же нашем положении мы оба как-то разбиты и не делаем того что можем. Ты в силу различных обстоятельств очень ослабла физически: и волнение при игре, и пятна на щеках, - всё это свидетельствует о необходимом укреплении нервной системы. Мне тоже это необходимо, иначе оно разовьётся в неврастению и будет впоследствии мешать выполнению задуманной программы.

Так-то, моя хорошая! Напиши, по душе ли Тебе сии соображения. Как скучно, что не получаю Твоих писем. Мне уже представляется, что приехали гости и Ты забыла о своём майчике, который всё время о Тебе думает и мысленно целует Тебя. Мне плохо работается и плохо думается. Сегодня я заезжал к Селиванову, – он ужаснулся моему облику, «отчего у вас под глазами так сине?»

Целую Тебя и Ек. Вас. Получила ли моё первое письмо?

Н. Р.

Четверг, 24-го Августа

Князя поцелуй, но иначе чем Ек. Вас.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/255, 2 л.

37. 25-26 Августа [1900 г. СПб.]

Пятница, утро 25 авг.

Мне страшно хочется встретиться с Тобой, хорошая, в Вашей квартире. Мы должны встретиться совсем иначе, нежели расстались весною. Коли вспоминать, сколько недосказанного было весною, и насколько чужими мы были тогда, сравнительно с осенью. Тогда было хорошо, была борьба, противодействие, отпор, теперь всё это устранилось и понемногу начинается дружное поступательное движение не во имя личности, а во имя дела и принципа. Правда, теперь как-то теплее у нас, и сама страсть не мешает этой хорошей теплоте

потому, что и страсть эта хорошая. Одно скверно (как я писал вечером), что мы немного разбиты, но это временное и мы скоро соберемся в крепкий клубок.

Пятница, 6 часов

Последняя надежда лопнула получить Твоё письмо. Ума не приложу, что сие может значить; завтра уже Суббота, т. е. неделя, как не беседовали. Уже здорова ли? Не глаза ли опять? Но если бы глаза, то хоть Ек. Вас. написала. Если же из-за гостей, то не прощу, так и знай. Если завтра не получу письма, сделаю запрос телеграммой и заявлю полиции. Сегодня написал эскизец, вроде как при Тебе рисовал; тоже идола, река — всё в самых ярких тонах. Думаю написать эту штуку; она должна мне удалиться и будет для меня полезна, ибо замолчат все кричавшие, что я не пишу в ярких тонах. Эх, если бы вернулось моё хорошее самочувствие, а то при такой разбитости и руки-то не поднимаются. Получил письмо от Ек. Ив. Бекл. Пишет, что они на Капри и утопают в блаженстве. Я даже рассердился: потому, какое они имеют право утопать в блаженстве, когда их приятель так мерзко себя чувствует. В этом духе и ответил ей.

Временами мне кажется, что это со мной неспроста, а начинается что-либо скверное. Не кажется это Тебе?

Отчего нет Твоего письма? Как бы я его целовал и, ложась спать, много раз перечитывал и утром встал бы несравненно бодрее.

Суббота, 9 утра

Сейчас отправлю письмо, не дождавшись Твоего. Ложась спать, опять думал о нашем будущем заграничном житье и все более восторгаюсь им. Мы на покое укрепим нашу технику, совместно проштудировав всю историю живописи и музыки, а также наиболее важные философии. (Прочти у Ницше «Вторая плясовая песнь» — не правда ли прелесть — это в конце Заратустры. Какие у него глубокие символы!) И таким образом, проработав год, мы вернёмся домой во всеоружии, более близкие к выполнению нашей задачи кружка. Для руководства необходимы также факты, а их у нас пока мало, — надо этот пробел восполнить, а восполнить его нам удастся лишь вдали от Петербурга. Правда, Мюнхен (а это самый подходящий для нас художественный центр) много шумливее Питера, но та жизнь нам чужда и мы несравненно глубже погрузимся в себя и поработаем. Методичность и система окружающей немецкой работы внесут и в нашу российскую нервность порядок, и мы будем трудиться, забывая наши теперешние большие вопросы: «а в силах ли я?», «Могли ли я?» «К чему всё это?» - и прочее, что нас теперь волнует.

Непреренно напиши мне, что думаешь о таком плане, я уверен, что он Тебе будет по душе, ибо Ты просмакуешь, каково полезен он и для Тебя, и мне.

Возвращаюсь к Ницше. Чем больше читаю его, тем больше убеждаюсь, что написано это отнюдь не для особо сильных умов, а для всех, и за этим учением великое будущее. Непреренно почитай Заратустру и увидишь, что мы с Тобой природные ницшенианцы.

По тону моих писем, я думаю, Ты видишь, насколько за этот приезд мой Ты стала мне ещё ближе. Сегодня уже 26-е, стало быть, уже скоро переедете, ибо про оспу что-то не слышно и, во всяком случае, она в более низких слоях, с которыми Ты никаких сношений не имеешь, так что вероятность заразиться настолько же велика, как и от нищих, которым Ты подаёшь в Бологое. Вчера

был Рылов, я ему говорил, что думаю надолго [выехать] за границу весной, он сказал, что многие спрашивают у него, почему я до сих пор не был за границей. Непременно поедем.

Целую Тебя крепко (вспоминаю вечера у князя в кабинете) и Екат. Вас. и всех. И тётю Лидю

Н. Р.

26 августа 1900 г.

Отдел рукописей ГТГ, 44/162, 3 л.

38. [Суббота] 26 Августа [1900 г. СПб.]

26 Августа, 6 часов.

Только что, милая, хорошая, дорогая, отправил Тебе письмо, а вот опять хочется писать. Господи! как ждал я Твоего письма, без конца посылал прислугу смотреть в кружку и, если бы с вечерней почтой не получил ничего от Тебя, то не знаю что бы и было. Теперь даже смешно, но у меня даже руки холодели при мысли, что Ты не позаботилась написать мне. Ты занимаешь во мне огромное место, и конечно, и мне хочется занимать в Тебе такое же, и когда я думаю о Тебе чуть ли не всё время, и мне кажется, что Ты думаешь обо мне меньше – то, конечно, становится смертельно обидно. Отчего Ты ничего не написала об окончании нашего путешествия? Не рассердилась ли?

Если Ты хочешь, я непременно побываю у Мержеевского, но в начале Сентября. Сегодня чувствую себя лучше, колени не болят и проспал я около 10 час., а как получил письмо Твое письмо, то и совсем хорошо стало, даже в голове просветлело. Только уж не прогневайся, если письмо Твое прочту и не раз и не два, а много раз - и на ночь, и утром. Как у меня сразу настроение изменилось! Сегодня приехал Зарубин; я был у него, дал ему целую программу как действовать в Обществе, как говорить с Балашовым и прочими, чтобы получить место Сойки. Предупредил, что он не должен говорить, что мы с ним видались. Мне страшно хочется, чтобы он получил это место. Хочется, чтобы улучшилось его материальное положение, а также и потому (Тебе сознаюсь) чтобы на выдающихся местах были более или менее мои люди. Для моей программы это важно. Если бы Зарубин узнал последний довод, то-то бы он обиделся. Зашёл он и ко мне в мастерскую и особенно одобрил новый эскиз с идолами, – вероятно, его и буду писать.

Про Косорогова я уже писал Тебе в утреннем письме. Напиши мне впечатление утреннего письма? Почему Ты думаешь, что у нас ничего не клеится? Ведь прошлый приезд мы уже пробовали читать вместе – и ничего, выходило.

Надеюсь, что завтра напишешь мне хорошее длинное письмо. Пожалуй, два моих получишь одновременно. Как я уже писал, полагаю, что Вам можно вернуться к первому Сент.

Сам отнесу письмо в кружку. Милая моя, хорошая, уж как-то я горд Тобою. И как только Ты подкрепишь меня, так чувствую силы сделать многое. Слава Богу, наши отношения становятся всё полней и теплей. Так едем за границу, учиться?

Рискую оказаться пошлым, хочется мне назвать Тебя лучшими именами, какие я только знаю. Видишь, какое действие имеет Твоё письмо, а потому пиши не медля.

Всем поклон, Стёпу целую. *Н.Р.*

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/257, 2 л.

39. Воскресенье, [27 Августа 1900 г. СПб.]

Воскресенье. 5 часов.

Только что пообедал, съел невероятную массу грибов и арбуза – так что не на шутку опасуюсь возмездия – только бы не ночного.

Сегодня у меня, моя дорогая, праздник – праздник хороший. Зарубин получил место Собки – всё вышло так, как я предполагал, т.е. он назначен пока исправляющим должность, но это всё равно. Никогда я не думал, что могу так радоваться за происшествие с посторонним человеком. И какая это хорошая радость! Не знаю буду ли я так радоваться, когда устроюсь в Музее. Я начал прыгать, целовать его, тормошить – как угорелый. И что хорошо, что во всём этом не было своекорыстных побуждений. Я тогда забыл, что он мой человек и всякое прочее, и видел только, что ему хорошо, и от этого и мне становилось хорошо до невыразимости. Слава Богу, теперь он обеспечен!

Так[им] образом, у меня сегодня большой подъём. Эскиз с идолами меня радует – он сильный, яркий, в нём ни драмы, ни сантиментов, а есть здоровое языческое настроение. Письмо Твоё сегодня опять перечитывал – вижу, Ладушка меня очень любит – чего же мне ещё? Одно свинство – завтра придётся с Боткиным в Музее сидеть, ну да это ещё ¼ беды.

Рассказывал я Зарубину мои планы о Музее и Георг. Михайл. – всё это ему ужасно нравится, но говорит, что, коли что будет наклеиваться, то ехать надолго в Мюнхен рискованно, могут здесь перебить. Надеюсь, за эту зиму всё достаточно выяснится.

Читал Зарубину сказочку – он сильно её одобряет.

Сейчас была тётка. Есть же на свете такие глупые и пошлые создания, просидела всё же около часу, еле-еле удалось её выжить. Немного испортила моё праздничное настроение.

В мастерской сегодня совсем не работал; пришёл туда часов в 10, устанавливал новый холст (это уже 6-й за лето), а потом пришёл Зарубин с хорошими вестями и мы просидели до 1 часу.

Теперь мне любопытно знать кое-что о Тебе. Как музыка, ведь экзамены не за горами. Как домашнее настроение? Не успела ли Нина Алекс. настроить Стёпу против меня? Потом мне вот что интересно: мне кажется, что дурные мысли Тебя окончательно оставили, так ли это? Сдаётся, что так! Если так, то Ты одержала уже великую победу над собою.

Странно мне, отчего это я, всегда любивший и любящий писать письма стихами и пародиями, не нахожу возможным писать к Тебе так же. Не в том же ли причина, в чём у Тебя, когда Ты не могла пикироваться и дразнить меня.

Милая, хорошая – сегодня письмо в красной рамке и, пожалуй, последнее, ибо Вы когда переезжаете?

Пиши мне длиннее и лучше. Думаю, завтра получу Твоё.
Целую Тебя и всех.

Н.Р.

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/431. 2 л.

40. Понедельник, 28 Августа [1900 г. СПб.]

Понедельник

28-го Авг.

Вот-то несчастье! – Не получил сегодня Твоего письма. А уж как надеялся получить; неужели мои велеречивые письма не размягчили Тебя и не понутили к перу, о, жестокосердая женщина!

Сегодня я опять в плохом чувствовании, впоследствии разговора обо мне Ап. Васнецова с Лазаревским. К Лазаревскому (в Общество) приходит Ап[оллинарий] Васнецов по делу и, между прочим, (его я знаю очень мало) спрашивает:

- «Ну, что ваш маг и волшебник делает?»
- «Вы про кого?»
- «Да этот пейзажист, жанрист, историк и всё вместе».
- «Да кто такой?»
- «Да ваш вице-директор Музея».

Не правда ли, сколько в этих словах недоброжелательства, жёсткости и, боюсь, даже зависти.

Чем я могу мешать такому художнику как Васнецов; право, они сами подобными суждениями приписывают мне значение, какого я и не заслуживаю и не имею. Также и Кравченко на днях говорил, что, однако, какие местечки молодёжь при искусстве захватывает! Воображаю, какой гомон подымется, когда я окажусь в Музее.

Мне жалко Зарубина и ему придётся теперь столкнуться с кличкою карьериста и с завистью. Вчера он сидел у меня весь вечер; я развивал ему план солидного торгового дома «Зарубин и Рерих». Сегодня в Музее Боткин (он, свинья, продержал меня там часа 4½) уже говорил мне «жалко мне Виктора Ивановича, ведь, пожалуй, на этом месте придётся ему отложить кисти в сторону». Ведь теперь бедного Витю начнут эти подлецы рядить в чиновника.

Когда же Вы переезжаете? Сегодня в ночь вернулась сестра с Борей. Они приехали в 2 часа. Боря лёг спать, а мы с сестрой толковали до 5. Она одобряет все мои планы, но говорит, что о деньгах лучше обождать говорить с мамой, ибо она и без того собиралась былой залог отца, т. е. около 29 тысяч теперь же разделить между нами (на 4 части). Нам это на первое время, года на 3, – очень будет на руку. Кроме того, она (как говорит сестра) с лёгкостью из % даст рублей 700-800. Так что с лёгкостью уже составляется около 3000. Это не худо, ибо мне сдаётся, что в этом году я непременно что-либо продам. Если б было возможно, я бы ускорил свадьбу даже на Январь, но об этом боюсь мечтать.

Пожалуй, от Тебя будет уже последнее письмо – скоро увидимся.

В Среду буду у Мержеевского.

В Среду же остаток дня проведу у Стасова – он мне будет давать советы для поездки. Ведь уже скоро и ехать мне придётся.

Целую Тебя и Ек. В. и славных всех прочих.

Н. Р.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/429, 2 л.

41. [Вторник], 29 Августа [1900 г. СПб.]

29 Августа,

вечер часов 11½. Сижу и перечитываю Твоё недавно полученное письмо – не-счётно раз перечитываю, и мне делается ужасно хорошо. Наконец-то у меня есть человек, к которому я могу нести всё моё, нести на доброе слово. Хорошая Ты у меня – славная и добрая; и когда сравниваю Тебя с моими, особенно же с мамой, то результаты сравнения получаются самые контрастные. Положительно я убеждаюсь, что у меня с моими или нет настоящих родных отношений, или я слишком требователен.

Сегодня ездили с мамой в Гостиный Двор. По дороге она напала на меня: незачем де мне ехать за границу со Свиныным – пользы знакомства с наследником и Георг. Мих. она не понимает – Свинын, де, не хочет ничего тебе делать, иначе бы Бенуа уже давно согнал с места. Я тщетно старался доказать, что если даже Свиныну во многом и не доверять, то всё же убрать генерала Бенуа не легко и уже и то много, что Свинын с Тевяшевым расшатали его почву и положение. Подобные вещи скоро не делаются. Ничего, де, у меня не выходит и ничего, де, я не делаю. Как это мне было обидно, я и сказать не могу. Ведь несправедливость! – и от кого же?

Радуюсь, что Вы в Пятницу выезжаете. Вероятно, в Субботу вечером мне уже можно будет быть у Вас.

Завтра утром буду у Мержеевского – тогда допишу его заключение. Меня пугают чрезмерно быстрое чередование страшной энергии и полной апатии и упадка. Что-то он скажет?

Теперь опять буду целовать и перечитывать письмо Твоё.

Среда. 9 утра. Сейчас еду к Мержеевскому. Сегодня в 5 ч. утра, опять было удушье.

Был у Мержеевского. Резолюция его следующая: всё в порядке – все органы хороши, но нервная система расшатана сильно. Лечение: холодные обтирания, всякие капли и облатки, уменьшение работы и ускорение свадьбы, а также отъезд за границу, где сперва отдых, а затем спокойная работа. Потом всё – придёт в норму.

Так что, недаром мне этот план приходил на ум, – вероятно в выполнении его наше спасенье. Надо полагать, что когда и медики станут за нас орудовать, то мама сделает всё что надо.

Только одного не придумаю, как это ухитриться и это время меньше работать? – как раз перед поездкой много хлопот и работы.

Мержеевск. очень хвалил мой организм и образ жизни. Спрашивает: «и ваша невеста сочувствует худож. вашим задачам, так что рассчитываете на

спокойную жизнь?» «Конечно, так и будет». «В таком случае, зачем до весны свадьбу откладывать? Нельзя ли ускорить?»

Передай это вместе с поцелуем Ек. Вас. и прекрасной тетушке, т. е. княгине.

Приезжайте. *Н.Р.*

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/430, 2 л.

42. Понедельник, [Сентябрь, 1900 г. СПб.]

Я не знаю, как Ты себя чувствуешь в Понедельник вечером, Лада, но я чувствую себя очень скверно. Такая слабость, такая пустота в голове, спать – душно, а думать ни о чём не могу. Лада, зачем Ты захотела меня одурачить. Ведь умолял же я Тебя не высмеивать меня... Если бы Ты захотела дурачить жиду, то и приписала бы, что это его сочинение. Я теперь не знаю чему верить в Твоих письмах, - смотрю на них и не знаю, где Ты смеялась, где нет. Милая это жестоко! Неужели и короткое время сердце не может быть полно лучшею, чистейшею любовью и желанием всего себя принести другому человеку. Я живу для работы, а работать могу лишь ради Тебя – и если Ты отталкиваешь, то я лишний – всему лишний человек. Для творчества нужна почва; эта почва у меня Ты. Без Тебя не могу работать, а насмешка Твоя больнее ножа – это жестоко, жестоко, жестоко.

Если Ты не приедешь теперь же, как можно скорее, то значит моё состояние Тебе всё равно. Ну а если бы жид ещё сильнее приставал, то Ты, может быть, согласилась бы в угоду ему и в глаза мне насмеяться. И главное, в угоду кому? – жиду, над кем же смеялась.

Я не сержусь и, тем паче, не ревную, но мне больно, что Ты намеренно развиваешь во мне подозрительность, чтобы я в каждом слове Твоём искал иронии, предвзятой скрытой мысли. Я на это мало способен. Мне уже довольно стоять на страже перед врагами, - дома я желаю уверенности, не хочу засад, не хочу подвохов и ухищрений. У меня в ушах звон, у меня голова точно налитая. Нет, тут что-то не так. Ты не могла так писать, без приписки, что это не Твоё.

Проклятое Общество! – я не могу сейчас же ехать к Тебе, а Ты, знаю, не хочешь нарушить определённых сроков и сама помочь мне. Пусть Тебе сердце подскажет, что сделать. Думаю, оно у Тебя не такое, чтобы подсказать написать: «полно милый, зачем из мухи слона делать. Мы приедем, как решено, 25-го в 9 ч. 15 м. вечера, и ничего не горит». А то-то и есть, что горит, то-то и есть, что мне одиноко и холодно стало, и письма этой одинокости не помогают. Зачем Ты, Лада, сделала?

Ох, как жду от Тебя. Мне надо видеть Тебя.

Сейчас получил Твоё письмо, не могу не написать сейчас же. Милая, как хорошо, что Ты не разорвала первую часть письма. Я думаю, нужно быть тупым и очень грубым человеком, чтобы внутри иногда не дрожали таинственные струны какой-то общей тоски, как у Тебя в тёмную ночь. Милая, милая, милая мы принесём друг другу и эту тоску, а подчас и радость, и всё-всё разделим пополам! Милая, как приятно сознавать, что есть человек, который несёт мне свою душу (душу чистую), и как приятно и себя нести ему всего. Голубчик, как люблю-то я Тебя!

От нас самих же зависит, сорвать туман с далёкой зари, и неужели наша любовь так несовершенна, что она не даст нам на это могучей силы. Вихрь разнообразной работы, скачка без оглядки, широкая жизнь в лучших её проявлениях – всё это сулит нам дружное, совместное наше существование. Я верю, что Ты явилась, чтобы дать мне новые силы, чтобы округлить моё существо и помочь в жизненной битве. Я же дам Тебе всего себя. Я знаю, что буду честно к Тебе относиться. Знаю, что Ты мне будешь родною в лучшем значении этого слова. Милая, хорошая моя Лада, радость моя! Прости, голубчик, за бессвязное писание, но есть порывы, которые не укладываются в правильные строки. Ими, бездонными, я полон.

Милая, приезжай – думать вместе, радоваться вместе, гнать вместе всё тяжёлое.

Зизи хотели видеть бар. Врангель и Никифоров.

Благодарю князя за письмо. Писать ему не могу. Нужны сахарные слова, а их у меня сейчас нет. Извинись.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/229, 2 л.

43. [Сентябрь, 1900 г. СПб.] (Фрагмент записки Н.К. Рериха к Е.И. Рерих)

Милая, радость моя, я верю, что Ты не сознательно сделала мне больно. Я верю и поминать об этом больше не буду.

Приезжай скорее как

[угол оторван]..но. Целую крепко и ...

Отдел рукописей ГТГ, 44/253, 1 л.

44. [Сентябрь, 1900 г. СПб.]

Я не сержусь, но я растерялся как-то. Я не ожидал.

Ладушка, не мучь, ради Бога, напиши, которое Твоё письмо шутка, - теперь я совсем потерялся. Я не могу допустить, чтобы моя славная, умная Ладушка, по желанию первого встречного <...>, стала бы в шутку писать: "я хочу предстать перед Тобою такой, как я в действительности», и «что любовь настолько серьёзное чувство, что им не шутят». У меня голова перестаёт работать. Не знаю, где правда. Ты не могла так легкомысленно касаться моего самого святого. Не верю. Не могу работать, зачем Ты так.

Не знаю какая была цель, но достигнуто, что мне больно и больно. Я не могу сердиться, но мне больно и худо. Приезжай раньше 25-го; *[несколько слов зачёркнуто]*. Видит Бог, не я начал эту историю. Если бы Ты знала как болело у меня сердце в Субботу и Воскресенье – теперь знаю почему. Зачем неосторожно касаться, и главное, получив моё письмо с припиской: «как я в Тебе уверен».

Спасибо князю за письмо. Поклон всем. Ради Создателя, ради всего святого, ответь.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/228, 1 л.

45. [Сентябрь, 1900 г. СПб.]

Голубчик Ладушка, получая мои письма, не подумай, ради Бога, что я сержусь на Тебя, - нет, я не могу на Тебя сердиться. Но моя любовь не выносит именно насмешки – ведь Ты же знаешь это. Может быть это и глупо, но Ты должна это иметь в виду. Я не боюсь ни резкого слова, ни правды, но насмешка выворачивает мне всю душу. Ты не должна смеяться надо мною. Я не хочу заслуживать насмешку. Я теперь не знаю; может быть Ты в шутку там же писала, что Тебе приятно читать обо мне или что Тебя интересуют мои дела в Обществе? Милая, зачем смеяться над человеком, который Тебя любит? А я ведь, право же, люблю Тебя, и потому всё от Тебя мне так и чувствительно.

Лада, как я люблю Тебя, и не знаю, но мне и в голове не может уместиться какая бы то ни было насмешка над Тобою. Что с Тобою сделалось, когда Ты забыла о майчике, забыла, как он усиленно просил только не смеяться над ним? Милая, милая, что же это такое? Я не могу не любить Тебя, даже, если бы Ты не только смеялась надо мною, но даже делала мне гадости, всё равно буду любить. Но разве в этом право для Тебя, сейчас же, пользоваться этою возможностью? То, что случилось, до такой степени противоречит моему представлению о моей славной, милой, дорогой Ладе. Жиду я отомщу со временем, сильно отомщу.

Всё-таки мне хочется верить всему, что Ты пишешь, всему, что Ты говоришь; в ту минуту, когда Ты достигнешь разрушить эту веру, Ты убьёшь меня. Помни: рубль состоит из копеек. Если берётся копейка, а на место кладётся гривна, то благо но если расходуется копейка за копейкой, то и рубль иссякает. Хочу надеяться, что Ты никогда не насмеешься надо мною, но что если опять «в шутку» – ведь иной раз забавы бывают пружестокые, стоящие жизни.

Голубчик, неужели я только насмешку заслуживаю? Тогда не стоит работать, к чему тогда, если даже для близких я лишь предмет для шуток? Не могу думать, не могу работать, хожу с бесформенными, разорванными мыслями. А жид приходит и пошло говорит: «Прелестная невеста ваша считает дни, когда с вами увидается». Я хотел сказать: «Не только считает, но и пишет для вашего развлечения мне письма "в шутку"».

Лада, если любишь, пожалей меня. Ведь если бы я не любил Тебя, мне не было бы от тебя всё так тяжело.

Милая, милая, милая, пожалей!

Мне необходима Твоя любовь.

Отдел рукописей ГТГ, Ф. 44/396, 2 л.

РАЗЛУКА (ПАРИЖ)

Письма Н.К. Рериха к Е.И. Шапошниковой.

46. 16 Сентября 900 г. Поезд [СПб. - Берлин]

Поезд. 3 часа 16 го Сент.

Милая моя Лада, итак я еду. Не многим пожелаю я такого состояния, каково моё теперь. Что-то сломалось, не я — наоборот, я после вчерашнего конца разговора нашего, я стал даже цельнее, но сломалось что-то вокруг меня; я чувствую, что я что-то порвал, вырвался из какого-то заколдованного круга. И всё же моё самое хорошее осталось невредимо, осталось, чтобы расти и крепнуть. Я верю в Тебя, моя хорошая, и быть может, всё к хорошему. Знаешь, у Тебя большая душа и глубокая. Когда ехал на вокзал, вдруг нестерпимо захотелось мне заехать к Тебе и ещё раз, хоть минутку посмотреть [*зачеркнуто*] и разок поцеловать Тебя мою славную.

Вчера Ты дала мне страшный урок, — он даром не пройдёт. Хотя я знаю, что я тут не виноват — это дело обстоятельств, но в смысле всяких химер я буду следить за собою строго, и Ты услышишь их не много. Хотя вовсе уничтожать их я не буду - ими я живу Тобою.

Только Ты и остаёшься у меня, во всём остальном я почувствовал себя вне времени и пространства. Ещё как недавно, ещё, можно сказать, вчера я суживался и ограничивался до личностей, вся вода моя была в одном колодце, а сегодня я словно чую какие-то озёра и целые моря. До них трудно дойти, но они есть. Чтобы свободно распорядиться всем, мне нужен был один крепкий бастион — им будешь Ты, и из него я буду делать набег на всякие области. Лишь бы здоровье и сознание Твоего спокойствия. Особенно меня оскорбляло вчера прописное объяснение моих поступков - зачем эти правила? Как Ты себя чувствуешь? Пиши на Берлин, я там ещё пробуду. Вчера я спать так и не ложился. Собирал письма, соображал и ощущал какое-то странное чувство, - оно у меня впервые, странной решимости. Ведь если я когда-нибудь окажусь не простым пустомелей, ведь если Ты когда-нибудь будешь в состоянии бросить всем насмешку в том, что чувство Тебя не обмануло — ведь тогда Ты полюбишь меня ещё сильнее — и какая это мне будет награда!

Миленькая, запасись карточками в разных видах и позах и вышли их мне, когда я устроюсь в Париже — это будут мои образа.

Ужасно трясёт скорый поезд, пожалуй, не разберешь.

А всё-таки трудно мне ехать и скучно и сиротливо как-то. Весною, быть может, приедете в Париж [*зачеркнуто несколько слов*]. Ох, а до весны-то сколько времени.

Никто кроме Зарубина не знает, на какой срок я еду.

То, что я уношу в себе о Тебе, нельзя вынести на улицу, — оно слишком хорошо. Милая, работай, знай, что майчик всё время о Тебе думает и Тобою живёт.

Как мне завидно стало за Екат. Вас. — за её доброе сердце. Это не то, что мои с их странною каннибальскою любовью. А вдруг Ты забудешь меня? А вдруг Тебя развлекут? А вдруг Ты заболеешь. Такие вопросы мучают меня - нет, нет да и подымутся, нет, нет да и засосут. Напиши милая, успокой меня.

Вот подобные вопросы меня мучают, а между тем я сильно в Тебе уверен и все нахожу новые подробности Твоей большой личности. Видно, такие вопросы уже неразрывны с любовью и пока любишь до тех пор они и мучают.

Теперь напишу из Берлина (Continental). Хочется ещё писать, а между тем мысли у Твоего бедного майчика до того спутаны, что читать это кропанье мало интереса. Думал отправить из Луги, но обожду до Пскова.

Что, против меня очень озлобленное настроение? Приветствуют, небось, Твой разрыв?

Сегодня утром видал Свиньица, говорю: еду. «Куда же, - говорит, - ведь я только 20-го выезжаю, тут у меня дело есть до Косорова, так вот Ты бы...

Я даже испугался, прямо невероятным показалось, быть хоть в СПб. и не видеть Тебя.

Нет, ни о чём кроме Тебя писать не могу. Господи, какое место Ты во мне занимаешь.

У меня в кармане все Твои письма, хотел их сейчас положить в хронологическом порядке, но, свинство, [из-за] слёз не могу этого.

Целую Тебя крепко накрепко и добрую Екат. Вас. и, ради Господа, ПИШИ и пиши подлинней. Играешь ли Ты? Как здоровье? Как всё?

Н.Р.

16 Сент. 900 г.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/163, 7 л.

47. 17 Сентября 900 г., Берлин.

В поезде

Скоро Берлин. Вчера сделалось ужасно тяжело после отправки письма, ибо чувствовал, что другого до отеля отправить не могу. Каплями и микстурой отвязался от удушья, которое уже началось. Нашёлся спутник, добродушный и придурковатый чиновник. И сейчас он сидит в Табельдоте против меня и, бедный, не подозревает таких эпитетов. Писать нельзя — качает.

30-го Сент. Нов. стиль. Воскресенье.

Хоть я и в Контитенталь отеле, хорошая моя, а в ушах всё звучит Твоё: «майчик, майчик, что ты наделал». — Это была самая Твоя задушевная и силь[ная] фраза. Ею сказалося [угол письма оторван]... рило меня сердечными слезами сильнее, нежели угрозой презрения. Вдруг Твой майчик не сумеет предотвратить Твоей боли — плохой он майчик, коли не оберёт свою единственную Ладушку, и за то пусть майчик сидит в изгнании и поработает вдесятеро, чтобы стать достойным. Я теперь понимаю, что особенно оскорбляло Тебя; не то, что майчик не добился толку с домашними (другому человеку ума не вложишь), не то, что поставил Ладушку в ложное положение, а то, что майчик как бы пошатнулся под всеми ударами, и вместо того, чтобы грозно противостоять им, он жалко заплакал. Экий, нюня майчик, и если это у него не от временной болезни, а по основному характеру, то он и правда Ладушки не стоит. Стоит или не стоит - скажет будущее, и сдаётся мне, что на майчика уже издали веет кипучим морем, да не фантастическим, не химерным, а таким,

от которого корабли гибнут, и которое запертое запрудами работает на людей.

Только что майчик приехал в гостиницу, как бросился опять на улицу в кафе в самую толпу и толкался среди моря чуждых людей, а толпа, благодаря Воскресенью была огромная.

Думаешь ли Ты обо мне, и с каким сердцем думаешь? Ой, как буду ждать письмеца Твоего?

Долгою, упорною работой исправит майчик, сделанное им, и как совершенно неожиданно для себя заговорил он бегло по-немецки, так, быть может, выльется у него и другое.

Спешу отправить письмецо, чтобы скорей дошло, а отправлю и буду жалеть, ибо захочется ещё писать. Я доволен, что нет ни Свиньина, ни Сулова; с тем что внутри меня, надо оставаться одному и среди чужих. Поцелуй добрую Ек. Вас. и не забудь майчика, плывущего в дальнем море, а кругом волны-то какие!! Милая, добрая, славная. X)

X) Всё больше и больше представляется следующая комбинация, а что если мне в Крым не ездить и прямо остаться в Париже, ибо, если Свиньин действительно ко мне расположен, то он и без меня похлопочет, а если он меня только обманывает, то и при личном свидании с в. князем он сумеет меня затереть в сторону. Не остаться ли прямо в Париже — выписать туда начатые картины и начать работать и штудировать, а то в Крым, а оттуда опять в Париж — ломка большая. Или вернуться мне в Питер за Тобою.

Словом, непременно напиши, что Ты об этом думаешь. Повторяю, себе я не нужен, разве для себя хочу я карьеру.

Надеюсь даже ещё в Берлине получить Твой ответ.

Всё, что у меня остаётся - это Ты. Кажется, мой всегдашний псевдоним оправдывается, и я опять могу подписаться

Р Изгой

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/163, 7 л.

48. Понедельник, [18 Сентября] 1 Октября нов. стиль. 1900 г., Берлин.

*Берлин. Понед.
1 Октября нов. ст.*

Я сижу на террасе в зоологическом саду – ем. Тепло. Солнце. Несмотря на Понедельник, кругом жизнь. Мне хорошо и не хватает только Тебя. Будь Ты около меня, и я ни о чём бывшем не вспоминаю, а глядел лишь в будущее. Мне кажется, что и мне и Тебе за границей должно быть больше по душе, нежели дома. Здесь, мне сдаётся, личность более неприкосновенна, обилие жизни, обилие деятельности не позволяют врываться в личность и топтаться в ней. Раз Ты вежлива и деятельна, то здесь Тебя встретят безразлично, но без всякого глупого недоброжелательства, ибо уже достаточно усвоили, что места и дела всем хватит.

Мне также кажется, что при моих особенностях в живописи мне, пожалуй, легче здесь занять некоторое место (конечно, временное до возвращения), нежели дома, здесь уже ничему не поражаются и ничто никого не шокирует.

Дома я сам себе много напортил, начав под Суворовским девизом: «быстрота и натиск», и потом я закрылся неприменимой на земле вещью – «всё по-хорошему». И так как земля и жизнь только борьба, то ничего хорошего ни для меня, ни для кого не получилось. И так, гнать «всё по-хорошему» и хоронить химеры. Эх, если бы Ты со мною! Ведь и Тебя СПб. общество давит не меньше меня. Стоишь Ты всегда и везде передо мною. Увижу что хорошее – жалко без Тебя. Замечательно, что один без моих семейных я гораздо сильнее, а как только вблизи их, так всё пропадает и мне подвязывают слюнявник.

Написал им письмо, что больше не вернусь.

Сейчас около львов наблюдал странную сцену. (Не удивляйся, что на первый день я попал не в галереи, а к зверям; дело в том, что в Понедельник всё закрыто и я отправился бродить по городу, и забрёл к зоол. саду, где захотел есть и, увидав там ресторан, зашёл).

Так вот, что я видел около львов. Их 3 клетки. В боковых по 2, - лев и львица, а в средней, на некотором меж ними расстоянии, один большой лев. Я подходил из-за угла и видел лишь крайнюю угловую клетку. В ней лев спал, а львица беспокойно ходила кругом и на всяком кругу останавливалась, упорно вся вытянувшись, смотрела в одну сторону и протяжно рычала. Из-за угла ей отвечал такой же рёв. Я обогнул угол и увидал, что одинокий лев стоит не шевелясь и глядит на львицу и тоже рычит. Лев, бывший с львицей, спал и лишь при сильном рыке спокойно подымал голову – он был спокоен. Можно всячески толковать эту картину, но во всяком случае в ней было что-то общеживотное – человеческое и этот одинокий лев был мне близок.

Завтра съезжу в Дрезден. Ходил, ходил – всё чувствовал себя усталым, а вот как сейчас сел в N, так и ноги и голова затяжелели. Я буду этак приписывать за несколько дней, а отсылать вместе. Мне ужасно хочется, чтобы раньше всех я получил письмо от Тебя. Адрес знают и мои, и Зарубин, и Косоротов, но чтобы они Тебя не опередили. Как это всегда решительные вещи вдруг делаются, напр., мой долгий отъезд за границу ведь скомпоновался у меня чуть ли не в один день. Опять звучит: «майчик, майчик, что ты наделал». Прости меня, родная моя, если на Твою и без того чуткую и подавленную всякою пошлостью душу, я временно навалил ещё боль. Ведь ни одной неосновательной лжи я за собою не знаю. На всё я имел основание. На согласие матери надеялся я на основании её же разговоров, что она женитьбе не помешает. О 4000 я говорил, имея в виду 2000 от в. князя с места, о котором прошлою зимою Свиньин чуть ли уже не поздравлял меня, и 2000 от мамы, которые она теперь и будет давать. А что Ты привыкла ко мне – я рад, ибо ведь люблю же я Тебя, люблю больше, нежели Ты думаешь (так что иной раз даже старался маскировать) и отказаться от Тебя я не могу, я не в силах. Сколько бы ни пришлось ждать, я не узнаю другой женщины; - странно, мне противны они.

В будущем Ты уже не увидишь моих слёз можно быть, чем угодно, но не плаксивым, это в мужчине, действительно, жалко.

Всё хочу изменить почерк на конверте, да не удаётся, а попросить написать некого. Ох, как устал.

Уже вечер. Думал отправить по возвращении из Дрездена, но лучше пошлю завтра же. Что там, не Сикстинскую же Мадонну описывать.

Вот-то изумление! Меня нисколько не тяготит отсутствие русского языка, словно мне его и не нужно. Так что изо всей России мне лишь Тебя одну и нужно и необходимо и требовательно. А уж как нужно-то! – Тебе, небось, меня не нужно, даже рада, пожалуй. Нет, нет, я шучу, знаю, что не рада! «Майчик, что ты наделал?» Как мы при Ек. Вас. поцеловались-то! И какой был хороший, чистый поцелуй, в нём как никогда раньше почувствовал я, *что* такое Ты для меня стала!

Так же опять целую

Р. Изгой

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/428, 4 л.

**49. Вторник-Среда, 3-4 Октября нов. стиль. [20-21 Сентября ст. ст.]
1900 г., Берлин.**

**Continental - Hotel
L. Adlon & H. Klicks**

Berlin, Вторник. 11 час. вечера

Миленькая, славная, родная моя, сейчас вернулся из Дрездена и нашёл письмецо Твое. Прочёл его и застучало у меня в висках даже – значит моё предчувствие не обмануло меня, - Твоя записка пришла первой, всех опередила и Лада верит в меня. Значит, жить можно. Знаешь, я теперь одно из двух (никак не середина) или огромный сознательный подлец, или очень хороший, дело покажет что я есть.

Отчего письмо пишешь уже в Париж. Я получил бы его в Берлине. Впрочем, надеюсь Ты уже получила моё след. письмо и на него отвечаешь в Берлин, ибо там вопрос срочный – ездить ли мне в Крым.

В Дрездене превосходно. Отдыхая в ресторане в парке, думалось мне: эх, если бы и Лада здесь со мною была, то-то бы было хорошо, то-то бы мы отбросили всю старую ветошь и начали бы новую жизнь. Эх, Ладушка, рискни! 2000 мамаша у меня не отымет, да Ек. Вас. чуточку даст, а на 6500 фр. при занятой жизни, право, можно в Париже прожить. Право, подумай.

Экая Ты хорошая, прислала Майчику записочку; - знаешь, что ему без Тебя худо.

С ужасом думаю, что скоро приедет Свинын – теперь мне можно быть лишь или с Тобой или одному, т. е. либо видеть, либо думать о Тебе.

Дрезденская Галерея произвела на меня хор. впечатление. Мне сдаётся, что самые мои национальные вещи будут написаны именно за границей. Как чувствую я теперь, сколько мне надо учиться и в художественном, и в социальном отношении, но это сознание не душит меня, а наоборот толкает вперёд. Право, истинный националист, лишь прожив долго за границей, может быть действительно полезен отечеству. Сколько отсюда можно повывезти, но

к горю вывозят-то обыкновенно, как вижу, не сущность здешнюю, а лишь мишурную внешность. Мне всё казалось, не праздник ли сегодня в Дрездене, ибо мы хоть и надели цилиндры, но существа этой жизни, отдающей праздником, не поняли, не поняли труда, и после него здорового отдыха.

Continental - Hotel
L. Adlon & H. Klicks

Berlin, Среда. 4 Окт. н/с.

Сегодня был в Национальном Музее и охватило меня какое-то новое настроение. 1) Я увидел, что искусство не лишнее, что им интересуются, это не то, что у нас. Здесь посмотри-ка, с 10 час. утра до закрытия целый день толпятся посетители и видно, что не все иностранцы, а много и здешних. 2) Мне страшно понравились многие картины. Напр., Борро Веласкеца, Бёклин... Впрочем, что же Тебе перечислять голые имена-то; эх, отчего Тебя нет со мною! Многие мои свежие впечатления пропадают - учились бы вместе. А то, как же это я буду знать больше, нежели Ты. Не хочу я чиновного места, не хочу заискивать перед Свиным и ему подобными, можно со временем стать куда выше всех – тогда принесут сами и чины и всё.

Рискни, Ладушка! Поработаем в Париже, иначе Тебя тоже засосёт Петербург. В Петербурге мы все играем на личностях – нет, к чёрту их, будем держаться на почве дела. Не будем до поры до времени ни с кем знакомиться, ведь нам друг друга довольно. И потрудимся в тишине – мы много сделаем, право, это не химера. Иначе, и я и Ты много энергии тратим на тоску разлуки, на желание увидаться – вся эта сила должна тогда также пойти на поступательное движение.

Среда. 11½ час. вечера.

В сущности у нас два пути: по которому хочешь идти? Один путь покойнее и глаже, но уже отдаёт пошловатостью, а именно: Ты будешь ждать, пока я добьюсь положения, а там, в конечной перспективе. всё-таки то же место; другой же каменистее и бурнее, но ведёт выше. Дело в том, что при первом пути Ты всё же останешься для всех милой Лелеттой, Ляличкой, Лялей и прочими милыми понятиями, но эта роль вряд ли Тебе по душе, ибо в Тебе много самостоятельности и воли. У Тебя есть другая роль, а именно роль музыкальная; если Ты скажешь, что у Тебя недостаточно силы (физической), то скажу, что у Тебя столько чутья, что Ты можешь достигнуть выдающегося понимания некоторых избранных авторов и осветить их произведения по-новому – и тем стать на обособленное, самостоятельное место. Но для этого необходим некоторый риск, придётся так же, как мне сломать нечто. Придётся на время отбросить милое общество и нырнуть в новую атмосферу. Я думаю, мы достигнем кое-чего, года в 3, 4 хорошей работы. Будем вести строгую, нормальную жизнь, будем укреплять себя гимнастикой. Первый путь – путь «места» от нас никогда не уйдёт, ибо до него в случае бессилия мы всегда продержимся – коли придётся скудно и плохо и моя мамаша поддержит, ибо она плакала, провожая меня, и видел я, что любит она меня, положим, любит людоедски, но всё же.

В Париже мы никого не будем знать, ой, как хорошо это будет! Захоти, милая Лада, захоти именно этот каменистый путь, по крайней мере, впоследствии или среди известности и уважения, или у тихой пристани будет что вспомнить, и никто не скажет, что мы зарыли талант свой, каков бы он ни был – велик или мал.

Пиши об этом и обдумай это наедине в самом тайнике сердца. Только сердце может подсказать Тебе, как надо поступить; коли оно подсказало Тебе, что я не подлец, хотя по прописи могло выходить и так, то и здесь оно также не обманет Тебя. Первый путь вернее и покойнее, но он сравнительно только тёпл, и в результате только приятная теплота, а второй – или холоден или горяч, и если холод этот, как уже говорил я, в конце концов, всё же сведётся к средней теплоте, то могущий быть жар будет велик и согреет и нас, и многое, многое другое. Тот ли, другой ли путь выберешь – ближайший ход пока тот же: всё-таки я теперь еду в Париж, но в первом случае, оседаю там один надолго, мучаясь по Тебе, а Ты погибаешь в милом обществе, во втором же устраиваюсь так, чтобы можно было везти Тебя на нечто готовое. Приказывай, я жду.

Поцелуй Ек. Вас.

Целую Тебя сильно и много; видно уж такая особенная линия наша!! ~~Пиши уже в Париж, но припиши~~, нет, лучше пиши ещё в Берлин, коли уеду – перешлют.

Твой Н. Р.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/334, 6 л. Письмо написано карандашом на 3-х сдвоенных листах почтовой бумаги Continental-Hotel. Berlin.

50. Четверг, 5 Октября нов. ст. [23 Сентября ст. ст.] 1900 г., Берлин.

**Continental - Hotel
L. Adlon & H. Klicks**

Berlin, 5 Окт. н/с.

Пятница, вечер, 7 час. после обеда. Сажу в читальне отеля, играет музыка. Накормили меня хорошо – но содрали дорого – целых 8 мар. Это ещё без вина. Ужасно хочется мне поговорить и посмотреть на Тебя, моя славная.

Почему-то непременно жду сегодня Твоего письма, даже до 9 час. не пойду из читальни, ибо в 8 час. приходит русский поезд.

Сегодня у меня какое-то беспокойствие по Тебе – всё ли благополучно?

Сегодня был со мной маленький инцидент на улице. Чтобы не носить с собою плана, я усвоил себе скверную, как увидишь по результату, привычку, - ловить первого встречного за фалду и добывать таким образом языка. Мне было нужно пройти к промышленному музею, но как попасть на ту улицу я забыл, да и раньше не знал толком. На перекрестке остановил я первого встречного – оказалась дама и, как я потом заметил, очень красивая. Спросил её насчёт Музея да и струсил, а ну как она меня за приставање да в полицию... Однако, вышло наоборот; к изумлению моя дама нисколько не сконфузилась и рассказала мне как пройти и сама вызвалась проводить меня – будто и ей тоже по дороге. Дорогою давай меня расспрашивать кто я, откуда, зачем и пр.

Она приняла меня за Норвежца, а никак не за русского (вот те и кровавый...). Услышав, что я русский, она словно бы обрадовалась – говорит, и я не немка, а полька. Только чем дальше мы шли и беседовали, тем подозрительнее она мне становилась. Затем начала спрашивать, был ли я в театрах, и начала расхваливать только опереточные театры, а затем спросила, что я делаю вечером. Тут уж я догадался, на кого я нарвался, и начал всячески изыскивать средства к отступлению. С великим трудом отвязался от моего проводника. Вот такая скверная привычка останавливать на улице и что из неё может произойти.

Нет уж, лучше городских спрашивать. Здорово обошёл меня здешний портной, взял за жакетку 100 мар., а оказалось, можно было за 60 мар. получить. Очевидно, за науку везде платить надо.

Нет, всё ли у Тебя, Голубчик, благоприятно и хорошо, что-то мне беспокоит. Жду письма и от своих – ответа на моё извещение об отъезде и поселении в Париже – это письмо важное.

Завтра уже неделя, как я перестал говорить по-русски, да и вообще говорить, ибо разговор с кельнерами – заказ кушанья – плохой разговор. Берлин, собственно, я уже осмотрел, и меня уже потянуло к работе – так сегодня купил альбомчик и начал туда эскизики набрасывать. А и скучно же мне будет в Париже одному-то; ещё днём туда-сюда – за работой не заметно, а вот придёт вечер – что я буду делать? Идти в кафе смотреть безобразия – скучно, сидеть одному в 4 стенах – скучно, для работы уже устал – да скверно будет. Иногда мне кажется, что вдруг неожиданно откроется дверь и войдёшь Ты – ой, как бы бросился к Тебе, ой как зацеловал бы Тебя. Нет, что же это такое, почему нет Твоего письма, на Понедельниковое моё письмо мог бы быть уже ответ.

Хотел бы просить Тебя передать Софье Пав. поздравление моё, но вспомнил, что ведь мы вместе более не существуем, теперь инкогнито. Господи, в каких-то только положениях не доведётся побывать, пожалуй, дойдёт и до переодевания. В наш-то прозаичный век – этакий романтизм. Нужно будет для финала ещё похитить Тебя и ускакать непременно на лошади (не на моторе), а Тебя положить поперёк седла. Скверно одно, что заматаются городовые, а они романтизму как-то не соответствуют.

Какие здесь Музеи-то! – но смотреть я уже устал. Написал Зарубину длиннейшее письмо с различными вопросами, практическими до Парижской жизни.

Пиши, да не забывай майчика-то, на это письмо уже в Париж.

Поцелуй Ек. Вас. Кончил писать, т. е. говорить с Тобою, и стало очень скучно.

Милая моя Ладушка!

Отдел рукописей ГТГ, 44/330, 3 л. Письмо написано на 3 листах (одном сдвоенном и одном отд.) на почтовой бумаге Continental-Hotel, Berlin.

51. 6 Октября нов. ст. [24 Сентября ст. ст.] 1900 г., Берлин.

**Continental - Hotel
L. Adlon & H. Klicks**

*Berlin, Суббота, 6 Окт. 8 час. вечера,
в гостиной отеля.*

Дорогая моя, родная моя, что же это и сегодня Твоего письма нет; ведь уже целая неделя прошла. Как мне сейчас худо и жутко стало. Всё ли уж благополучно? Право, если бы я мог, то сейчас пошёл бы в кабаки, к женщинам или к чёрту – лишь бы от себя уйти. Ещё сейчас ничего – музыка играет, кругом народ, а вот приду в душный N, там-то каково будет? Ох, как бы необходимо было Твоё хорошее письмо; неужели Ты ничего не чувствуешь? Ведь на целую неделю прислать записочку в 5 строк – прямо безбожно. Знаешь, Ты мне прямо необходима, без Тебя я не могу, и если хватит у меня характера быть без Тебя долгое время, то организм, пожалуй, переломится. К сожалению, мы вольны лишь над волей, мы вольны заставлять себя, но за результаты ручаться мы не в состоянии.

Целую неделю пробыл без языка, без разговора – это не шутка! Особенно мне, привыкшему к непосредственному общению. Знаешь, что я сегодня надумал; я не буду хлопотать о продаже «Старцев» - даже наоборот. Я повторю моего «Гонца», поправлю «Старцев» и припишу ещё несколько так, чтобы получилась стройная следующая серия «Варяги» (на море), «Гонец», «Старцы», «Поход», «Вороны», «Праздник!», «В былом». Эту серию больших картин (Начало Руси) можно пустить сперва по Европе (найти антрепренёра), а затем и на Русь двинуть. Можно сразу имя сделать, тем более, что нынешние декадентские без содержания картины начинают надоедать. Сочинил сегодня два эскиза «Трубный звук», «Ожидание», один в голубом, другой в красном.

Всё это хорошо, всё это можно, но без Тебя тяжело! – впрочем, я любить не умею (говоришь Ты), люблю слишком мало... Как же это больше-то? Голову что ли о стенку разбить? Если бы Ты могла посмотреть, что у меня внутри делается!! Ради же Бога пиши; что стоит ½ часа в день пописать, особенно если знаешь, что это для кого-ниб. необходимо. Ради всего святого, пиши. Неужели и сегодня не получу?

Н.Р.

Отдел рукописей ГТГ, 44/333, 1 л. На почтовой бумаге Continental-Hotel. Berlin.

**52. Письмо Н.К. Рериха к Рериху Борису Константиновичу.
7 Октября нов. ст. [24 Сентября ст. ст.] 1900 г., Берлин.**

**Continental - Hotel
L. Adlon & H. Klicks**

Berlin 7 Окт. 1900 г.

Дорогой мой Голубчик Борюшка, пожалуйста похлопочи о высылке мне вещей и отбери книги, которые я перечисляю в письме к Лиле. Повидай Зарубина - часа в 4-5 он бывает дома (4 Лин. д. 21. кв. 23) – и уговорись об укладке «Похода». Лиля мне пишет плохие письма, короткие и казённого содержания – пиши мне пожалуйста получше; забудь, что это письмо, а смотри на него как на разговор со мною. Также, если у Тебя являются какие-ниб. мысли и думы, то пиши их мне и советуйся со мною. Ты ведь уже большой и потому я говорю с Тобой как с большим. Оправдай эту мою надежду. Пожалуйста, учись получше, чтобы скорее сбросить эту обузу и начать настоящее дело. Смотри, сколько интересного кругом, если Тебе понравится архитектура, - то поедешь за границу и увидишь, какая это важная вещь, не то что у нас, где что ни дом, то какой-то ящик. Смотри же, пиши мне откровеннее, всё что ни думаешь, я постараюсь понять это и помочь Тебе – в этом ведь родство и состоит. У Тебя есть большие способности, Ты должен это сознавать и потому стараться, чтобы они не пропали даром.

В свободное время можешь рисовать орнаменты с гипса, а показывать их можно Зарубину – он укажет, что и как, я напишу ему. Но только, чтобы уроки не страдали от этого. Надо учиться распределять время – ведь выдающиеся люди умели его хорошо распределять. Не забрасывай и языки, а главное, не делай из всего важного дела – всё должно быть просто и всё делаться с улыбкою. Сильному и способному человеку – всё просто. Видишь, я хочу с Тобой поговорить, может быть, и непривычно для Тебя, но серьёзно; относись и Ты серьёзно к моим письмам, чтобы мне не жалеть, что посмотрел на Тебя как на большого. На охоту много времени не трать, но напр. на лыжах по островам не худо побегать.

Сейчас я был в Зоол. саду здесь; Господи и народу же там, точно целый город собрался; за границей живут здоровее и полнее, нежели у нас. Надо бы, чтобы весной мама ко мне пустила.

Ну, целую Тебя крепко-накрепко и жду Твоих хороших писем. Теперь уже в Париже. Поцелуй Володю, пусть он Грызовым и Песецким не очень увлекается – есть что получше этого.

Очень люблю Тебя *Н. Р.*

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/127, 1 л.

*Письма Н.К. Рериха к Елене Ивановне Шапошниковой**53. 8 Октября нов. ст. [26 Сентября ст. ст.] 1900 г., Берлин.***Continental - Hotel**
L. Adlon & H. Klicks*Berlin, уже Понедельник, 8 Окт.*

Ладушка, мучительница; да ведь это Бог знает что, не писать больше недели. Сегодня мне уже всякие скверные мысли полезли в голову. Две главные: 1. Уж не запретили ли Тебе писать мне? 2. Уж не больна ли Ты? Не заболели ли глаза Твои? Я должен непременно знать, что с Тобой делается, иначе я прямо потерянный человек. Вот и теперь сижу в Н и вздрагиваю при каждом мимо идущем – всё кажется, не письмо ли? Если бы я имел Твоё письмо, то как бы я хорошо себя чувствовал.

В Париже непременно займусь водолечением у Маньяна, ибо чувствую себя всё-таки очень разнокалиберно, сегодня худо, а завтра бодро и сильно. Ещё единственно, чем я себя утешаю – это что Твои письма лежат в Париже и что всё благополучно. Я уже устал смотреть – собственно говоря, уже можно и работать. Пересочинил первый план «Похода» – этак-то получше будет... Нет, не могу писать Тебе донесения и описания. Сравнительно с тем, что у нас теперь происходит внутри – всё это мелко. Я думаю, над Тобою подсмеиваются теперь; наверно, подсмеиваются и это налагает на меня ещё бдльшую ответственность. А меня-то, небось, поносят! – с грязью мешают; ну пускай позабавятся. Когда я выхожу к обеду и вижу обедающих мужчину с дамой, да в особенности весело разговаривающих – мне становится страшно завидно и обидно. Впрочем, я ведь не умею любить! Обожду отправлять до вечера, авось ещё что-нибудь от Тебя получится.

Вторник 9-го. 8 час. утра. Это, наконец, из рук вон! Что же это, наконец, Ты хочешь меня больным сделать. От сестры получил письмо – казённое-преказённое; ну да, она за это получила от меня достаточные кнуты, ибо, отвечая ей, я вложил ещё (туда же) незапечатанное письмо к Борису, очень тёплое и хорошее, в котором просил его, так как Лиля, де, не умеет писать хороших сердечных писем, то, чтобы писал он, да смотрел на письмо не как на донесение и рапорт, а как на разговор со мною. Ведь иногда письмо, составленное из, на первый взгляд, совершенно незначительных, но тёплых слов, действует гораздо лучше, нежели описательное, чуть не в фельетон ростом. Впрочем, всем моим как-то незнакомо всё сердечное, всё необъяснимое словами, которое надо брать чутьём. Одна надежда на Бориса, он художественнее их, авось хоть в нём не обманусь. Ой, Ладушка, ой, моя милая, если б Ты могла чувствовать как я мучаюсь без письма Твоего! В Тебе в первой нашёл я отклик себе, отклик именно тот, какой ищу я. Я не считаю начального разговора при нашем прощании; он был не Твой, это было навеянное, ибо это была речь только рассудка, а сердце Твоё (какое у Тебя оно сильное) всё время говорило Тебе иное. Доходят ли до Тебя письма мои? Я отдаю опускать их швейцару, уж отправляет ли он их; ведь уже отправлено от Берлина 5. И ни одного от Тебя! Ведь знаешь, что майчик одинок совсем, ведь знаешь, что у меня на душе не легко и заставляешь повторять почти одно и то же вот уже в 3-м письме. На всякий случай сейчас отправлю телеграммку, может быть и впрямь письма не

получены, хотя к Косоротову ведь дошло уже и он уже ответил, Зарубина я не виню, ибо просил его в Париж писать, а Тебя ведь в письмах упрашивал дать письмецо в Берлин; нет что же это такое??

Вчера на ночь я должен был уже капли принимать, иначе не заснул бы.

Если я сейчас отправлю телеграмму, то письмо может сегодня вечером пойти и быть в Берлине в Четверг утром. Миленькая ведь Ты у меня одна, ведь я люблю Тебя, страшно люблю. Я писал Тебе

Ради Бога, [напиши] хорошее и большое письмо.

Перед Богом весь Твой

Н.Р.

Пожалуйста, поцелуй Ек. Вас. Уж здорова ли Ты? Право, «мой» – странные люди; они с таким спокойствием приняли моё известие о том, что я не вернусь, что мне, право, даже смешно.

Отдел рукописей ГТГ. 44/331. 2 л. На почтовой бумаге Continental-Hotel. Berlin. (с графическим изобр. Отеля)

54. Вторник, 9 Октября нов. ст. [27 Сентября ст. ст.] 1900 г., Берлин.

Berlin, Вторник, 9-го Октября.

Дорогая Ладушка, сейчас получил Твою телеграмму. Ну и расчётлива же Ты стала на письма; ведь в Париже то письмо, которое Ты отправила на другой день после полученной мною записки, а с тех-то пор прошла уже целая неделя. Неужели за неделю не нашлось о чём потолковать со своим майчиком. Или там несколько писем лежат? Почему Ты не хочешь в Берлин прислать? Сегодня читал фейлетон Стороннего (в Воскресенье); прочти его. Темы «мирного забвенья» и женской миссии очень мне близки; хорошо, что он написал об этом. Самим изложением я не очень доволен, есть длинноты, есть неудачные места, но в общем просто и сносно.

Сегодня я почти весь день провёл в парке Тиргартен'а (читал запрещённые русские книги, я их тут накупил. Правда, в «Воскресенье» хорошо церковная служба описана? Ведь у Тебя оно от Степана было?). Сидел я одиноко на укромной скамейке, и вдруг на меня налетает целая ватага детишек, чистеньких таких, славных. Налетели, стеснили меня в самый угол, уселись как воробы на жёрдочке – щебечут, смеются, заглядывают (я как раз писал письмо Косоротову), что я такое пишу. Мне так захотелось заговорить с ними, но побоялся, что стесню. Сегодня я чувствую себя не совсем важно – какая-то усталость.

Странно, вот совпадение! Вместе с Твоей телеграммой получил я телеграмму от моих, поздравительную к 27-му; оказывается, обе телеграммы отправлены в одно время. Я думал, что в Твоей телеграмме будут ещё два слова «письмо идёт», а их-то и нет. Так что, неужели за всё время в Берлине я уже ничего не получу? А ведь за это время у Тебя должно быть много нового. Как же самочувствие? Частое появление моих писем как принимается? Интересно, как отнеслись тётушки к отказу? Уж Ты напиши об этом. Чувствуй – во втор-

ник 8 час. 15 мин. веч. Целую Тебя, мою славную, светлую Ладу, целую крепко и живу только Тобою.

Н. Р.

Екатерину Васильевну целует Твой майчик.
К рождению сделай подарок – напиши письмо.

Отдел рукописей ГТГ, 44/332, 1 л. На почтовой бумаге Continental-Hotel. Berlin.

55. 9 Октября нов. ст. [27 Сентября ст. ст.] 1900 г., Берлин.

Дорогая моя Ладушка, сегодня мне исполнилось 26 лет и я особенно рад, что именно в этот день пишу Тебе такое письмо, которым и Ты, вероятно, будешь довольна. Я много сердился на Свиньина, за его чрезмерное опоздание, но в результате даже доволен, ибо эти два дня я много ходил по парку и обдумывал разные, как кажется, не худые вещи. Ведь до изумительности всё случается к лучшему; то, что случилось у нас, уж на что сдаётся, неприятным и худым, а как подумаешь, и оно даже очень хорошо. Посмотри, что бы вышло из того, если бы всё было самодовольно благополучно, если бы я получил место теперь же, и всякое прочее – вышло бы на внешний вид очень хорошо, а в сущности, очень плохо. Невидимыми бы шагами, неосязаемыми бы проводами мы стали бы приковываться ко всегдашней, пошловатенькой жизни и, лёжа на полу, воображали бы себя плывущими по морю; продолжая говорить о каких-то стремлениях и задачах, о какой-то индивидуальности, мы медленно бы погружались в тёплую, зеленоватую кашу и наконец, задыхаясь в ней, мы почувствовали бы неприятную истому. Мы дошли бы до того, что вся окружающая нас жизнь действительно показалась бы нам целесообразною, а милые люди в орденах и с ключами на фалдах – важными и деловитыми. Всё бы это так и случилось, но видно нам суждено другое. Действительно, правду говорили люди, называвшие меня пустомелей, но только я был пустомелей не в их значении.

Я был тем пустомелей, что размахивая руками (на манер мельницы), вращая глазами и даже с плачем – всё же шёл за всеми, и какие-то винты начали хлябать и так, как я сам не думал их завинчивать, то окружающие собрались уж было закрепить их на свой манер. И вот, не бывать бы счастьем, да несчастьем помогло. Т. е. в сущности и несчастья не случилось. Несчастье было бы, если бы Ты (вопреки своей натуре) взяла прописные мерки и ими измерила всё случившееся. Но Ты не такая, вопреки фактам, сердцем почуяла Ты, что тут происходит нечто неестественное, болезненное, временное – Ты опять поведала мне и тем дала мне новые силы на новом пути. А путь будет новый и только бы крепость душевная и телесная – а ничто не сойдёт с него.

Станным образом всё то, что ещё так недавно казалось мне важным и непреодолимым, теперь стоит где-то далеко, как японские боги, издали, делая бессильную страшную гримасу. Кругом же меня безучастные спокойные лица, нет на них ни злобы ко мне (которую мне так трудно было переносить), нет на них и участия ко мне (которого мне не надо), – и это округляет меня, но округляет не так, чтобы шлифовало выдающиеся части мои (как было бы по-

ступлено со мною в СПб.), а наоборот, мои рогульки оно дополняет до шара. Теперь работа и только работа; только она одна и может помочь, а эти партии, эти личности и всё такое, только по близорукости можно им верить.

Только работа может создать такое положение, когда никто за панибрата по плечу не потреплет. Это время я внимательнейшим образом проследил работы выдающихся (внепартийных) художников всяких; я старался уяснить, как они шли, как они формировались... Слава Богу, мне кажется, моё время для такой же дороги ещё не ушло, а оно бы ушло наверно, если бы всё вышло «по-хорошему», - экой глупый принцип и даже Христианского-то в нём нет, ибо если бы всё по-хорошему, то как бы Христу выгнать торгашей из храма? Вот на какую дорогу привело меня общение с Тобюю.

Теперь Тебе ещё яснее должно быть, насколько мне дороги Твои поцелуи и ласки, но насколько мне важнее сознание Твоего «я», такого чистого и цельного, в котором окружающая пошлость может только угнетать нервы и производить физическое страдание, но внутренней существенной брешки она сделать не в состоянии. Иногда Ты как бы решаешься идти под средний уровень, но как только приближаешься к устью его, так теснота входа давит Тебя, и Ты занемогаешь.

Как мне вытащить Тебя на твою воду? и как бы это сделать скорее? – вот в чём моя теперь задача.

Мне без Тебя трудно, но я знаю, что найду силы жить Тобюю и вдали от Тебя. Это бы, т.е. сама разлука, ещё ничего, а вот другое-то похуже: как бы Ты, моя хорошая калинка, не сломалась? Калина хорошее, прочное дерево, но стоит его, знающе, вымочить, да связать, и оно сохранит, какое хочешь, даже самое уродливое и гнусное положение. Твои домашние сознательно этого не сделают, Ек. Вас. инстинктом любви почувствует, какую боль она Тебе причиняет, но ведь и они сами находятся под общим прессом общественности, условности и прописей, и винить их за это нельзя. Вот почему мне хочется так иметь Твои сообщения о душевных Твоих настроениях, а не фактовые, которые имеют лишь общий интерес. Но Ты редко допускаешь меня в своё «я» - и никого не допускаешь, а между тем, искорки Твоего «я», видишь, сделали во мне какую хорошую перемену (утверждаю, без стеснений, что прямо-таки хорошую).

Без Тебя этого бы не могло быть, Ты дала мне те необходимые островки кожи, чтобы залечивать мою больную поверхность, ибо, когда меня ломали и гнули в разные стороны, то хотя ствол ещё и не надломился, но кора уже во многих местах лопнула и отскочила. Без Тебя бы и ствол сломался, и его обтесали бы и сделали из него обструганную оглоблю для таратайки нашего чиновничества и пошлости.

Вот за что спасибо Тебе нерушимое, крепкое!

Тобюю, только Тобюю посмотрю я на окружающих женщин без скверного желания; Тобюю, только Тобюю не обращаю я внимания на мнения случайных прохожих. А эти случайные прохожие, как ни глупо, а играют большую роль в нашей жизни. Возьмём хотя бы Твою нервность в музыке; - разве она не в зависимости от этих прохожих, да ещё не только случайных, а обычных, что ещё гораздо хуже. Для некоторых сонливых людей игра вперегонку полезна, но для людей у которых нервы и без того шалют – она прямо вредна. Я уже Тебе писал из Берлина, да и ещё напишу, что, по-моему, Ты можешь достичь очень выдающегося в музыке в передаче сущности вещи (сила, на отсутствие кото-

рой Ты напирал, тут ни при чём). Штудировать же передачу можно лишь в тишине внутренней, а эта тишина наступит у Тебя лишь, когда Ты уйдёшь от всех Гольцапфелей, Боровок и всего прочего к людям совсем незнакомым, в чужую жизнь, где Ты почувствуешь себя вне своей личности и только в области дела. Ведь в нашей Петербургской жизни мы были совершенно лишены возможности всяких проб, ибо результаты новых проб вовсе не всегда положительны, социальное же положение нашей личности требовало только всего положительного, т. е. исключало пробы и попытки.

А без этих разнообразных попыток ничего не может создаваться. Подумай над этим соображением, милая.

Вон нервы-то у Тебя какие! – надо ведь им создать подходящую рабочую атмосферу, а работать-то Ты любишь и умеешь. (Обыкновенно наши дамы не умеют). Как экзамены вышли?

Ой, как хорошо чувствовать мне и сознавать Тебя. Пусть всё – химера, но это чувство не химерно. А впрочем, если хочешь, всё химерно: и Бог химерный и правда химерна и всё хорошее – тоже химерно. Это с какой стороны посмотреть!

Меня очень радует, что чувство к Тебе, которое я сейчас поминал, стоит во мне отдельно от страсти. И страсть есть и большая, но я думаю, она – ничего, это дело нашей природы; лишь бы страсть была честна. Не скрою, как часто хочется мне целовать Тебя, как хочется мне гладить руку Твою и крепко, очень крепко Тебя обнимать. Я думаю в этом ничего постыдного нет, и скрывать это не надо.

Милая, родная моя Ладушка, как-то Тебе там? Хочется ли обнять майчика своего?

Я доволен, что именно сегодня написал Тебе такое письмо; я рад, что вступаю во вторую четверть моего века с именно такими мыслями. Если Ты дашь этим мыслям вырасти – славно будет.

Напиши подробно и совершенно откровенно какие мысли вызовет в Тебе письмо это; Тобою я хочу проверить себя. Не откладывай писанья – пиши непосредственно.

Пиши моя милая, пиши моя хорошая! Эти дни такая тут теплынь, такое солнце; дай Бог, чтобы наконец и у нас на душе так же светло стало. Крепко целую Тебя! – Среда, 27, 9 час. 15 мин. веч. – чувствуешь? Весь Твой

Майчик

Поцелуй Ек. Вас.

Тебе уже наверно скучно и читать-то стало, а мне всё хочется писать Тебе. Хоть бы раз написала Ты мне письмо страниц в 10-12.

Вот теперешний ответ напиши такой длинный. За отсутствием Твоих писем, мне несколько раз хотелось хоть старые почитать, но, чудно, всё ещё не могу смотреть на них. Совершенно новое чувство для меня, но что-то щемит грудь и я должен скоро сложить их в чемодан. Я думаю это пройдёт после нескольких Твоих новых хороших писаний; верно, это от боязни, что вдруг Ты без меня изменишься и я больше не найду той Ладушки, которая мне так хорошо писала. Сегодня я опять много о Тебе думал, и вот к вечеру уж совсем скучно стало. Встал бы я перед Тобой на колени, целовал бы руки Твои [далее 7 строк зачёркнуто].

Когда Ты будешь читать эти строчки, что: неприятно ли сморщишься? засмеешься ли? или и у Тебя сильно забьётся сердце и что-то начнёт в груди

подыматься и захочется, чтобы я был близко Тебе? - я же пишу их и чувствую, как во мне дрожит что-то. Сейчас оно хорошее. И тут ясно насколько всякий факт сам по себе ничего не значит; само по себе это чувство ни худо, ни хорошо, но если я люблю Тебя, и оно по отношению к Тебе является – оно хорошо, а если я бы думал, что люблю Тебя, а думал так ещё о другой какой-либо женщине, ой, как худо это было бы и как мерзко.

Боюсь перечитывать, что такое написал я; - пожалуй, почтальон откажется нести такое письмо, но мне слишком хочется говорить с Тобой. С кем же мне говорить, чтобы так приятно дрожало на сердце? Кто же мне близок?

Когда я прислал посыльного вместо того, чтобы самому приехать, Ты уличила меня в трусости, но это не трусость была. Если бы Тебе стали делать операцию, резать Тебя, разве бы я остался в комнате – нет, я ушёл бы рядом. Не из трусости, а из желания думать, что там всё хорошо обошлось. Это какое-то сложное чувство, которое объяснить я никак не могу. В жизни никогда я не мучился так, как когда Ты начала мне говорить о возврате писем. От меня оторвали что-то самое мне дорогое, самое мне милое. Ах, как больно это было. Но теперь эта боль покрывается фразой записки, которая всегда со мною: «верь в свою Ладу, не обманет она Тебя».

Верю, буду верить и верю этой жить буду.

Уже и этот листок весь. Когда запечатаю, мне так одиноко станет.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/258, 9 л.

56. 9 Октября нов. ст. [27 Сентября ст. ст.] 1900 г., Берлин.

ТЕЛЕГРАММА

Пбг. Лиг 19кв2
Шапошниковой
09. 10. 1900

JDOU P1SSMA BERLINE. NICOLAS

Отдел рукописей ГТГ, 44/168, 1 л.

57. 29 Сентября [ст. ст.] [11 Октября нов.ст.] 1900 г., Париж.

Недобрая, нехорошая Ладушка!

Пойми Ты только, как мне тяжело было получить Твоё письмо сейчас, после моего отправленного 27-го. Пойми же Ты, что мне больно это. Твои холодные «очень жалко», «сам виноват» и пр. прямо мне жгли глаза. Ну, хорошо, Ты готовишься к экзаменам - я понимаю, но всё же, написав Тебе, когда во мне всё дрожало внутри, получить такую записку — как-то жутко становится.

Неужели на Тебя уже успели так повлиять за это время? Как мне сейчас неприятно!

Весь Твой

Н.Р.

29-го Сент.

Хотел пожелать Тебе к экзаменам всего доброго, да вспомнил, что могу это сделать только мысленно, т. к. письмо придёт позже.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/164, 1 л.

58. 11 Октября [нов.ст.] [29 Сентября ст. ст.] 1900 г., Париж.

*Hôtel de Bourgogne.
Rue de Bourgogne.
Paris*

*11 Октября
6 часов вечера*

Милая, родная моя, сейчас получил письмо Твоё – оно меня убило совсем. Господи, разве могу я думать о мести, об обиде – когда Ты для меня – всё. Что с Тобою? Родная моя, не болей! Разве я Тебе писал худые письма? Разве письмо от 27 Сент. не сказало Тебе многое? Ведь только Тобою живу я!!! Что эти дни не пишу, то только потому, что и Свиньин и прочие мои спутники рвут меня на части и не дают возможности взяться за перо. Не отнимай у меня хоть остаток веры. Когда я прочитал письмо Твоё, у меня просто голова закружилась и заглодели руки.

У нас тяжёлая участь, не дай же обстоятельствам восторжествовать! Силы и силы! Письмо об отъезде было кратко, ибо у меня опять сидел Свиньин, который чужих интересов не признает.

У меня теперь страшное время; надо устроить всю жизнь. Надо мастерскую, надо весь режим выстроить. За Тебя болит моё сердце. Найди силы в музыке. Разве Ты можешь допустить, чтобы я отнёсся к Тебе небрежно?

Сегодня даже не мог удержаться и хотя очень смутно, но поговорил о Тебе с Фроловым.

Бедная Ты моя! Господи, неужели Ты захвораешь? Радость моя, жизнь моя – тогда мне ничего не останется.

Если бы знали все те многие люди, что сидят около меня в настоящую минуту, о чём и кому я пишу. Все кричат и зовут меня к столу, а разве могу я в таком состоянии есть, и думать и говорить о чём-либо.

Ради Бога, хоть коротко пиши мне.

Целую Тебя и живу Тобою.

Н.

Отдел рукописей ГТГ, 44/282, 2 л. На почтовой бумаге со штампом Hôtel de Bourgogne. Rue de Bourgogne. Paris

59. Среда. [Октябрь, 1900 г., Париж.]

Среда (Пиши на письме и день, а то по числу мне трудно сообразить)

Дорогая моя Ладушка, с болью прочёл я письмо Твоё — что-то неладное творится с Тобою. Зачем Тебе все эти выезды, все эти гулянья и прочее — разве в них Ты должна искать себя? Ты говоришь, что всё это не отразится на музыке; неправда, оно должно, непременно должно отразиться; должно отразиться, может быть, даже невидимо для себя. Все эти выезды со всею их пошлостью, разве могут они способствовать обострению чувства в смысле понимания музыки? Насколько хороши для этого театры и концерты, настолько непригодны вечера и балы. Нового-то кругом много, но что Ты называешь новым и где его искать собираешься — мне неясно.

Если Ты временно думаешь заслонить недостижимую жизнь другою жизнью, то помни, что не следует за неимением скамейки непременно садиться на помойную яму. Миленькая, не погуби способностей своих, ведь чутьё развивается в нас только до известного времени, а потом оно грубеет; дорогая, не пропускай этого времени — оно так недолго, оно пролетит так быстро; и если за это время в Тебе не вырастет чего-либо крепкого и здорового, то тогда останется один хмельной перегар и горечь — ничем не поправимая. Дальше от больших компаний! глубже в себя! — если хочешь сделать что-либо достойное. Быть художником, вести за собою публику, чувствовать, что каждой нотой своей можешь дать и смех или слезы — это ли не удовлетворение?

Ты говоришь, достаточно одного письма в неделю. Так относиться к переписке я не могу, я могу писать тогда, когда мне хочется Тебя повидать и с Тобою поговорить. Как часто это может быть — я не знаю. Разве интересна для нас описательная часть письма — нам важна та частица дорогой и близкой души, которая засветилась на этих листках.

Когда прочёл я письмо Твоё — добрых полчаса ходил из угла в угол; во мне столпились какие-то неясные обрывки мыслей и на сердце стало тяжело просто невыносимо — ибо с Тобою творится что-то неподходящее Тебе.

Что же касается до прописных сентенций Твоих родных и знакомых, то они меня мало трогают, ибо цыплят по осени считают, а я отнюдь не считаю, чтобы моя осень наступила или даже приближалась. Лишь бы я сам знал, что я делаю, а там хоть бы не только тряпкой, а даже и много хуже прозывали — это до меня не касается. И до Тебя касаться тоже не должно — неужели каждому факту, только и есть одно объяснение — ведь это путь близоруких людей, которые глубже поверхности заглянуть не могут. Какая у нас — русских — скверная манера - ни во что ставить человеческую личность и раскусывать её, словно она орех. Ведь послушаешь людские речи, так выйдет, надевай камень на шею и умирай — ан нет, не умрём, а будем сражаться!

Вчера был со мной курьёзный случай. Сочинил я эскиз «Мёртвый царь» — когда скифы возят перед похоронами тело царя по городам его. Вечером же был у знакомых и втянули меня в столоверчение, в которое, как я помнишь говорил Тебе, вовсе не верю. Можешь представить себе моё изумление, когда стол на мой вопрос «который из моих сюжетов лучший?» выстукивает: «скифы мёртвого человека хоронят». Никто из присутствующих не мог знать этого сюжета, ибо я сочинил его в тот же день и никому ещё не рассказывал. Вот-то чудеса! А всё-таки в столы ещё не верю, надо ещё как-нибудь испытать.

Сегодня начал работу. Начал картину из свайных построек и нашёл натурщика старика итальянца (который на всё только и говорит si, si, signore и натурщицу для рисунка. Через месяц, вероятно, поступлю в мастерскую. А всё-таки как одному скучно - Ты и представить не можешь. Сердце так иногда заноет, что поневоле рванёшься на улицу и бегаешь там без цели.

Приходится напрягать весь рассудок, чтобы водворить себя на место.

Добрую Екатерину Васильевну поцелуй крепко; жду время, когда смогу достойно отблагодарить её за её доброе отношение. Неужели она во мне ещё не разочаровалась? Ведь я причинил ей столько боли. Как сложно может, однако, складываться жизнь! Ладушка, милая, родная, не потеряй себя, береги свою хорошую натуру и работай — в ней только счастье. Пиши. Целую крепко.

Тв. мис...

Зачем, Ладушка, я не увёз Тебя с собою из Питера. Так бы вот взять, да и увезти - хоть насильно. Разве приехать мне за Тобою? Знаешь, миленькая, я не шучу. Будем, Голубчик, здесь вместе учиться, иначе и я здесь погибаю, да и у Тебя ученье, вероятно, всё-таки тормозится. Здесь же прожить можно.

2000, которые мне даёт мамаша, - она не отнимет обратно - все её застыдят. Ещё 1000 р. в год мне дадут. Если Ты можешь иметь 1000 р., да я шутя заработаю рублей 500 (между делом), то всё это составит 4600 р., т.е. 12.100 фр.

Теперь посмотри на следующий правдоподобный бюджет.

Квартира
(маст. 2 комн. ванна) 1 600
Прислуга 300
Еда 4 350
Одежа и прачка 950
За ученье 1 350
Освещение, отопл. 550
Извозчики 720
Книги, ноты 300
Мелкие вещи 180

10.300

при наличных
если даже ничего не
заработаю 10.600

Всем святым для Тебя умоляю — мою хорошую Ладушку — рискни. Ведь эти цифры уже не химерные. Как мы заживём-то! И больше Твой майчик никогда не будет трусом. Какой я был осёл, оставляя Тебя в Петербурге.

Я должен был бы сидеть у Тебя, не уходить от дверей, пока Ты не согласилась бы. А я на Твой первый отказ замолчал — заделикатничал. — Экий болван, право, а ещё 26-й год живу. К весне вы ведь собирались приехать в Париж; миленькая, останься тогда со мною, здесь и обвенчаемся. Но до весны ждать-то далеко и трудно ждать.

Ладушка, прости Твоего скверного майчика! Не разлюби его! Просто вот не найду слов, как написать. То, что я сделал, мне не по душе — надо было Тебя везти. А потом, когда-нибудь вернёмся в Россию с запасом знаний и опыта и

устроим и там свою жизнь лучше. Какая у нас работа-то будет! — Скорая да спорая.

Получив эту записку, ответь мне немедленно, поговори с Ек. Вас. Я не могу быть без Тебя.

Целую Тебя крепко, крепко

Н.

Мои знакомые здешние, (которые нам будут очень полезны во всех отношениях), оказывается, хорошо знают Ек. Вас., ибо Лосская, рожд. Голстунская, подруга Ек. Вас. по Институту.

Четверг. Княгиня знает Итальянца Маркиза Рива - певца и аккомпаниатора.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/169, 5 л.

60. 12 Октября, 1900 г., Париж.

ТЕЛЕГРАММА

Принята 12.10.1900

СПб., Лиговская, 19
Г-же Шапошниковой

P1SMO POSLANO ISYESTITE SDOROVII OTCHEN BESPOCOUS
DOUMAU O VAS=NICOLAS

Отдел рукописей ГТГ, 44/165, 1 л.

61. 12 Октября, 1900 г., Париж.

*Hôtel de Bourgogne.
Rue de Bourgogne.
Paris*

12 Окт.

Милая моя, и родная моя.

Сегодня я весь день сам не свой. Что-то с Тобю там делается? Здорова ли? Утром не удержался и послал телеграмму, ответа ещё нет. Как скверно писать самому дорогому для меня человеку на дворе отеля среди безобразного шума и грохота экипажей. В комнате же писать и того хуже, ибо даже стола порядочного нет и хотя мы и занимаем впятером пять комнат, но они больше похожи на курятники. Самочувствие у меня неважное, голова тяжёлая, а тут Свинын пристаёт, чтобы я его проводил до Вены и, пожалуй, это придётся исполнить. А мне сильно не хочется. Мне до невероятия беспокоино о Тебе. Если бы я мог, вырвал бы Тебя сюда в Париж и как бы мы зажили здесь хорошо. – Вдали от всех; нас бы никто не знал и мы бы никого не ведали. Воображаю, что Тебе приходится переносить это время.

Бедная Ты моя! Только как же это Ты допустила мысль, что я не писал Тебе потому что не хочу.

Если бы Ты знала, сколько мне приходится переживать за это время – прямо ноги отказываются ходить, а голова мыслить. Жду, когда разъедутся мои спутники и возьму себе мастерскую. Я жду этой минуты, но в то же время и боюсь её, ибо остаться одному в 4-х стенах при мысли что любимому человеку где-то нехорошо – слишком тяжело. Напиши же мне хоть раз обстоятельно страниц на 6 не меньше.

Вот меня уже опять тащут... Целую Тебя крепко и жду письма.

Милая моя, хорошая – неужели Ты меня ненавидишь? – за что?

Отдел рукописей ГТГ, 44/283, 2 л.

62. 13 Октября, [1900 г., Париж.]

Пятница. 13 Октября

Милая и родная моя, как мне скверно от этой цыганской жизни, уже хочется покоя, хочется работы, а более всего хочется видеть и слышать Тебя. Я думал, на телеграмму будет телеграфный ответ, а его и не было. Если Тебе мои письма необходимы, то ведь и мне Твои тоже необходимы не менее. От всех впечатлений голова стала как сундук, но несмотря на весь хлам и отрёпье навалившееся сверху, меня всё же сосёт основная мысль о Тебе, как бы Тебе за это время не изломаться, как бы не подорвать и без того шаткие нервы? Отчего это нам такая трудная дорога выпадает? На днях мне писала Беклемишева, что чем труднее дорога, тем в лучшие места она приводит, пусть бы так было!

Рано или поздно, но Ты будешь у меня в Париже и мы проживём вдали от всех, среди сильной работы. Или, быть может, Ты уже поверила всем утешениям? – это я только в шутку говорю, я знаю какая Ты в сущности прочная и крепкая и ищешь в жизни вовсе не то, что ждут от неё миллионы прочих.

Прямо не могу писать и сосредоточиться среди разговора и шума – всё равно если бы я стал целовать Тебя при других.

Завтра еду со Свиным в Мюнхен (он очень просил), доведу его и через два дня буду снова в Париже, где надеюсь найти Твоё письмо.

Миленькая, хоть мысленно поцелуй своего Майчика, для которого Ты будешь всё навсегда. Пиши подробно про здоровье и про всё прочее, когда дня два не получаю Твоих писем, мне всё становится противно. Поцелуй Ек. Вас.

Пиши: отель Bourgogne.

Н. Р.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/421, л.2

63. 15 Октября ст.ст., [1900 г., Париж.]

Родная моя, уже 3-й день не получаю писем Твоих и это мучает меня очень. Вчера вечером уехали Свиный и Фролов оба в СПб. один через Вену, другой через Берлин. (Мне удалось отделаться от поездки в Вену, ибо тратить на один проезд 320 фр. – уже слишком). Итак, дня через два я останусь совсем

один (здесь ещё Жесель и Суслов) и опять поговорю с Тобою как говорил 27-го. А если бы Ты знала, как мне хочется опять выложить подробно всё, что у меня на душе. Думаю о Тебе, а сам должен искать мастерскую, покупать печь, мебель, посуду и всякую дребедень, так что никто и не догадается, что у меня на душе. Французы встретили меня очень радушно, уверяют что не дадут мне скучать и пр. Словно бы я для веселья приехал. Свиньин говорил, что коли что – сейчас же будет вызывать меня в СПб. Но это ведь химеры?

Просто и не знаю как я буду в мастерской без Тебя. Но пока Ты должна гордиться майчиком хоть в одном отношении, ибо, несмотря на многое (благодаря моим спутникам), я вполне корректен с женщинами – это уже не химера). Пусть будет это нехимера I.

II нехимера, надеюсь, будет моя усиленная работа, а там придёт и III какая-нибудь нехимера.

Сейчас еду с Французом искать мастерскую.

Миленькая, когда же, наконец, будет у меня Твоя карточка? Мне без неё трудно.

Как же здоровье Твоё? Как силы? Не давай обстоятельствам торжествовать над собою – это будет постыдно. Поцелуй Ек. Вас. и ради Господа пиши.

Твой Н. Р.

15 Окт. с/с

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/405, 2 л.

64. 29 н.с./16 ст.ст. Октября, [1900 г., Париж.]

Родная моя Ладушка, пишу Тебе вконец простуженный – страшный насморк и горло немного болит.

Что это от Тебя ни слуху, ни духу? Мне это ужасно беспокоит.

Каждый день масса новых лиц и имён. Сейчас надо ехать с визитом к Харламову (Пред. здешнего русского худож. клуба). Только что познакомился с двумя крупными художественными комиссионерами – это знакомство пригодится в будущем. Мне большие услуги в смысле художественного знакомства делает Морриес – наш, из Общества Поощрения.

Вчера нам устроил обед здешний архитектор Правительственных Сооружений. Завтра ещё предстоит обед, на котором меня познакомят с Яковлевым из России. Словом если мои русские приятели не подложат мне свиньи здесь можно занять известное положение.

Теперь надо искать мастерскую. Можно найти на 1200-1300 фр. недурную.

Встретился с одним русским семейством, которое поселилось здесь навсегда, чтобы учиться пению – приняли меня ужасно тепло, ибо у нас хорошие общие знакомые.

Пиши, миленькая. Если бы только Ты здесь была, то то бы было хорошо.

29 Октября н/с.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/427, 2 л.

65. [Ноябрь 1900 г., Париж.]

Rue [du] Faubourg St. Honore. 235.

Радость моя Ладушка, наконец-то могу написать Тебе более или менее спокойно. Сегодня получил Твоё карандашное письмо, и хотя и немного мог прочитать в нём, но всё же немного успокоился – если болезнь Твоя не хуже. Сегодня в первый раз буду спать в мастерской моей. Представь себе следующую картину: довольно большая комната (10-7½ шагов) с огромным окном. Простая постель, умывальник, маленькая лампочка освещает небольшой круг – потолок и стены убежали в темноту, за простым белым столом сидит Твой майчик и пишет письмо своей Ладушке. На улице кипит шумная жизнь, а в комнате тихо, только щёлкает уголь в железной печурке – тихо кругом Твоего майчика, словно в тюрьме – голые стены и маленькая дверь тоже походят на тюрьму, – скучно Твоему майчику.

Миленья моя, да ведь измучился я за это время, всё думал о Твоём нездоровье. Даже смешно, - покупал всякие прозаичные вещи вроде кувшина, мыла, лампы и прочего, а думал все о Тебе. Теперь купил lilas blan[s], надушился и словно бы Тебя около почувствовал. И кажется мне – вот-вот откроется дверка и войдёшь Ты, а я схвачу Тебя, крепко, крепко, понесу и посажу рядом с собою; буду целовать Тебя – мою хорошую, которая верит мне – это я чувствую по тону письма Твоего. Я боюсь не чувственность ли это – что мне до такой степени хочется целовать и ласкать Тебя. А Тебе тоже хочется? Хорошо ли это? Чувствуешь ли, что [далее 1, 5 строки зачёркнуты]. Чувствуешь это?

Не давай, миленья, обстоятельствам властвовать над собою. Что же делать, если нам выпала линия тяжёлая – тем прочнее будет, если мы пройдем именно этой тяжёлой дорогой и всё же добьёмся цели. Если же покорно склоним голову и вольёмся в русло общего потока, то никто не станет собирать капли души нашей, чтобы делать из них целебные воды, а будут их лить в ушаты и мыть ими чужое грязное бельё. Нет, лучше пройти какие угодно подземные ущелья и вынырнуть полезным и здоровым источником, нежели литься широким руслом и служить для поливки улиц. Чем больше смотрю на результаты труда человеческого, тем яснее мне ничтожность окружающих обстоятельств. Только труд - сознательная работа живёт надо всеми; её ничем не разрушишь, ничем не прикроешь; переходящи личности, а работа живёт.

Слышу я, что обругали меня здорово Репин и Дягилев – ну что ж, пускай! Это лишь сердит меня, но ничуть не обескураживает и знаю я, что коли только хватит здоровья, то рано или поздно, а придётся им замолчать.

Кстати, не слыхали, какое впечатление производит эта история в обществе. Как идёт музыка? За это время я здорово тут прожился – уже просил о присылке денег, не знаю, пришлют ли.

Мне попалась славная консьержа, такая милая старушка. Нашлись одни знакомые (я уже, кажется, писал Тебе) Лосские, которые приняли меня очень хорошо и уже угощали пеньем, а в воскресенье идём в концерт Колонна, посвящённый Сен-Сансу.

Миленья, не забывай и пиши мне да пиши подробнее, неужели я не залужил за месяц ни одного письма на 6 стран. Ек. Вас. целую.

Н.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/420, 3 л.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ПАРИЖСКОЙ ВЫСТАВКИ:

«Слышу я, что обругали меня здорово Репин и Дягилев – ну что ж, пускай!..»

Сторонний

Заметки о художестве

Итоги успехов русского художественного отдела на Парижской выставке подведены и сбалансированы журналом «Мир искусства». Можно ли придавать этому серьёзное художественное значение?.. Судите сами: остались за флагом Виктор Васнецов и Илья Репин; возвеличены наградами гг. Энкель, Гебгардт, Панкевич, Вейсенгоф, Герсон, Ясинский, Кендзерский, Леви, Симберг, Пеховский, Мордасевич... и ещё столько же других, - имена же их Ты, Господи, веши. Короче сказать: а bas" Васнецов, провалились Репин, да здравствуют Мордасевич, Симберг, Леви и компания!

Вот что значит — «век живи, век учись!..» А мы-то в простоте душевной воображали, что Виктор Васнецов с Ильёй Репиным - великие богатыри земли русской.

К такому же прискорбному заблуждению надо отнести и бывшее увлечение молодым и многообещающим художником Н. Рерихом, одна из картин которого красуется даже в Третьяковской галерее. На Парижской выставке была его большая картина «Сходятся старцы». Сколько помнится, в своё время она была отмечена здесь, в Петербурге, единодушными похвалами печати - теперь же потерпела фиаско наравне с творениями Васнецова и Репина. «Ну можно ли так явно попадаться впросак?» - сказал бы по этому поводу на своём хлётском языке торжествующий редактор «Мира искусства», - если бы и сам не был отчасти повинен в подобном же «просаке». Нам известно, что он радушно приглашал г. Рериха к участию в выставках журнала. Хорошо, что тот не пошёл на такое приглашение. Иначе что стал бы теперь делать с ним, забракованным, осыпанный парижскими почестями кружок?!.. Shocking!..

В утешение г. Рериху можем сказать только одно: лучше остаться за флагом наравне с Репиным и Васнецовым, чем войти в ранг торжествующих Мордасевичей и Симбергов...

Мы не видели картин поименованных награждённых художников и готовы верить строгости и нелицеприятности парижских... виноват, — находившихся в Париже судей. Но что же из этого? И. Е. Репин случайно фигурировал на выставке с своими наименее значительными работами, а г. Малявин - с наиболее удачными. Картина г. Врубеля повешена на выгодном месте, - а Рериха поместили где-то на задворках. Можно ли из этого заключить серьёзно, что гг. Малявин и Врубель выше Репина и Васнецова?

Пора бы сдать в архив такую «лавочную» оценку искусства. Что хорошо для «коньяка Шустова» или «сапожных изделий купца Семибрюхова», то совершенно не идёт к отрасли высшего искусства. Купец Семибрюхов налепил свои медали на вывеску - и это никого не шокирует. Но если этим же самым начинает промышленять журнал, претендующий на звание художественного, да к тому же ещё и передового в искусстве нашего времени, то...

Новое время. 1900. 26 сентября / 9 октября. № 8830. Вторник. С. 3.

Силэн

О наградах

Кто бы мог подумать, что приведённый в прошлом номере «Мира искусства», без всяких с нашей стороны комментариев, список русских художников, получивших награды на парижской выставке, даст кому бы то ни было повод обвинять нас в несправедливости и пристрастии при присуждении всякого рода медалей и отзывов! А между тем это всё-таки случилось.

В № 8830 «Нового времени» один из хроникёров этой газеты, некий г. Сторонний, невежество коего в суждениях об искусстве недавно нами оценено было по достоинству, выступает против нас с обвинениями и укором именно по этому поводу. «Помилуйте! — жалуется он, — Малявину дали золотую медаль, а Рериху не дали! На что это похоже!» Такой образ действий, по мнению нововременского хроникёра, не подобает «журналу, претендующему на звание художественного, да к тому же ещё и передового в искусстве нашего времени». — Да помилуйте и вы, г. Сторонний, чем мы виноваты, что парижскому жюри понравился г. Малявин, а г. Рерих не понравился? Что же делать, если у г. Рериха нет такого таланта, как у г. Малявина. Впрочем, если бы награды зависели от нас, то мы бы непременно подняли «четвёртую руку» за кандидатуру г. Рериха на бронзовую медаль. Более того, чтобы не раздражить нововременского критика, мы были бы готовы выдать медаль, из ещё менее благородного металла, и другому протеже г. Стороннего — г-ну Богданову-Бельскому. Но так как мы в присуждении наград на Всемирной выставке не участвовали, то не можем и отвечать за вопиющую обиду, нанесённую г-ну Рериху. Впрочем, за судьбу последнего мы спокойны. Эта «ласковая тёлка» не двух, а целых «трёх маток сосёт». Доныне его две мамки кормили, Общество поощрения художеств и г. Стасов — теперь же он ухватился ещё и за г. Стороннего. Von appetit!

Мир искусства. 1900. № 17-18. С. 115-116.

И. Репин

Письмо в редакцию

М. г., г. редактор.

По поводу наград на настоящей Парижской выставке за наше искусство, разносятся неверные толки и проникают в печать, иногда даже в таком небрежном виде, как, например, «Заметка о художестве» г. Стороннего в «Нов. врем.» № 8830, с тенденциозным перечислением имён «Пеховских», «Мордосевичей» и мн. др., получивших-де награды, тогда как имена — Васнецов, Репин и Рерих — «остались за флагом».

Находясь более месяца в кругу жюри по живописи, состоящего из выдающихся художников всех национальностей, я имел случай наблюдать близко непосредственное впечатление от наших картин на маститых мастеров всего света. Впечатление это меня очень радовало. Оно было веско, особенно общим уровнем, так как главные силы наши были представлены далеко не лучшими своими произведениями.

В одной из зал выставки, каждое утро, исключая воскресные дни, собирались члены жюри, в числе около 45 человек, и ровно в 9 часов заседание бывало уже открыто.

К делу присуждения наград относились судьи чрезвычайно добросовестно и с большим пониманием предмета. Для получения награды условлено было большинством не менее 27 голосов. Члены жюри награде не подлежали.

В русском отделе (исключая поляков и финнов, выставленных в особых залах) — высшую награду получил В. А. Серов, за портрет великого князя Павла Александровича - 45-ю голосами.

Следующую награду 1-ю медаль (золотую) получили: Ф. А. Малявин, за картину «Красные бабы» - 42-мя голосами, и К. А. Коровин, за декоративные панно-пейзажи в сибирском павильоне — 40 голосами.

В эту же баллотировку В. М. Васнецов и В. Е. Маковский получили за свои картины по 23 голоса. Я был очень огорчён недостатком 4-х голосов для получения ими золотых медалей. Председатель Жером сердечно принял мою сторону. Сначала хотел понизить количество избирателей до 23-х, но это в большинстве не прошло. Тогда он устроил перебаллотировку, но и она не дала должного количества голосов.

Посоветовавшись с гр. И. И. Толстым, бывшим в числе судей по скульптуре, я попросил секретаря нашего бюро снять имена В. М. Васнецова, В. Е. Маковского и В. Д. Поленова с баллотировки на 2-ю медаль (серебряную), находя эту награду ниже их достоинства.

Серебряных медалей нашим художникам присуждено 18-ти именам.

Картине г. Рериха не посчастливилось; по недостатку голосов за неё она не была внесена на баллотировку даже 3-й (бронзовой) медали. По правилам, 10 поднятых рук давали право баллотировать вещь — за Рериха поднято было только три руки. Я остался за флагом потому, что как член жюри считался вне конкурса.

Россия. 1900. 30 сентября / 13 октября. № 515. Суббота. С. 3. Так же: Мир искусства. 1900. № 17-18. С. 114-115.

Сергей Дягилев

Русские художники на Всемирной выставке (Письмо в редакцию)

Считаю нужным сказать несколько слов по поводу разгоревшейся полемики между И. Е. Репиным и сотрудником «Нов. вр.» г. Сторонним.

Последнюю свою заметку г. Сторонний оканчивает дурного тона шуткой, будто бы И. Е. Репин в своём письме заявил «богатырским голосом: "Не верьте стороннему человеку — всё врёт!"» Очень приятно, что сам г. Сторонний определил, и притом так ясно, то впечатление, которое получается при чтении его писаний.

В первой из своих заметок г. Сторонний, вероятно, только что вернувшийся из Парижа, сообщает нам, что на парижской выставке «картина г. Врубеля повешена на видном месте, - а Рериха (его [Стороннего] протезе) поместили где-то на задворках». Действительно, в данном случае «сторонний человек — всё врёт», ибо на парижской выставке совсем нет ни одной карти-

ны Врубеля, и остаётся под сомнением лишь тот факт, будто «г. Рерих помещён на задворках».

Далее г. Сторонний рассказывает, что я «приглашал г. Рериха к участию на выставках журнала» и что он будто бы «не пошёл на такое приглашение». Здесь опять не без «вранья». На посланное ему приглашение г. Рерих письменно ответил, что «надеется участвовать на этой выставке и своевременно будет ждать извещения о времени её устройства».

Затем г. Сторонний оповестил, будто бы «Мир искусства» «подвёл итоги и сбалансировал (!)» успехи русского отдела в Париже. И здесь опять «сторонний человек — всё врёт».

«Мир искусства» поместил полный список медалей и наград, полученный им из Академии художеств, и поместил его без всяких оговорок. Сделал он это совершенно обдуманно, ибо, зная отлично всю историю присуждения медалей, он считал излишним настаивать на таких вещах, как «перебаллотировка» г. Васнецова или «оценка» г. Рериха. Но г. Сторонний своею бестактностью вынудил проф. Репина обнаружить эти факты.

Едва ли художник Рерих поблагодарит г. Стороннего за его энергичный «протест», из-за которого все узнали, что Малявин получил золотую медаль 42 голосами из 45, а «многообещающий» Рерих, при баллотировке в кандидаты на бронзовую медаль, заставил подняться лишь «три руки», из которых одна, быть может, была самого г. Репина.

Далее г. Сторонний, несмотря на разъяснения г. Репина, настаивает на комичной параллели между Васнецовым и какими-то, никому у нас не известными, Мордасевичем и Пеховским, получившими низшие отличия на выставке и, благодаря этому, попавшими в официальный список наград. Такой приём едва ли поможет г. Стороннему дискредитировать авторитет жюри, «добросовестность» которого так категорично засвидетельствована И. Е. Репиным, выступившем в своём письме как официальный представитель русского искусства на Всемирной выставке, сам оценщик, сам судья.

Тем, кто задаётся нелепым вопросом: «Могут ли французы или немцы так уж безусловно решать», что у нас хорошо, что худо, - тем лучше совсем на суд этих немцев и французов и не идти, а если уже пошли, то на «три руки» пенять нечего.

Наконец, г. Сторонний упрекает И. Е. Репина в том, что он своим письмом как бы «пристал к журналу, где его не признают». При чём тут отношение г. Репина к журналу, и какая связь между раздачей наград на выставке и редакцией журнала «Мир искусства» - я понять не могу.

Очень рад за сотрудников «Мира искусства», получивших все первые медали отдела, но особого значения я этому факту отнюдь не придаю, ибо вообще не считаю существенным присуждение каких бы то ни было наград, хотя бы и на всемирных выставках.

1-го октября 1900 г.

Россия. 1900. 3/16 октября. № 518. Вторник. С. 3.

Письма в редакцию

Не откажите дать место следующему письму на страницах уважаемой газеты вашей (письму, быть может, несколько запоздавшему, но заграничные переезды не позволяли мне находиться в курсе наших художественных дел).

В Париже до меня дошли странные известия. Г[-н] Дягилев в журнале «Мир искусства», позволил себе выходку против меня, похожую на клевету. Он пишет: «Рерих, эта "ласковая тёлка" не двух, а целых трёх маток сосёт. Доныне его две матки кормили, Общество поощрения художеств и г. Стасов, теперь же он ухватился и за г. Стороннего».

Я бы желал знать, чем могло Общество поощрения художеств «кормить» меня? Факт моих отношений к Обществу таков: первоначально я был при Обществе помощником секретаря, а потом, согласно желанию Д. В. Григоровича, помощником директора музея, причём, при вступлении в эту должность, не желая придавать своему служению в Обществе какого-либо корыстного характера, я отказался от вознаграждения. Быть может, мною руководил в данном случае также инстинкт самосохранения против разных инсинуаторов; этот инстинкт, оказывается, не обманул меня, ибо теперь я имею хоть эту возможность — издали ответить извещениям людей, избравших своею специальностью бросать грязью во всё, что не подходит под их мерку.

Допустив в своём журнале «Мир искусства» приведённую сейчас инсинуацию, г. Дягилев всё же посылает мне, как участнику выставки, устраиваемой журналом «Мир искусства», полученное мною на днях уведомление о приёме картин и времени выставки. Представляя себе комичное изображение, как «ласковая тёлка» несёт свои картины на выставку «Мира искусства», — я не мог не смеяться.

Относительно гг. В. В. Стасова и Стороннего не считаю нужным давать какие бы то ни было объяснения: наши отношения основаны всецело на почве идей и любви к искусству, — так что г. Дягилеву этого всё равно не понять.

Художник Н. К. Рерих

Париж, 12-го (25-го) ноября 1900 г. Россия. 1900. 2/15 декабря. № 578. Суббота. СЗ-4.

Письма в редакцию

М. г., г. редактор!

В № 578 вашей газеты художник Рёрих обвиняет меня за «выходку» против него, допущенную в журнале «Мир искусства». Прежде всего, в письме г. Рериха два неверных сообщения: первое - я никаких заметок против него не писал, и второе — я никаких приглашений ему не посылал.

Приглашение было послано ему, как и другим художникам, выставочным комитетом, на основании постановления общего собрания участников выставок «Мира искусства».

Что же касается до указываемой г. Рерихом статьи, за подписью «Силэн», то она была написана одним из сотрудников «Мира искусства», и, следовательно, я могу говорить о ней лишь в качестве редактора, ответственного за всё, что печатается в журнале. Г[-н] Рёрих отлично знает, что означенная статья не имеет никакого отношения ни к «корыстному характеру» его «службе-

ния в Обществе», ни к его «отказам от вознаграждений». Уже и раньше тот же «Силэн» утверждал, что г. Рёрих «вырос на молоке Стасова и Селиванова»; в означенной же статье он смеялся над г. Рерихом именно потому, что этот «начинающий передовой» художник сразу встал, по его же словам, «в отношения, основанные на почве идеи и любви к искусству», с гг. Стасовым, Сторонним и, прибавим, Селивановым (Старовером), а также принял столь живое участие в «передовом» журнале г. Собка.

Примите и пр.

Сергей Дягилев

Россия. 1900. 3/16 декабря. № 579. Воскресенье. С. 4.

66. [Ноябрь 1900 г., Париж.]

Дорогая Ладушка. Хоть Тебе и скучно получать мои письма чаще, чем одно в неделю, но всё же не дождался я этого недельного срока, и захотелось мне поговорить с Тобою. Просто я и не знаю, как мне без Тебя существовать здесь. Теперь мы обменялись положением: если в начале моей поездки моё положение было легче, то теперь оно гораздо труднее Твоего. Еще и тем труднее, что я принуждён всё носить в себе и не перемолвить ни с кем ни слова. Впрочем, какое теперь Тебе дело до моего положения, — при Тебе опять тонко шуточные Мих. Ив. и tutti quanti, опять милая бальная музыка, опять героические бальные победы — то-то торжество, подумаешь.

Часто перечитываю я Твоё последнее письмо и многие выражения пугают меня своею двусмысленностью. Что это значит, что «переписка может быть будет продолжительна»? Как понять: «всё происшедшее кажется далёким»? Конечно, может быть (Дай Бог), чтобы я преувеличивал и искажал смысл этих слов, иначе они пойдут вразрез с первою, полученною в Берлине Твоею записочкою — которую я храню как редкую для меня драгоценность. Если бы была возможность следить за Твоим самочувствием, знать вибрацию мыслей Твоих! Ты скажешь: это не дело тряпки, тряпкою пол вытирать можно, а для мыслей тряпка материал неподходящий. Но знай, Ладушка, если Ты свернёшь в сторону, если Ты обманешь меня, то на хорошей дороге мне места не будет. Тебя я люблю только как человека, как личность, и если я почувствую, что такая любовь невозможна, то не знаю где та граница скверного, до которой дойду я.

Ты держишь меня в руках и Ты, только Ты приказываешь быть мне идеальным эгоистом или эгоистом самым скверным. — Твоя воля! Неужели майчик Твой уже стал для Тебя чем-то ненужным, далёким по существу, и неужели это в силу мнения людей, слово которых ещё так недавно ставила вовсе не высоко?

Сестрица моя просто выводит меня из терпенья своими поучительными письмами; и можно же быть таким скучным человеком. Всё пишет, что мамаша больна — беспокоясь обо мне. Что бы я ни написал, всё выходит худо и всё их беспокоит. Кажется, скоро я совсем перестану писать им, и то уже последний раз написал, что «через себя перескочить не могу» и чего от меня хотят, не понимаю.

Начал работу. День будет разбиваться так: 9 - 1 работа в общей мастерской, 2 - 4 у себя. От 5-7 опять в мастерской. Картин пока писать не буду (на этом особенно настаивает Куинджи), буду только рисовать и делать эскизы. Придётся ещё сделать 3 иллюстрации для Мекка в Москву. Переслали мне его письмо, где он расхвалил «Волков» и непременно просит сделать остальные.

Был я у Кормона; показал ему кое-что из фотографий и новых набросков; он остался доволен, очень полюбилось ему моё стремление к картинам и творчеству и, в конце концов, он пригласил меня приходить к нему по Воскресеньям утром беседовать и показывать работы — это для начала очень нехудо. Так что руководство мною будет такое:

1) Кормон — рисунок и композиция. 2) Менар — сторона пейзажная, а на закуску мне бы хотелось побыть у Вистлера, у него здесь тоже есть Академия.

Чем я больше приглядываюсь к Парижу, тем более он мне не нравится, т. е. для работы, конечно, он очень хорош, но впечатление нации и общего духа какое-то трупное, разлагающееся. Народ развратный и как-то цинично развратный, так что на свежего человека эти парижские дамы действуют прямо отталкивающе. И рядом с этим развратом какая-то монастырская условщина: большинство браков заключается чуть ли не через сваху, причём роль невесты самая пассивная. Если бы это рассказывали не так знающие Парижскую жизнь люди — прямо бы трудно поверить.

Сегодня окончилась выставка. Говорят, что после неё готовится какой-то большой скандал, чуть ли не революция — этак, пожалуй, через границу выкинут.

Моя внешняя жизнь идёт слишком несложно. Нигде не бываю, кроме русского семейства Лосских, где слушаю каждый раз пение. Вчера опять превосходно спела из Юдифи. А другая барышня из Диноры и Травиаты. Акомпанировал маркиз какой-то Италианский — ужасный господин, изо всего, что бы ему ни сказать, всё двусмысленность выведет. Приходится мне сталкиваться с разными языками, то человек говорит только по-Итальянски, то только по-Голландски и Фламандски. Нечего говорить, что беседы получают самые комичные; по счастью, в таких случаях обе стороны всегда склонны к добродушию.

Допишу завтра утром, почему-то мне сдаётся, что с утренней почтой будет Твоё письмо.

Вторник. Утро. Почтарь-то пришёл, а писем не принёс — ведь эдакий злодей!

Миленькая, ведь Ты не забыла меня? Ведь у Тебя найдётся ещё довольно сил вести свою линию? Ведь ты не чувствуешь как мне беспокойно без Тебя?

Пиши, Голубчик.

Твой Майчик

Поцелуй Ек. Вас.

Вчера дошли до меня вести, что Косоротов за моё отсутствие натворил массу бестактностей. Экий чудак, хоть бы писал мне раньше, чем в газетах помещать. Ведь этак он может натворить невесть чего непоправимого для себя.

Что князь? Что Стёпа?
И они тоже меня ругают?

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/173, 4 л.

**67. Письмо Н.К. Рериха к Рериху Борису Константиновичу.
[Ноябрь 1900 г., Париж].**

Дорогой Боря.

Что же это никто мне из вас не пишет, хоть бы Ты-то написал, ведь глаза-то прошли, небось. Это брат, свинство. У [меня] идёт день за день работа однообразная и всё время на неё уходит, так что даже не соберусь эти дни в какой музей сходить. Уже третий день у меня какая-то странная сонливость, - ещё только 9 час. а у меня уже глаза слипаются. Лосские - это какие-то хранители для меня - просто хорошо у них себя чувствую, - на редкость. Познакомился со здешним настоятелем - он был ужасно польщён, когда я пришёл к нему в гости. Вчера у Щукина видал Пащенко и он ужасно жалел, что не знал раньше о том, что я в Париже. Напиши мне подробно, что в СПб. Как здоровье мамы? Как ученье Твоё? Отчего Влад. Степ. мне не пишет?

Отнёс ли Ты книги Селиванову? Что знакомые? Кто бывает? Что слышно?

У Вас, ведь, холодно уже, а здесь ещё тепло, как у нас в Сентябре. Поздравь от меня Василия Александр.

Пиши голубчик, ведь за всё время Ты только два письма прислал.

Всех и маму целую.

68. [Ноябрь 1900 г., Париж].

Пятница (пиши на письме не число, а лучше день).

Ладушка, радость моя. Жизнь моя. Если бы Ты знала, как каждое утро впивался я глазами в консьержу, приходившую за платьем, - не белеет ли в её руках белый или синий клочок бумаги, прилетевший издали от единственного, дорогого человека. И ничего эти 2 дня не белело, и сокрушённо спрашивал я: «нет писем», а консьержа со спокойной улыбкой отвечает: «да ведь Вы и то часто и много получаете». Много! да разве это то, что нужно; разве это те письма, чем я живу. Сейчас сижу и сочиняю эскиз - время завтракать; приходит консьержа с завтраком и подаёт милый синий конверт. Конечно, завтрак и эскиз к чёрту! - и читаю. Прочитал, нахлынуло на меня что-то неизвестное, налетели нестройные мысли и я зарыдал - форменно, зарыдал (хорошо что ещё никого не было). Сейчас пишу и еле удерживаю слёзы, и всё моё существо безумно кричит: люблю, люблю, больше себя люблю!

Милая моя, хорошая, дорогая; я чувствую, что Ты сердцем чутким своим поняла, что многое бывшее со мной последнее время больное, выжатое непосильными тяжестями, но по существу я не такой, - я прежний, которого Ты начала любить.

Ты спрашиваешь, стоит ли присылать мне фотографию? И на этот вопрос у меня два объяснения. Одно хорошее, другое очень болезненное. Первое – это Твоя надежда на скорое свидание, а второе, что вообще стоит ли мне посылать фотографии – что, мол, есть и лучшие места для их помещения. Ведь не второе? Нет? Ты спрашиваешь, стоит ли посылать: и этот вопрос напоминает мне другой, а именно, если бы в пустыне один человек умирал от жажды, а другой сказал бы ему: «у меня сейчас будет вода, да только стоит ли напоить Тебя?» Ведь Ты же знаешь, что Твои карточки будут для меня талисманом (таким же как и первая Твоя записка в Берлин), ведь Ты же знаешь, что целуя их и утром и вечером, поставлю их во всех углах моей комнаты, чтобы мне отовсюду видеть мою дорожку, мою радость – Ладу.

А ещё спрашиваешь! Как не стыдно. Ведь Ты – всё, что привязывает меня к жизни. Прости, милая, но я вижу, что люблю Тебя даже больше искусства.

Одна строчка меня очень порадовала в письме Твоём, что моё письмо было, очевидно, Тебе приятно. Скажи, когда сидела Ты одна на балу, о чём думала Ты? О майчике хоть немного да думала. И ещё, может быть, думала: «неужели всё, о чём мы так много говорили и так горячо толковали; неужели всё это пустые звуки; неужели жизнь вот это, что меня теперь окружает?» Вот такие мысли должны были быть у Тебя, когда Тебе сказали, что у счастливых людей таких глаз не бывает.

Я не верю, чтобы это были пустые звуки. Это ли не задача жизни, доказать (несмотря ни на что), что жизнь именно в этих пустых звуках и что земля стоит именно этими пустыми звуками, а не беззвучною, установившеюся жизнью нашего Общества. Выйди, милая, из этих рамок! Ты уже получила моё вчерашнее письмо; приказывай как мне сделать. Если крикнешь «приезжай», то через 8 дней буду в Питере (5 дней письмо идёт, 3 дня на дорогу), но приеду лишь с тем, чтобы назвать Тебя моею и ехать опять сюда.

Мне хочется, чтобы Твоя музыка развернулась именно здесь. Или приказывай, и я немедленно займусь устройством квартиры и всего прочего и буду ждать. Пусть называют сумасшедшими, пусть клеймят, как угодно, но в наших руках искусство, а в нём всякие слова бессильны. Я твердо верю, что кому дан талант, с того это в следующих существованиях и спросится. Ведь Ты и сама недовольна теперешней жизнью своей. Когда-нибудь будем и мы в Питере иметь свою жизнь, но она будет иметь для нас иной смысл.

Какая у меня больная любовь к Тебе теперь. Достаточно сказать, что без слёз не могу видеть писем Твоих. Да, любовь – страшное чувство. Все-таки я до последнего времени как-то стыдился её, а теперь готов кричать: «люблю, и не считаю это позорным». Ладушка, слышишь ли? Чувствуешь ли? – молчат стены, бежит по-прежнему шумная жизнь за окном и кричу я куда-то словно в бездонное пространство. Нельзя писать через неделю. Через неделю я могу извещать напр. своих, что, мол, на Шипке – всё спокойно и, по несчастью, я ещё не умер, но наши весточки совсем иные – тут посылаешь часть души. Ой, как мучаюсь я! – пожалей милая. Всё кругом меня колеблется; разочарования в людях следуют одни за другими; сумбур и гадость жизни преследуют по пятам, остаётся лишь Ты да искусство. Ещё недавно я бы сказал наоборот, но теперь вижу, что от Тебя всё зависит.

Посмотри, разве не видишь перед собой дружной работы, понимания друг друга и борьбы, а затем подготовку новых борцов и работников. Разве тот центр, о котором мы говорили, разве он в балах и на вечерах.

Крамской писал «вперёд, вперёд, без оглядки!» Ну же, вперёд, моя хорошая, моя светлая Лада!

Как обидно, что письмо должно идти 5 дней, значит, ответ не раньше, как через 9-10 дней.

Поцелуй Екат. Вас. Буду работать и ждать. Ждать и работать. С самого утра у меня какое-то смутное ожидание – хоть начинай либо пить, либо опий курить.

Целую Тебя крепко, крепко.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/174, 4 л.

69. Воскресенье – Понедельник [1900 г., Париж].

Воскресенье. Утро. (10 часов утра).

Лада, моя хорошая. Мне вспоминается, как какой-то Папа (не помню какой) заставил Императора Гонория, (кажется), два дня босым и во вретнице стоять под воротами Альконы. Не Ты, но почта заставляет меня пребывать в таком же положении. И стою я и жду, когда же откроются ворота, опустится мост и гонец подаст мне резолюцию. Начинаю фантазировать (Ты это слово во мне ненавидишь, но в этом случае оно ведь допустимо), переминаясь с ноги на ногу, содержание постановления. То меня пугает решение немилостивое, то прочитываю я первую записку из Берлина, вспоминаю, как Ты меня отпускала и представляется мне следующий ответ: «нелепый майчик, жалею, что ещё люблю тебя, но что же делать, если ещё не вконец разочаровалась в мечтаниях твоих и их исполнимости. Слушай, нехороший и тряпковидный майчик, если твой бюджет вероятен и ты уже ознакомился с условиями Парижской жизни, то можешь приехать на Рождество и надеюсь, что после Нового Года, ибо в посту свадеб нет, проведя вместе наше 30 Декабря, мы уедем в Париж. Видно уже судьба моя – удивлять моих знакомых всякими неожиданностями и романтическими. Твоя многомилостивая Лада».

Вот такая резолюция представляется мне на мои всеподданнейшие прошения. Если бы можно было внушить Тебе такое содержание письма. Попробую хоть духа вызвать; нельзя ли через него передать. Тогда сейчас же промеж неукоснительных утренних рисунков понёсся бы искать квартиру, подыскивать обстановку и собирать сведения о прислуге и всём прочем.

Жить так жить Ладушка - так проживём же так, чтобы не жалеть бездействия... Впрочем, чувствую, что опять приближаюсь к области мечтаний – к запретной дверце, которая нескоро ещё будет разрешена мне моею строгою Ладю. Поверь милая, значит для чего-нибудь мы да встретились же, если не смотря ни на что, моё чувство к Тебе всё крепнет, а Твоё ко мне ведь не пропадает.

Жду с великою душевною смутою письма Твоего. Смутное чувство ожидания, (о котором я уже писал Тебе), давит меня каждое утро. Сегодня я получил 3 письма: от Зарубина, Стороннего и Лосской. Но что же это? вот если бы чудом уже прилетел Твой ответ, это было бы важно. Сейчас Воскресенье 10 ч. утра; быть может, Ты уже получила моё письмо и компануешь что-либо ответное. Милая, пожалей своего майчика.

Нет, как это надо было понимать Твой вопрос о том, стоит ли посылать мне карточки? - это меня занимает.

Поцелуй Ек. Вас., всё-таки у неё очень хорошее сердце. Мысленно поцелуй меня и обними покрепче.

Твой Майчик-Изгой

Воскресенье. Утро.

Как я думал так и вышло - только отослал Тебе, дорогая моя, письмо, как явилась консьержа и принесла Твоё. Сегодня в течение дня перечитал я его раз 5. «Майчик милый, я тебя ещё очень люблю...», зачем это ещё, разве Ты допускаешь победу над собою? Не может этого быть и предыдущая фраза, вырвавшаяся из сердца, говорит о противоположном. «Сколько дряни во мне накопилось», кричит Твоё сердце. Неужели, правда, хватило бы у Тебя силы потребовать свои письма обратно? Но после чего же? После того, как дала мне вместо образа на дорогу Берлинскую записку? Не верю, не верю, что моя Лада не могла бы это сделать. Неужели укусы пошлых людей так сильны для Тебя? Замечай теперь кто и как ко мне относится, это очень поучительно. У меня последнее время вселяется какое-то зло и презрение к людям. И презираю я их, которые при малейшем несчастье, при малейшей потере власти начинают с наслаждением бешено плясать вокруг какой-то вакхический танец победы и стараются толкнуть и, если только рука достанет, то лишний раз повернуть воткнутый нож. А если поваленный ими человек чудом встанет опять и улыбнётся ему успех, то они готовы опять ползти за ним, готовы превозносить каждое его слово и кадить ему; и он может тогда плевать в их мерзкое лицо, а они только упираться будут - жалкие, безличные людишки! Именно безличные, ибо у них нет своей личности, и стараются они стереть и чужую. Когда у меня даже голова закружилась от различных ударов, когда почувствовали силу надо мною, чего возликовали они? Чего обрадовались?

Удивляюсь, если Варв. Влад. за меня. Ведь, кажется, и она была против, и она как-то меня обзывала. И неужели более никто не задумался серьёзно, что со мною делается?

Ладушка милая, ведь, только представь себе, что я повис над пропастью - внизу темно и грозно - и держусь я за уступ одною рукою, а все мои присные расположились кругом меня в удобных позах и наслаждаются зрелищем: «удержится ли он?». Картина поучительная. Ты одна ещё поддерживаешь меня, но Тебя, весёлым хороводом, рвут в сторону... неужели бросишь?

Ты пишешь про фразы, которые я легко приписывал в каждом письме. Но легко ли? Не кипело ли в то время во мне; вспомни, как кипит вода, - сперва большими пузырями, но чем сильнее, тем меньшими и незаметными, и никто не подумает, что в этом состоянии она взрывает котлы.

Я Тебе продиктую новый ответ мне. «Сбитый с толку майчик! Без согласия твоей матери не смей со мною ни о чём и говорить - это, во-первых. Во-вторых, зимний сезон я приношу в жертву своей маме. Но если удастся какими-либо способами добиться согласия матери, и ты будешь в состоянии устроить жизнь в Париже, то в таком случае, можешь приехать через 3 месяца, и я буду твоею женой. Твоя не по заслугам добрая Лада».

Ладушка, не откажи мне в таком ответе. Напиши мне его немедленно. Я им жить буду.

У меня будет определённая цель.

Ты не думай, что с домашними я не поднимаю этого вопроса. На днях ещё послал я туда 2 письма очень внушительного содержания, да и Бруммеру написал на 8 страницах – там уже, вероятно, каша варится, а, знаешь, иногда слово письменное солиднее устного. Дай мне этот ответ; за это время я ещё денег достану, квартиру хорошую отыщу, даже о музыкальных профессорах справлюсь (хотя это дело Боровки Тебе указать их). Пришлешь мне этот ответ? Да?

Неужели Тебе никогда не представляется, как Твой майчик сидит один со своими мыслями по вечерам в своей одинокой комнате? И ни на какую мысль не находит определённого ответа, и за туманом ничего не видно. И вдруг из этого тумана звучит знакомый голос: «на днях чуть было не отняли у тебя самого дорогого, да может быть ещё и отнимут – погоди, то ли ещё будет!» и от этого проклятого голоса невольно опускаешь голову на некрашенный стол и ещё сильнее дребезжат фургоны и фиакры на улице – точно и они раздавить не прочь.

Хоть бы карточки-то Твои были! Понимаешь, мне нужно Тебя! (Впрочем, тут уже могут начаться лёгкие фразы!) Я не знаю, к чему всему требуется поддавать лучшее в человеке? Ведь любовь к Тебе – это самое моё чистое.

Ладушка, поддержи Твоего Майчика... Разве могут Тебя трогать эти салонные разговоры? Когда Ты писала мне, что порою в Тебе среди бала подымается злобное чувство – я понял это и объяснил, но неужели, вопрос, «присылать ли фотографии» надо понять в скверную сторону!?

Я послал опять мою сказку в печать – не знаю, примут ли, но если примут, я снова запою мою песню о вере в себя.

Ой, как худо мне вдруг стало - прямо невыносимо тяжело - так и давит. Не с Тобой ли что-нибудь? Сейчас Понедельник 8½ вечера.

Пойми – я один, один.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/202, 6 л.

70. 22 Ноября н/с. [1900 г. Париж]

Ладушка, моя хорошая, верно, письмо Твое уже идёт где-нибудь и может быть уже недалеко от Парижа, а мне вот не дождаться его, особенно, когда некоторые вещи тревожат этот болезненный вопрос. 1) Сегодня были у меня Лосские начали спрашивать о Екат. Вас. (Лосская посылает ей сердечный привет). 2) Вчера был я у некоего художника Кузнецова и пришёл в восхищение от жизни его. Живёт он с женою, оба молодые, оба учатся (он тоже рисует) – квартира такая славная (4 комнаты, кухня и мастерская), вся атмосфера уютная.

Поневоле начнёшь молиться: Господи, дай, чтобы Ладушка написала тот ответ, который я мысленно и письменно ей продиктовал. Я даже уже присматривал мастерскую с квартирой - за 1900 фр. можно иметь славную и большую.

Случайно я оказываюсь в лучшем здешнем русском обществе: проф. Ковалевский, пр. Гамбаров, Валишевский, Самарины, Онегины, Герен-

Спиридонович, Боткины, Щукин, Кузнецов, Гайдебуров и др. И можешь себе представить, за что мне оказывают особое внимание? – ни за что не угадаешь! За то, что Дягилев обругал меня. Здесь все до того презирают Дягилева, что как только узнают, что я не пошёл в эту кампанию, то внимание сейчас же удваивается. Словом, я могу Тебе здесь уже предоставить очень хорошее общество, а Лосские – будут нам словно родные. С Люсей Лосской, (т.е. со слоном, ибо её рост и объем – чисто слоновые), Ты наверно подружишься. Она натура недюжинная. В смысле музыкального образования итальянец Рива будет очень полезен, (они его зовут Ривочка), ибо он знает всех и всё и имеет в музыкальном мире руку. (Он с великим восторгом говорит о княгине).

Итак о том, чтобы мне приехать на Рождество: *c'est entendu!* не так ли? Да! да! и да! Наши мне написали, что мою комнату отдают брату, а комната брата идёт сестре – я этому радуюсь.

Сегодня 22-е Ноября н/с., т. е. Екатерина Васильевна по моему стилю завтра именинница. Боюсь, не совладаю со старым стилем, а потому поздравлю её теперь, поблагодарю её за хорошее, доброе отношение, которое имела она ко мне, надеюсь, небезосновательно, т. е. в нём, надеюсь, ей не придётся со временем раскаиваться. Искренно её целую.

А Тебя-то, мою миленькую, как целую я мысленно и обнимаю, и кланяюсь земно, и прошу, а о чём, Ты догадаешься.

Уж очень мне скучно эти дни, уж очень я жду письма Твоего, утомляю себя работой, но даже 8-ми часовая работа и та не усыпляет.

Майчик

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/175, 2 л.

71. Понедельник. [Ноябрь, 1900 г. Париж].

Милая Ладушка.

Сегодня утром почтальон подаёт мне при выходе из дому толстенький Твой конверт. Вот думаю, либо карточки, либо предлинное письмо - оказалось ни то, ни другое, оказалась газета. Хотя я уже и получил этот № "Нов. Вр.", но от Тебя получить Буренинский фейлетон было мне особенно приятно; Ты им как бы хотела сказать: к чему обращать внимание на Дягилева, когда я совершенно согласна о нём с мнением Буренина. И если я не обращаю внимания, то и не следует и тебе, моему парижскому изгою, сердиться и обижаться на людей, которым ты лично ненавистен. Ведь это Ты хотела сказать?

Но когда же я получу карточки Твои? Ведь это же, наконец – безбожно.

Неужели Ты вчера в воскресенье уже спала в первом часу ночи? Напиши об этом. Дело в том, что вчера у Лосских мы устроили спиритический сеанс, и я спросил, что делает человек, о котором думаю. Стол выстукивает «спит». Спрашиваю: когда поеду в Петербург, и отвечает: «в Мае». Выставляю ли картину в Салоне? Отвечает: да. Будет ли успех? да. Будет ли продана? нет.

Завтра посылаю в «Нов. Вр.» фельетончик. Не знаю пройдёт ли он или нет. Если будет напечатан, напиши своё мнение.

Вчера Люся Лосская дала мне интересную литературную темку. «Душа, сердце и тело» - можно будет из этого сделать сказочку. Вчера был у Кормона, опять и опять выслушал очень благоприятные и дельные замечания. Просто

мне изумительно, как это в Петербурге я вдруг оказался ничего не стоящим, тогда как во мне никаких перемен не произошло. Или это только мне кажется, а на самом деле лучше. Напиши-ка мне подробное письмецо, моя хорошая Ладушка, ведь можно же мне уделить часочек, а для большого письма больше и не требуется. Поцелуй Ек. Вас.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/204, 2 л.

72. [Ноябрь 1900 г. Париж]

Могу ли я быть уверен в себе? – пишешь Ты, родная моя. Для меня же этот вопрос прямо не существует – каким образом могу я задаваться таким вопросом, когда у меня на душе яснее дня сознание, что в Тебе всё моё самое хорошее, что попробуй я хоть на мгновение вычеркнуть Тебя из себя и всё остальное становится сразу таким серым, таким скверным. Итак, Ты велишь мне работать до весны; - будет исполнено, только Ты-то не забывай обо мне. Мне всё кажется, что когда Ты во мне начинаешь сомневаться, то это сомнение каким-то чудесным током бежит за тысячи вёрст и начинает здесь душить и давить меня.

А музыка-то? Что же будет с бедною Твоею музыкой? Ну да Бог с Тобою, – вычеркни музыкальные успехи до будущего сезона, ибо здесь в Париже работает совсем иначе. Вчера я познакомился с М. Серг. Сперанскою. Ты её не знаешь? Она начала учиться здесь пенью. Одна с горничной приехала из СПб., чтобы учиться. Можешь себе представить: встаёт в 7 час. утра, каждый день бывает у профессора и, конечно, не мудрено, что делает успехи. Я знаю, я убежден, что Ты здесь заживёшь другою жизнью, жизнью любопытною и разнообразною. Наше внутреннее мы заключим окончательно в себе, а внешнее будет очень изменчивое. Ведь Ты одна ещё в состоянии сделать из меня полезного человека; без Тебя я буду жалким маньяком.

Я даже иногда доволен бываю, что Ты теперь пьёшь через край чашу бальной и светской пошлости, для такого умного и чуткого человека как Ты, этот напиток не может не надоесть в скором времени, и тогда Ты тем сильнее рванёшься к весёлой сознательной работе, которая только одна даст в будущем удовлетворение без осадков.

Скоро ли получу карточки Твои? Ты пришли мне их несколько – разных, чтобы мне их везде наставить, чтобы из всех углов смотрели и следили за мною и моими помыслами глубокие глаза Ладушки.

Когда же будет около меня человек, который будет глубоко всматриваться в мою душу, ибо я искренно хочу быть честным, хочу быть добрым, а между тем, многие мои поступки мне самому снаружи не нравятся.

Когда около меня будет такая чистая натура, как Ты, я буду лучше.

Третьего дня сестра мне прислала письмо от имени мамы с такими словами: «мама говорит, что она согласна, чтобы ты женился, но с одним условием, чтобы никаких жалоб от тебя потом не слышать». Чтобы не переписывать, посылаю Тебе два отрывка из милого родственного письма. Прочти и уничтожь их. Инстинктивным желанием моим было отказаться вовсе от такой родни, от такой сестрицы, которая спокойным почерком за тысячи вёрст может писать подобные гнусности. А эти разговоры о деньгах, словно я не знаю,

сколько мы получаем из 220 тысяч и из <дому>!.. Ну да все равно, Бог с ними, видно мы из разного теста сделаны.

Пока Ты – моя, до тех пор все мои падения духом лишь временные, а вот без Тебя – я, родственно, останусь как перст. Я ещё смягчённо смотрю на маму – она, мол, другого поколения, но сестра, так скоро изжившая свой век и заговорившая затхлым языком – мне уже вовсе непонятна и жалка. Боюсь, что они разъедят меня с братьями. О Володе-то я не так сожалею, но младшего Бориса мне бы не хотелось упускать из-под своего влияния, ибо он живой и даровитый.

Ладушка, ведь Ты думаешь обо мне? Ведь иногда хочется Тебе увидеть меня? Хочется поцеловать? Какие смешные, детские вопросы! – а как иногда хочется, чтобы они были отвечены непременно утвердительно.

Мои родные порадовали меня ещё тем, что на мою просьбу денег ответили, что решили выслать с Нового Года – а ведь они знали, что у меня более нет их. Хорошо ещё, что без родных обойтись могу, а то они, хладнокровно, обрекают меня на плохое положение.

Поцелуй Ек. Вас., пусть она не мешает Тебе писать мне более длинные письма.

(Начал писать картинку для Салона – смотри, никому не проговорись).

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/203, 4 л.

73. Вторник. [Ноябрь 1900 г. Париж].

Вот, Ладушка, когда самое настоящее время потребовать свои письма обратно – по крайней мере эффект будет полный. Прочитай, какой приговор подписал мне последний № «Мира Искусства». Все-то в простоте душевной предполагали, что историческая живопись – моя специальность, а вот г. Бенуа советует мне искать иную область!

Вчера был для меня редкий по удовольствию день: сперва получил вырезку из «Мира Искусства»⁶, а потом, вечером, телеграмму, что продажа картины, которая, было, уже совсем устроилась, не может состояться. Эти два известия до того меня порадовали, что я уже ждал третьего, от Тебя, с требованием писем или ещё с чем-либо скверным. «Пришла беда, растворяй ворота» – недаром говорится; уж коли пойдёт такая линия, то ничего радостного не выйдет, и какими редкими мелькают для меня радостные минуты. Несколько таких минут было для меня в воскресенье утром. Понёс я показать мои новые эскизы Кормону. Шёл со страхом великим, ибо мне говорили, что он человек прямой и ни перед каким резким суждением не останавливается. Можешь себе представить моё изумление, когда, вместо ругани, слышались его возгласы: «оригинально! характерно! курьёзно! хорошо идёт!», когда он, обращаясь к ученикам и художникам окружавшим его, сказал: «он чувствует характер страны своей. У него особая точка зрения». На прощанье он пристально по-

⁶ Мир искусства 1900. Ноябрь № 19-20. С. 156-161.

смотрел мне в глаза и сказал: «не правда ли, в Вас много своеобразного (n'est ce pas que vous avez), и Вы должны сохранить это. Работайте и приносите мне по воскресеньям».

Этот отзыв меня порадовал - для начала не худо! Вечер воскресенья я провёл у Лосских; в Понедельник Люси Лосская была у меня – я начал портрет её, а потом и получились два неприятные известия, а ночь я почти всю не спал, мучаясь в страшной нервной зубной боли. Когда болеешь душевно и физически и сознаёшь своё одиночество – как это тяжело бывает, и опять словно за веса опускается перед глазами и ничего впереди не мерещится хорошего.

Начал я писать новую притчу: «Не оправдавший доверия».

Эскиз теперь особенно меня занимает: «Предательница» - женщина впускает врагов в город. Кормон очень хвалил эту задачу. Я беру момент, когда она указала тайник, и враги один за другим пропадают в тёмной скважине, а сама предательница отошла несколько шагов от тайника, отвернулась и в напряжённой позе ждёт следствия своего поступка, но за стенами ещё спокойно, главка церковки молчит набатом и белые стены её не освещены ещё заревом. Ну Бог с ними, с эскизами, я удивляюсь как ещё могу временами сочинять что бы то ни было, когда у меня такое разрушение внутри!

Когда же получу я карточки Твои? Как больно было мне читать Твоё предположение потребовать назад письма. Неужели единственный бастион, из которого я думал действовать, и тот колеблется, и тот склоняет знамёна неприятелям. Ну же! дружнее тогда! Все сразу. Авось всем скопищем не трудно будет раздавить одного человека! Помню, как мы впятером на одного барсука охотились...

Давно уже Твоего письма не было - я соскучился без него и если бы не Лосские, то совсем бы падал духом. Поклон Ек. Вас.

Вторник

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/212, 3 л.

ХРОНИКА

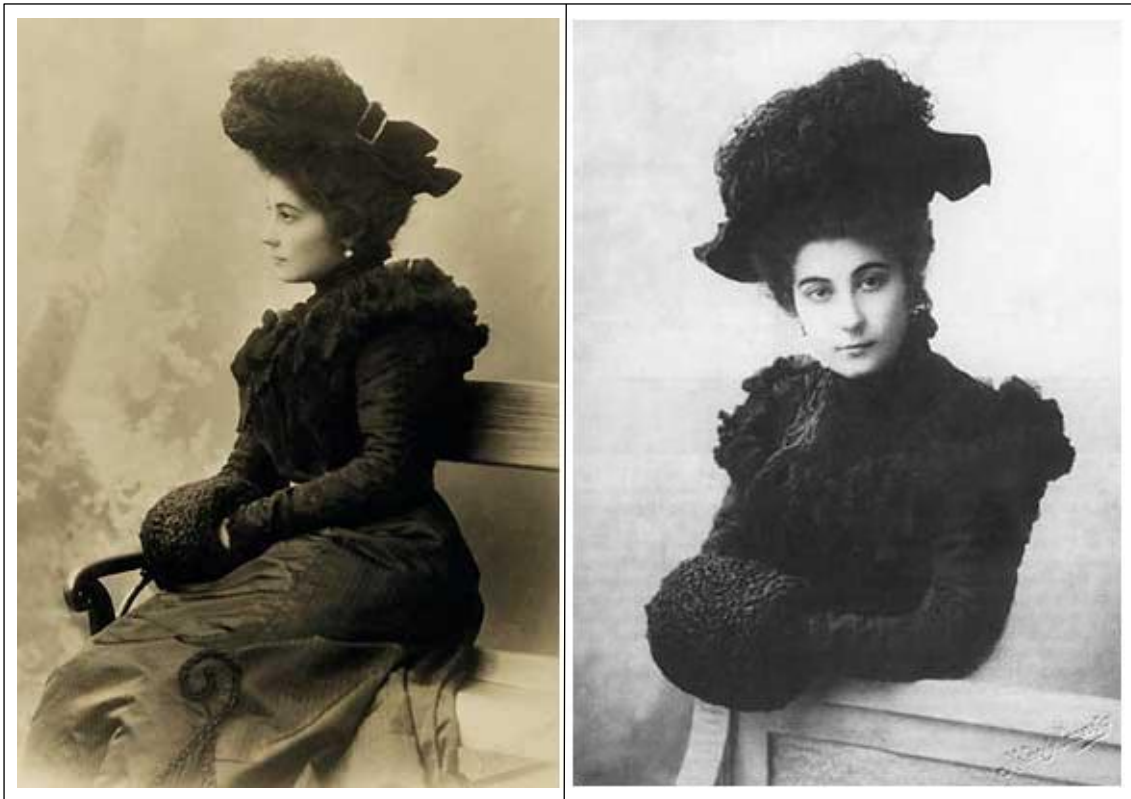
Александр Бенуа

Письма со Всемирной выставки

...Намерения Рериха близко подходят к намерениям Сурикова и Рябушкина, но, к сожалению, этот молодой художник вовсе не обладает присущим этим мастерам даром исторического прозрения. Жаль, что он до сих пор не отыскал своей области и думает, что ему удаётся убедительно воплощать доисторическую Русь, тогда как на самом деле он вертится в том же обновлённо-академическом шаблоне, представителями которого являются Люминэ и Кормон. Я не верю его славянам, старцам, по-моему, всё это Рерих выдумал, и потому его картины производят на меня впечатление скуки и натяжки...

Мир искусства. 1900. Ноябрь № 19-20. С. 156-161.

74. [Ноябрь 1900 г. Париж]

Хорошенькая моя, сейчас получил Твои карточки. Просто бесконечное спасибо за них. Больше всего нравится мне длинная карточка в шляпе и кофточке. Помню я эту кофточку, ох как помню! Менее всего хороша карточка без шляпы, на ней у Тебя нехорошее выражение и причёска какая-то неподходящая – неудачен овал её, но глаза лучше всего на третьей карточке, ещё чего-то чуть-чуть им прибавить и это будут как раз те чудные глаза, которые часто смотрели на меня пристально, когда Ты мне верила. Поверишь ли так опять? Чего бы я не сделал лишь бы Ты верила в меня и верю этой давала мне жизнь.

Ведь и я же человек, ведь и я имею право на существование, а без Тебя горька эта жизнь. Веришь ли, но лишь редко в шумном разговоре, в суетне я забываю то что-то тяжёлое, что лежит на сердце моём. И тяжела эта тягость! Ладушка, родная, - спаси меня! Без Тебя мне не сдвинуть этих громад, висящих надо мною. Помнишь ли в сказке в какой-то требовалась молитва чистой девушки, чтобы спасти кого-то откуда-то. Чистая женщина невидимой рукой ведёт мужчину далеко.

Я покажу Твои карточки Лосским – это ничего? Ведь мне не с кем поговорить о Тебе. Люся мне на днях говорила: если до весны не разлюбит, значит уже хороший человек, значит это уже не обыденная барышня, а человек. Лос-

ская мне предлагала, что с будущего года не хотим ли мы поселиться с ними, т. к. и они люди искусства.

Ладушка, радость моя; у меня есть к Тебе просьба. Не рассердись только за неё и если будет какая-нибудь возможность, то исполни.

С некоторого времени Куинджи всё недоволен мною. Через Зарубина всё извещает, что мои поступки его не радуют, но какие именно поступки он не говорит. А между тем, я люблю его и чувствую, что и он меня любит. О Тебе, по моим рассказам, он был самого лучшего мнения и даже нашёл, что женитьба на таком человеке, как Ты, самое для меня лучшее.

Милая съезди к нему, (не пугайся этой дерзкой мысли). Съезди к нему не от меня, а от себя, что, мол, я чувствую что он недоволен мною и это меня огорчает и что я писал Тебе об этом. Скажи ему, что Ты пришла от меня по секрету и Тебе хочется знать, как направлять меня и как толкать. Это ему наверно так понравится, что он Тебе не замедлит рассказать очень многое, что никому не скажет.

Он любит своих учеников, как детей, и эта забота Твоя ему будет очень понятна и никому он не скажет об этом - за это можно ручаться. Дома его застать лучше утром часов в 11.

Ведь, право же, я против него зла не имею и ценю его советы. Я ему, помнишь, как-то говорил, что Ты заставляешь меня рисовать, - и ведь как он был доволен. Если только это в пределах возможного, то сделай для меня это.

Да, вся моя надежда, всё моё хорошее – только в Тебе.

Слева на полях:

Если неловко к нему ехать, то можно бы его вызвать.

Я думаю и Ек. Вас. ничего против такой беседы с Куинджи иметь не будет, ибо у него бывают же и многие дамы за советом, он лицо официальное, а за такое попечение обо мне, он Тебя наверно полюбит. Его адрес: В. О. Биржевой переулок, дом Елисеева (подъезд от Биржи) и на самый верх – в № 8. Там позвонить и на вопрос «кто там» передать карточку с надписью «по делу Н. К. Рериха».

Неужели до весны не увижусь с Тобою? Ой, как скучно, безбожно скучно.

Поцелуй Ек. Вас. и ради Бога, пиши. Всё-таки ты помнишь о майчике и фейлетон и карточки послала.

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/213. 4 л.

75. Суббота. [Ноябрь 1900 г. Париж]

Суббота

Миленькая и хорошенькая и славная моя Ладушка, разве могу я Тебе писать неласковые письма, после Твоего этого; да по несчастью в письме не напишешь, как я люблю Тебя – люблю хорошо, словом, люблю так, что не стыдно сознаться. Как мне хочется приласкать Тебя, как хочется мне иметь Тебя близко, близко и дышать Тобою и гладить Тебя. Какая Ты хорошая! Я уверен, что когда-нибудь мы будем счастливы. Но до этого следует быть

настоящими сильными людьми и уметь переносить, уметь «бороться». Куинджи *отнюдь не* говори, даже скажи, что от меня по секрету, что приехала от меня, тогда всё потеряется. Тем-то и дорог будет этот визит, что Ты приедешь необычно, желая из меня сделать большого художника, замечая у меня способности к этому и чувствуя какое-то несправедливое ко мне в обществе настроение. Лучше всего застать его дома утром или перед обедом, но ещё лучше послать записочку, чтобы он назначил время, когда его можно застать. В записке можно означить «Желая поговорить с Вами о Рерихе, прошу назначить время когда это удобнее сделать».

Если бы Тебе и Ек. Вас. можно бы приехать в Париж весною. Хоть бы лето вместе провели. Надо учиться ждать, дорогая Ладушка; это трудно Тебе, а мне ещё труднее, ибо приходится более Тебя бороться с натурой, но пока я всё тот же Твой майчик во всех отношениях.

Но теперь выясняется следующее: на 2000, которые даёт мне мама – в Париже даже одному существовать невозможно и несмотря на получку за работу 400 рублей – у меня всё же есть недоплаты в магазинах. Чтобы жить вдвоём очень скромно надо иметь не менее 6000, иначе предстоят лишения, причинять которые я не имею нравственного права. Если бы я предполагал, что всю жизнь мне пришлось бы существовать на 2000, то лучше не жить и я, конечно, уверен, что обстоятельства переменятся и искусство тоже будет давать мне сколько-нибудь. Пока же что, очень бы хорошо Тебе с Ек. Вас. приехать весною в Париж, напр. к 15 Мая, а затем мы провели бы вместе лето где-либо на водах. Возможен ли такой план? – напиши скорее. Я знаю, трудно владеть собою, но надо учиться этому и надо Тебе беречь себя, ибо всё теперешнее – переходное, надо смотреть лишь в будущее и видеть его именно таким, каким хочется; если же мы не будем хотеть видеть будущее, каким нам хочется, то и на самом деле оно не будет таким. Мне почему-то уже представляется, что Ты приедешь в Париж, а не то и раньше приезжайте. Можете сказать, что доктор посылает и даже не говорите, что в Париж. Просто и нарадоваться не могу на мою Ладушку, даже и чувствуется мне словно бы и лучше, а то всё какое-то скверное настроение. Ты не ошиблась – телеграмме Твоей пришлось пролежать, - меня целый день не было дома.

Миленькая, - пиши почаще; для меня это большой праздник. И я буду часто писать.

Отдел рукописей ГТГ. 44/171. 2 л.

76. [Ноябрь 1900 г. Париж]

Дорогая моя Ладушка.

Дело вот в чём: не знаешь ли Ты какой-нибудь барышни образованной, хорошего общества, любящей музыку, ~~для следующей цели~~ и желающей ознакомиться с Парижем. Люся Лосская непременно хочет, чтобы у них до Мая месяца была такая особа, которой они предоставляют комнату, стол, прислугу и полную свободу, а за это просят сопровождать Люсю к профессорше пения, куда ей одной неудобно ездить, а матери каждый день это тяжело. У них теперь живёт одна итальянка, но хотя она и маркиза, но завела какую-то любовную переписку и назначает свидания, и тем её присутствие неудобно. Сегодня

они спрашивали меня, не знаю ли хоть я кого-нибудь, но я никого указать не мог, а между тем уверен, что такое предложение улыбнулось бы многим. Только бы была не нытик и не синий чулок. Если у Тебя есть кто-либо на примете, то черкни. (Дорогу и обратно, конечно, дают.)

Вчера Люся усыпила меня и велела видеть Тебя – я видел Тебя в спальне (было уже поздно), сидящей на постели с расстёгнутым лифом. Сегодня мы условились с Лосскими, что я буду называться их дальним родственником, а то по воззрениям французов мне неудобно выходить с Люсей. Часто, очень часто говорю с ней о Тебе и она всё говорит мне: да вам нужно жениться и нужно, чтобы вы подчинились жене.

По-прежнему работаю, скучаю и получаю письма полные всяких поправок, незаслуженных и гадостей. Миленькая, исполни просьбу мою о Куинджи. И, наконец, пиши же.

Мой сердечный привет Ек. Вас. Прилагаю и образчик гадкого письма – одно писанье. Любопытно, откуда подобная грязь идёт?

Прочитав приложение Тебе станет ясно, насколько наш долг всем будущим разбить всех клеветников.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/214, 2 л.

77. [Ноябрь 1900 г. Париж]

Дорогая Ладушка, скоро вероятно я получу от Тебя письмо следующего содержания: «Майчик, не только не пиши мне про музыку и про прилежных работниц, но наоборот, изволь писать, что самое что ни есть лучшее – это балы и разговоры с кавалерами», - и такого письма я уже ни за что писать не стану. Твоё вчерашнее письмо меня сильно огорчило. Неужели и Ты не лучше тех десятков тысяч красивеньких и славненьких барышень, разноцветными бабочками летящих по паркету? Неужели так легко Тебя можно отбить от правой дороги? Неужели только там где шум и гам, и свет, и глупая болтовня, неужели только там и хорошо? Хорошо до такой степени, что можно наглухо забыть любящего человека, который только и живёт этой любовью. Ведь для более сердечного письма не требуется часа; чтобы написать 4 странички надо не более 20 мин. и неужели и их так трудно уделить далёкому Изгю. Теперь я не сомневаюсь, что мою просьбу о Куинджи Ты, конечно, не исполнишь. Ты скажешь: Майчик, не стоит для Тебя этого делать; что мне любовь твоя, она где-то глубоко, а кругом и поверх её, смотри, сколько блестящего и гремящего и сверкающего. Вот это жизнь, это радость; когда меня превозносят на балах это фактический триумф, а не химерный, далёкий, которыми живёшь Ты».

Ведь Ты мне не писала 2 недели, а потом 1¼ стран. Посланные Тебе вырезки писем и ещё кое-какие мои фразы неужели не вызвали в Тебе более тёплого слова? О моей текущей жизни Тебе, вероятно, не интересно знать.

Это письмо и конверт я писал 18 минут.

Екат. Вас. поцелуй; низенько ей кланяюсь.

Отдел рукописей ГТГ, 44/231, 2 л.

78. [Декабрь 1900 г. Париж]*Пятница. Утро 8 час.*

Миленькая Ладушка.

Вчера я отправил Тебе обидчивое письмо; Голубчик мой, ведь это я сделал только из любви – не обижайся и не сердись на меня. Ох, как люблю-то я Тебя. Я думал к именинам Ты пришлешь мне хорошее письмо, а не 3 строчки.

*Изгой*Отдел рукописей ГТГ, 44/233, 1 л.

79. [3 Декабря, 1900 г. Париж]

Милая Ладушка, сейчас усыпленная барышня рассказывала, посланная в Вашу квартиру, что в воскресенье вечером около 12 часов видела, что у Вас 3 гостей, одна дама и два господина, (из них один офицер, стриженный бобриком), а Ты вышла из столовой и наигрываешь, не играешь, а наигрываешь, кажется что-то из Шопена. Тебе скучно. Она описала верно Твою наружность. За самоваром полная дама. Через год она видела меня женатым в Париже. Жена стройная, глаза красивые, ласковая.

Если подробности воскресенья верны – напиши. Сказала, что сегодня или завтра утром получу письмо от Тебя. Она ни о Тебе, ни карточки не знала.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/216, 1 л.

80. [Воскресенье, 3 Декабря н/с.- Понедельник, 4 Дек. н/с 1900 г. Париж]

Зарубин прислал мне хорошие слова Куинджи обо мне, так что, если возможно было сделать, о чём я писал Тебе раньше, то результат был бы самый превосходный. С 26 Ноября прекратили почему-то высылать мне газету. Не знаю почему Буренин ни помещает моего фельетона, ни присылает отказа. Вчера послал Косоротову статейку об искусстве, чтобы он поместил в Н. Вр., ибо это ответ на его заметку от 25 Нояб. Не придумаю, отчего до сих пор не было моего письма в Редакцию в России? На днях послал Зарубину для прочтения на Куинджистской Среде комичное послание о том: «Како являлся бес иноку Николае и сей иннок беса изгнал».

Все эти вещи написаны по вечерам. В театры почти не хожу, разве с Люсей, а то одному и идти-то не хочется. Вот если бы с Тобою – это бы иное дело! Если Тебе придётся читать, то или иное в Нов. Вр. или в России что-либо моё – то черкни впечатление.

Ой, как хочется целовать Тебя.

Воскресенье 3 Декабря.

Понедельник. Утро. Сейчас получил письмо Твоё. Ладушка, смилуйся! слёзно молю.

Разве мог я ожидать такого результата от посылки этого дурацкого письма болвана Курбатова? Или уже я настолько привык к сплетням, что они заставляют меня лишь горько улыбнуться, но боли уже не вызывают. Если бы знала сколько всяких сплетен я получаю здесь, то Ты не только бы не огорчилась, но лишь пожалела майчика, в которого как в помойную яму сыпают всякие гадости. Ну буду теперь накрепко законопачивать их в себе, может быть место найдётся, но если что-либо особенно гадкое пишут и это вспучит, то... ну да Бог с ним.

Милая, пощади, пожалей меня. Ты вот никогда не была выбрасываема в чужое общество, на чужие люди – и многое Тебе не может быть понятно.

Ужасно рад за музыку; Ты будешь к меня артисткой – верно говорю, будешь. Если мои слабые уговоры не действовали, то, слава Богу, хоть профессорские голоса зазвучали.

Более не буду давать усыплять себя, хотя мне слишком приятно хоть этим способом иметь общение с Тобою. Вчера вечером от Лосских я отправил Тебе записку с описанием того, что было у Вас вчера в Воскр. вечером – рассказанного усыпленной барышней. Я думаю, что это был не офицер, а Стёпа. Особенно меня тронуло, когда она, не зная Тебя, вдруг описала наружность Твою и сказала не играет, а наигрывает на рояле, кажется, что-то из Шопена и ей скучно, очень скучно. Непременно напиши, было ли это. Время – около 12 или немного позднее. Я чуть не плакал. Лосские, которые видали Твою карточку, просто ахнули, ибо барышня никак не могла знать Тебя. Говорит: «глаза очень большие, какие красивые глаза».

Милая, родная прости меня; я готов хоть морфий принимать, лишь бы иметь общение с Тобою. Хоть из христианства, напиши хорошее письмо. Неужели и Стёпа не понял посылки? Поклон ему и Ек. Вас. Какие печальные именины будут мои.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/217, 3 л.

81. Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Екатерине Васильевне.

(Воскресенье, 3 Дек. [1900 .г Париж])

Глубокоуважаемая, добрая и хорошая Екатерина Васильевна.

Простите, ради Бога, за мою глупую посылку письма дурацкого. Я, право, не думал, что оно произведёт такое впечатление, а просто мною руководило такое же чувство как и при всём, когда хочется, чтобы Ладушка была в курсе всего, что со мною происходит. Ведь она у меня одна на свете и, кажется, я не способен ничто так хорошо и свято любить, как её.

Вы, конечно, понимаете как тяжело мне, когда вдруг негаданно и незаслуженно началось на меня какое-то гонение в СПб. - гонение по всем пунктам. Теперь необходима стойкость и упорство, ну да не перейду в область химер.

Если бы вы знали, как мне скучно без Ладушки; ведь никогда я один не жил, а тут ещё одиночество вместе с оторванностью от самого дорогого. В спиритизме и гипнотизме я ищу лишнего средства услышать что-либо о Ладушке.

А она мне последнее время пишет очень худые письма, то на 2-х стран., то после 2-х недель на 1 ½ стран. - ведь это даже обидно. Милая Екатерина Васильевна, скажите ей, чтобы она мне хорошее письмо написала.

Мои уже около 3-х недель мне не пишут — после присылки согласия, и добрая Евг[ения] Конст[антиновна] Лосская очень возмущается за меня, ибо не находит ровно ничего плохого в моих поступках. Как жалко, что эта записка не может сейчас же попасть в Ваши руки.

Ваше письмо получено Воскресеньем 3 Декабря, каким образом, именно в Воскресенье утром я получил его. Надеюсь, что к именинам получу письмо от Ладушки. Господи, как жду-то я писем от нее! Спасибо за поздравление - вспомнит ли Ладушка в Среда обо мне? Пожалейте меня. Работаю сильно и не худо, но душевного спокойствия ни на минуту. Искренно люблю Вас и почитаю.

Н. Рерих.

Воскресенье 3 Декабря.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/470, 2 л.

82. Понедельник, [1900 г. Париж]

Понедельник. 5 час. веч.

Ладушка, моя хорошая – сегодняшней день почему-то тянется нескончаемо. Не могу разобрать предчувствие ли это или боль сознания, что нежданно причинил неприятность самому дорогому для меня человеку. Просто убило меня письмо Твое. Я думал Ты пожалеешь меня и со злобой на пакостных людей изорвешь посылку, а на деле-то получилось совсем иначе – гораздо хуже. Только не сердись на меня, ведь и Ты последнее время обижала меня и за 2½ недели прислала всего 3½ стран. писем.

Как же я рад за музыку Твою! и сказать не могу как рад и, поверь, сделаю всё что возможно для Твоей музыки; наконец-то Ты понимаешь, что в Тебе есть особая музыкальность, есть творчество в передаче и в этом роде творчества непременно надо быть женщиной.

Творчество в передаче музыкальное куда выше стоит, нежели творчество в передаче живописное и литературное. Воспроизвести музыкальную вещь - это не то, что сделать копию картины. Ведь пойми же Ты, какое великое счастье творить вместе на разных поприщах. Самые счастливые связи бывают именно между художниками разных искусств – возьми Тургенева и Виардо и такими примерами хоть всю страницу покрывай. Насколько несчастливы сочетания художников одного искусства, настолько счастливы соединения творцов в разных областях, которые вдохновляют друг друга.

Сейчас у меня даже была написана телеграмма такого содержания: «умоляю не сердиться, вышло нечаянно, жду известий»; и хотел уже отправить, но теперь 5 часов и она дошла бы после полночи. Проклятые письма, идут так долго – просто невыносимо. Ладушка, надо скорей начинать совместную работу.

Неужели будешь мстить мне тем, что не сделаешь моей просьбы о Куинджи?

Неужели Ты жалеешь, что послала карточки? – ведь они у меня самое дорогое, и надо быть очень злой, чтобы жалеть, что не всё от меня отнято. Поцелуй меня и прости.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/215. 2 л.

83. Четверг, [7-8 Декабря 1900 г. Париж]

Четверг. Утро.

Сейчас получил письмо Твоё и не могу не писать сейчас же. Письмо Твоё имеет вид хорошего платья, пропитанного сквернейшими духами. Искренняя весёлость на балах, ухаживанья Молво и пр. (у нас в гимназии был Молво – не тот ли это; тот был негодяй.) Наконец, признание о невозможности сделаться артисткой, вследствие выездов – разве это не сквернейшие духи?

Если бы ни просьбы хоть немного любимого человека, (коим я всё-таки ещё надеялся считать себя), ни советы профессоров, не могут повернуть Тебя к искусству, значит в Тебе нет любви к нему, значит всё было случайное, а в натуре-то лежали выезды и объяснения в любви господ, даже имя которых неизвестно. Ой, как всё это больно, ой, как всё это тяжело.

Ведь, пожалуй, Тебе и всегда потребуются выезды и балы, а жизнь интересами искусства покажется Тебе очень серой, да уж и теперь она Тебе такой, пожалуй, кажется, ибо после 1½ недель написать 3 страницы только о балах – показывает, что жизнь занята единственно ими.

Ты требуешь, чтобы я не писал Тебе ни о музыке, ни о прилежных работах, не делился с Тобою получаемыми известиями – обо всём этом нельзя писать, а о моих работах Тебе настолько не интересно слушать и знать, что Ты о них даже и не заикаешься. Ещё ни одно письмо Твоё не было столь пустым, как это; ещё ни одно письмо не убивало меня настолько. Ты ведь достаточно знаешь, что на Тебе сосредоточивается всё хорошее моё и вдруг почвы не оказывается, вместо суглинка, оказывается супесок, для которого требуется иная растительность.

Неужели Мих. Ив. был прав, говоря, что Ты со мною лишь забавлялась, а натура-то у Тебя совсем иная. Я не хочу верить этому, а Ты такое убеждение навязываешь каждой строчкой письма Твоего.

Ты словно рада, что избавилась от моего присутствия, чтобы дать волю натуре своей.

Ведь пойми же, как все Твои выезды и визиты бывших конногвардейцев мелки с жизнью действительною. Прочитай, (если не разучилась читать), в Мире Божьем «Воскресшие Боги» Мережковского. Почему это какому-то Добржинскому можно играть прелюдии, а я так всегда был недостоин их слушать. На некоторые вопросы моих писем Ты, конечно, не отвечаешь, ибо и письма-то мои чего доброго за выездами читать некогда. Мне очень не нравятся замечания о Люси Лосской, ибо если бы знала как она заочно расположена к Тебе, - Ты бы не стала иронизировать. Неужели и Стёпа ничего не говорит Тебе о Твоей жизни?

О моём здоровье и работах ведь писать не стоит, Тебе это вовсе не интересно, ибо в них ни балы, ни выезды, ни же объяснения в любви – не играют

роли совершенно. Мне хочется бежать – бежать не знаю куда, чтобы жить хоть иллюзиями. Неужели мои требования к жизни настолько нереальны? Неужели к женщинам нельзя относиться серьёзно и хорошо?

Пятница.

Милая Ладушка. Вчера

прихожу к Лосским. «Не хотите ли послать что-либо в СПб. с верной оказией? – Позднеев (их родственник, бывший здесь проездом из Пекина) едет в Субботу», - встречает меня Евген. Констан. Я сейчас же побежал покупать и устроил посылочку, которую Ты скоро получишь. Пряжка эта совсем нового рисунка; правда в ней есть нечто древнее. Эта модель только что получена. Затем застёжка на юбку сзади и застёжка для волос на затылке – здесь все такие носят. Обе эти застёжки – змии; помнишь?

Екатерине Васильевне посылаю книжечку для визитных карточек. К празднику мне хотелось бы написать письмо князю; научи, будет ли это удобно, или просто карточку послать?

Барышня, кот. рассказывала во сне про Тебя, уехала из Парижа и теперь мне не у кого спросить и узнать в каком Ты настроении, ибо себя усыплять я не даю, как Ты просила. Неужели всё ещё гневаешься? и упиваешься местью за неправильно понятый поступок?

Читали ли моё письмо в России и ответ Дягилева; я рад, что он не сумел лучше написать его и не припомнил своё посещение мастерской моей. Получаю письма от Зарубина, Рылова, Косоротова, из которых вижу, что в дружинах наших царит смятение и вялость. Да, надо выжить, иначе ничего не поделаешь. Уже можно поздравить со здешним Рождеством, с праздником. Вот-то скучно будет мне встречать его.

Поцелуй Ек. Вас.

Твой бедный

Изгой

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/230, 4 (5)л.

84. Письмо Н.К. Рериха к Рериху Борису Константиновичу.

[Декабрь 1900 г. Париж].

Поздравляю с Рождеством

Суббота

Дорогой мой Борюшка.

Огромное спасибо Тебе за Твоё хорошее письмо, - читал его с удовольствием, тем более, что здоровье Твоё и мамино настраивается. Здесь был Позднеев (из Пекина), с ним я послал маме и Лиле (сердитой) по брошке. Маме чёрная, Лиле серая; их передаст Вера Конст. Голстунская. Карточку и я думал послать Вам и один любитель уже снимал меня, но не вышло, а заказать тут здорово

дорого – так дюжина кабин. карт. 100 фр. Правда, не дорого стоит чёрная брошка? – всего 18 фр. Неужели Влад Степ. писал мне? – я ничего не получил. Поклонись ему; скажи, на днях напишу.

Работаю я много, так что на днях должен был устроить передышку и дня три толкался по городу, а то голова даже начала болеть. И рисую, и пишу, и сочиняю и большие вещи и малые. Напрасно Лиля беспокоится о полемике: - полемика эта меня вовсе не трогает, тем более, что письмо Дягилева неумное. Поклонись Лоренцу; рисуй у него, это хорошо. Но не приучайся затачивать рисунки тушёвкой; главное, смотри за верностью контура и постановки. Когда наберётся несколько рисунков, покажи их Зарубину, он скажет, что нужно. *По-сылаю Тебе рисуночек одного угла мастерской; другой раз пошлю ещё другой угол. Она у меня немного косоугольная, так это острый угол.*

Справа внизу надпись: *По правой стене следует стол, а затем ширма и постель.*

Поцелуй всех, а маму покрепче. Лиле скажи, что на сердитых воду возят и пиши мне, Голубчик, почаще. Как учење? Какова цензура? Бывают ли Бергман и Заболотский? Что слышно по поводу писем моего и Дягилевского.

Н.Р.

Здесь погода прекрасная, тёплая и солнечная.

Отдел рукописей ГТГ, 44/141, 2 л.

85. [Декабрь, 1900 г. Париж.]

Маленькая моя и хорошенькая Ладушка. Когда же будет письмо-то Твоё – длинное и хорошее?

Я очень мучаюсь, что послал Тебе глупое письмо моего приятеля (теперь бывшего), ну да надеюсь, Ты не обратила на него никакого внимания. Не надо ли Тебе чего-либо из Парижа, на праздниках будет okazия послать.

Такой же вопрос посылаю я и Екатерине Васильевне. Методичность моей сестры меня изумляет. Как написала, что будут высылать деньги с 1-го Января, так и замолчала, приписав, а до того времени делай как знаешь. Вот мило – значит, им всё равно как я достану деньги, лишь бы они не знали. Хорошо, что тут я получил около 400 р. за Московские иллюстрации – это избавило меня от необходимости ещё раз просить у них.

Курьёз выходит у меня с Лосскими. Так как здесь не принято очень часто без повода показываться барышне с посторонним мужчиною, то они придумали называть меня родственником. Но тут-то и вышло разногласие, - мы не сговорились толком и получилось, что одновременно я и двоюродный брат и троюродный брат и племянник, а здешний настоятель думал, что я жених и прошлое Воскресенье вздумал даже поздравлять, когда Евг. Конст. сказала – «это всё равно, что сын мой; вот мои дети, мальчик и девочка и ещё мальчика Бог дал». Теперь я всё пристаю к Люсе, чтобы она поскорее обзаводилась женихом (чего очень и Евг. Конст. желает), надо бы выдать её за Щукина (только ей фамилия не нравится). Без Лосских мне было бы очень худо; не с кем было бы говорить о Тебе. Они же берутся (т.е. сами назвались) помочь мне в одном художественном предприятии, через председателя здешней ассоциации прессы. Как бы мне хотелось рассказать Тебе то, что я думаю, но... удержусь пока. Люся всё пристаёт, чтобы я давал ей все свои письма на предварительное прочтение, чтобы она могла уничтожать все неприятные, ибо она находит, что они слишком на меня действуют.

Целую крепко.

Ради Создателя, пиши.

Из новых сюжетов сообщу Тебе следующие:

1. «Облачные девы» – облачные нимфы славянских поверий в диком хороводе несутся облачными формами по грозовому небу.

2. «Ярило» - перед восходом над лесом брызнул высокий столб света и в нём неясными очертаниями славяне видят Ярило.

3. «Скифы» в засаде в степи, наготове ждут врага; лошади лежат.

4. Татары пируют на телах русских при Калке (одно место из Игоря – половецк. мотивы).

Еще перерабатываю идолов и добился большой яркости. Я Тебе писал про похвалы Кормона – Тебе нисколько это не было приятно? Ты мне ничем не откликнулась.

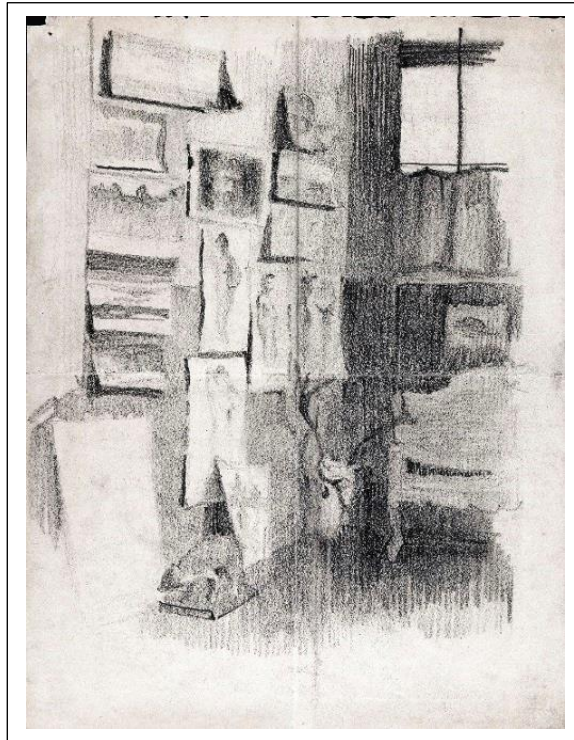
Опять перечитал жёсткое письмо Твоё и мне стало жалко зачем я испортил Твоё радостное настроение – до боли стало жалко – вот они большие расстояния! Нельзя ли Тебе отсюда сделать некоторые гипнотические внушения?

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/205, 3 л.

86. Письмо Н.К. Рериха к Рериху Борису Константиновичу.

[Декабрь, 1900 г. Париж].

Голубчик Борюшка,
спасибо за письмо. Володю тоже благодарю за хорошее и длинное письмо. Поцелуй крепко маму за передник - он пришёл кстати, пришлось только укоротить его и сузить обшлага рукавов - а так он очень хорош. *Посылаю Тебе ещё рисунок другого угла мастерской.*

Из эскизов могу назвать Тебе: «Святыня», «Священный Огонь» и «Чехарда» (славянск. деревня), и «Облачные девы», «Ярило» (восход солнца), и «Засада» (Скифы), и «Предательница» (женщина впускает врагов в город ночью), и «Победители» (татары после битвы при Калке пируют на телах русских князей), «Тогда» (из монастырской жизни), «Сборы» (красят ладьи перед походом), и «Заповедные хороводы» (славянские девушки ранним утром на свящ. холме), «Трубный звук» (передача красками грохочущих трубных фанфаров), «Охота», «Мёртвый царь» (Скифы носят мёртвого царя по городам его).

Есть и ещё эскизы, но на первый раз довольно. Никому, пожалуйста, этих тем не рассказывай (только маме можно).

Удивляюсь, почему Фролов не передал путеводителей, у него их два или 3 (если не 4). Их вместе лежавшими на моём шкафу надо отнести Селиванову (Шпалерная, 26), а те, на которых написано Гинзбург - Гинсбургу в Академию (мастерская в нижнем этаже, первая от ворот против Соловьёва сада). Фрак дошёл хорошо, взяли за него 5 франков. Последние дни как-то нездоровилось мне, болела голова и кашель был - видно, простудился, но теперь лучше, хотя ещё не совсем. Вчера был здесь первый мороз - градуса 2-3.

Пиши мне чаще, как и что у Вас. Смотри не забудь маму-то хорошенько поцеловать - она ведь добрая; хоть Лиля у нас что-то пугливая да сердитая - уж

такой у нас механизм. И Володя пускай пишет. Лосские обо мне заботятся. Об Еф. Ив. ни слуху ни духу.

Пускай Фролов мне напишет, по какому адресу писать ему.

Если придёт тетя Юля, то не забудь попросить её достать из Риги наш герб (просто сургучный оттиск, но отчётливый); мне, кажется, удастся здесь узнать некоторые подробности, ибо герб, кажется, IX или X века.

Отдел рукописей ГТГ ф. 44/140, 3 л.

87. 29 Декабря с.с. 1900 г. Париж.

29 Декабря с/с 1900 г.

Дорогая моя Ладушка!

Сейчас получил письмо Твоё. Странно, почему Ты говоришь только о грубости и не можешь представить себе ничего другого, т. е. того, как было на самом деле. Отчего Ты ни на минуту не задалась мыслью, что, верно, с человеком что-либо происходит, если он так пишет. А происходило со мною следующее. Уже порядочное время, как я нездоров: болит бок, нервный кашель и общий упадок, и попробуй себе представить, как на меня могли действовать Твои лаконические записки, с извещением о радости от выслушивания объяснений в любви. Если только Ты в состоянии представить, какое впечатление можешь производить на человека, почти выброшенного за общественный борт, больного, сомневающегося — такие известия, то не удивишься такому письму моему. Ведь 3 месяца жду я хоть доброй строчки от Тебя, а Тебе за балами всё некогда. Хоть бы строчку сердечную! Хоть бы слово!

Я замечаю, что всё моё и здоровье, и дела, и мысли Тебя несколько не интересуют, — мало того, даже не существуют для Тебя, ибо ни разу Ты ни о чём не заикнулась. Когда я обратился к Тебе с просьбой жизненной важности и очень легко для Тебя выполнимой — Ты холодно отказалась. Ты обижаешься за не посылку визитной карточки (хотя я послал 27 Декабря с/с) и не хочешь задуматься: да здоров ли он. Ведь заболел я чем-либо опасным, разве Ты приехала бы посмотреть за мною? — нет, (как же покинуть милые выезды).

Может быть, Ты и это письмо назовешь грубым и не захочешь заметить в нём ни боли, ни слёз, ни ужаса от произнесения вслух подобных вещей. Человек, которому думаешь отдать жизнь, вдруг говорит о посылке карточки — это истинно ужасно! Неужели в Тебе нет ко мне ничего теплого? Неужели когда Щукин, Онегин и прочие видящие меня, говорят: «что это с вами, вы, пожалуй, скоро у нас на нет сойдёте», тогда Ты будешь говорить о визитных карточках. Почему Ты просила больше ничего не посылать Тебе? — разве Ты не поняла, как обидела меня такую просьбою? Уж если на то пошло, то это даже не деликатно.

Неужели только в смерти, в самом деле, покой и счастье. Когда полон самых тяжких жизненных вопросов, тогда разговор о карточках — жесток. Значит, только посылай я Тебе шаблонные деликатные письма (с французскими фразами), и всё было бы хорошо, а до моего внутреннего состояния Тебе нет никакого дела? Если Ты будешь приходить в восторг от объяснений в любви,

то я должен только аплодировать? Смилуйся Ладушка! Земно кланяюсь и слёзно молю, будь интеллигентной и умной. Как Ты не можешь понять, что если бы я истинно не любил Тебя, то относился бы к Тебе гораздо легче. А я ведь люблю Тебя, очень, ужасно люблю. И хочу и Твоей любви, а 2 месяца, как вместо тёплого хлеба Ты мне посылаешь булжники. Хоть чем-нибудь докажи, что я Тебе ещё дорог. Ближе о себе и моих делах не пишу; боюсь наскучить Тебе.

Поцелуй Екатерину Васильевну.

Н. Р.

Из письма Твоего видно, что теперь Тебе лучше, так ли это? Извести сейчас же.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/167, 3 л.

1901 г.

88. 3 Января 1901 г. Париж.

Милая, бедная Ладушка, как Ты могла додуматься до того, чтобы я стал показывать кому-нибудь в Париже письма Твои; если я не могу не говорить о Тебе, то письма-то святы.

Неужели Тебя не заставляют выезжать? Неужели Тебе самой этого не хотелось? – ведь Ты писала, как весело Тебе на балах. Последние дни я чувствую себя как-то нездоровым – нервы скверные, нервный кашель и общее недомоганье.

А тут ещё последнее письмо Твоё – вконец меня обидевшее. В сегодняшнем, хоть, вижу, что ожидаешь от меня писем, а то, словно и вовсе мною не интересуешься. Даже работаться мне как-то хуже стало. Сейчас второй час ночи. Вернулся я из театра и нашёл записку Твою, в которой у Тебя хватило сил только на 2½ страницы.

Подожду Твоего длинного письма и тогда отвечу длинным же.

3 Января 1901 года

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/150, 1 л.

89. [Зима 1901 г. Париж]

Миленькая Ладушка, с каким восторгом я перечитываю Твоё последнее хорошее письмо; давай писать теперь хорошие письма, а то у нас и без того мало веселого, и его не нужно уменьшать ещё скверной перепиской. Экая судьба скверная нам выпадает: сиди у окошка и жди погоды, а на дворе то снег, то слякоть, даже и забудешь, есть ли на свете сухое солнышко. Эти дни у меня очень плохое настроение, ибо положение стало совсем бамбуковым, и никаких комбинаций не предвидится. Попросту придётся писать домой и униженно просить прибавки на эти месяцы. Просто и не понимаю, как это лю-

ди живут; тут ничего себе не позволяешь, ничего не приобретаешь, а денег всегда нет. Ещё благодаря Лосским (хоть теперь-то не ревнуй, ибо дело касается лишь поставщиков) мне удалось дешевле получить молоко, топливо, кое-что из домашних мелочей, а то бы худо было. Вот уж к кому к кому, а [к] ним Ты ничего кроме признательности чувствовать не должна; единственные люди, которые бескорыстно о Твоём майчике заботятся. Эх, хорошо бы было хоть ненадолго повидать Тебя летом!

Осенью, коли ничего нового, хорошего не будет, думаю вернуться в Питер. Писал Свиньину, что нельзя ли хоть за 500 р. продать Поход, а он мне ответил малоприличным, сухим письмом, - видно из хама не сделаешь пана.

Евг. Конст. Лосская всё толкует мне: становитесь скорее пессимистом и на всё хорошее и радостное смотрите, как на исключение. Ведь она права, пожалуй, чем гаже будешь считать людей, тем лучше проживёшь и чаще будешь радоваться. А какое это славное чувство «радость»; чем реже оно является, тем крепче любишь и ценишь его. Ладушка милая, когда-нибудь дадим друг другу возможно больше радости!

Сегодня у меня очень болит голова и нехорошо как-то, - в чём дело не знаю.

С Салоном выходит путаница. Кормон хвалил, но он в Елис. полях, а картина конечно больше подходит к Марсову полю, но там никого знакомого нет. Рискну всё-таки на Марсово п.

Ек. Вас. поклон. Пиши, не забывай. Целую

Майчик

Поправляется ли музыка?

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/187, 2 л.

90. 21 Января н.с. (9 ст. с) 1901 г. Париж

Понедельник. 21 Янв. н. с. 1901

Ты требуешь от меня оправданья, дорогая, и забываешь совсем, что это можно было сделать, когда Ек. Вас. сомневалась в моём дипломе и я мог принести ей подлинник, но как же возможно оправдаться в чувстве. Если я начну говорить, что я люблю Тебя ещё больше и надеюсь и впредь любить, - Ты наверно скажешь: "опять несносные химеры".

Не могу и сказать, как обидело меня это письмо Твоё; в нём как-то вовсе не чувствовалось женской теплоты, оно переполнено каким-то инквизиторским требованием неизвестного оправданья. Ты хочешь меня обвинять в чём-то, а сама разве допускала мысль ради меня лишиться чего-нибудь, со мною поехать для работы в Париж. Как это обидно и больно! Так как словесные оправданья ни к чему не ведут, оправдать «самого себя» можно только самим собою и долгим временем, то слушай моё слово, моя единственная и правда любимая Лада. Будет время и, если только позволит здоровье, я найду Тебя и спрошу, был ли сделавший то-то и то-то, достоин любви Твоей, и целый ряд поступков моих оправдывает ли личность мою, а теперь считай меня погибшим, сгоревшим, умершим, ибо то что я чувствую, никакими словами не докажешь, а нужны дела, которые по щучьему велению явиться не могут - для них нужно время. Я

люблю Тебя, видит Бог, очень люблю и хорошо и прочно люблю, но если Ты, позорно для меня, во мне сомневаешься и требуешь поступков, то что же делать, надо чтобы они явились, чтобы по ним Тебе стало бы совестно, что Ты оскорбляла подозрениями и сомнениями человека, достойного, быть может, чего-либо иного.

Не требуй от меня и карточек и писем Твоих; это моя святыня, и они будут напоминать мне о самом моём чистом, хорошем и святом. Их никто не увидит, а коли помирать буду, то раньше сам уничтожу. Ты была несправедлива со мною; Ты покинула меня в самую трудную для [меня] минуту, когда враги стали торжествовать, то и Ты стала в толпу молчаливых малодушных. Но я люблю Тебя, люблю чистым сердцем, как не любил никого да и не полюблю. Так, как люблю Тебя, так любят только один раз. Я пишу эти слова и плачу, и что-то дрожит во мне страшную болью, ведь только в Тебя верил я. Теперь я уйду окончательно от мира; мне остаётся только одна моя творческая работа и только ею и её результатами отвечу я на сомнения Твои. Об одном только прошу Тебя, дорогая Лада моя, не бросай музыку; человек, владеющий каким-либо искусством, не должен третировать его – это нехорошо. Не бросай музыку и не будь жестока к людям; у женщин больше чутья, нежели у нас, почему оно молчит в Тебе теперь? Неужели Ты не чувствуешь всей боли моей? всего голода моего? Ты ли будешь голодного убеждать, что он сыт? Впрочем, это опять слова-химеры; подождём дела.

Я меняю мастерскую и на время даже уеду из Парижа, а потому до долгого свиданья, моя родная, любимая, всегда памятная Лада.

В напутствие поцелуй, Ладушка милая, майчика своего; поцелуй меня крепко. Уезжая, я просил Тебя: «обожди клеймить; обожди с подозрениями», но Ты всё-таки не пощадила. И ведь как сомневаешься-то во мне! – не в одном только чувстве, а вообще, в человеке и в таланте, и во всём. Тяжкие подозрения, трудно смываемые! *(вырезан кусок листа)*

Неужели не заболит у Тебя сердце, читая письмо это? Неужели и тут только суровое слово скажется обо мне? В Тебе всё моё дорогое и когда и эта почва колеблется, то остаётся слишком мало. А я-то ещё собирался к весне быть в Петербурге, но теперь мне незачем быть там, я там ничего не забыл.

Прощай Лада моя, прощай радость моя, не поминай лихом на долгое время.

Почему мне выпадает такая суровая дорога? Неужели навсегда придётся таиться только в себе, не подпуская к себе никого?

Ладушка, поцелуй меня. Мне хочется видеть Тебя, хочется заглянуть в глаза Твои, в них светится наверно лучшее, нежели в письмах Твоих.

Родная моя – до свиданья, не знаю где и когда. Поцелуй Ек. Вас. и её я очень люблю. Больше писать не могу – плачу.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/151, 3 л.

91. [Январь 1901 г. Париж]

Милая и хорошая Ладушка, конечно, Ты представляешь себе моё ликование при первом намёке Твоём о любви, ещё бы! «Ладушка меня любит! Значит, я не ошибся в человеке! Значит, всё светское, условное – всё это наносное, а середина-то в самом деле настоящая, интеллигентная, славная, способная на дела». Все Твои выезды, танцы, забрасывание музыки, наконец, полное отсутствие интереса к тому, что со мною происходит – всё это меня словно ножом резало, а Твои телеграфические письма, в которых у Тебя хватало пороку не более, как на 3 страницы, казались мне какою-то насмешкой. Теперь я думаю, письма будут и по слогу, а главное, по величине, иные.

Получил весточку Твою и нестерпимо захотелось мне видеть Тебя и целовать и ласкать. Неужели Тебе вовсе не интересно, что я тут делаю и как себя чувствую?

Но, хоть Ты меня об этом и не спрашиваешь, я всё-таки кое-что расскажу Тебе, в том числе, в первую голову, великий секрет. За это время, кроме рисунков и эскизов, написал я ещё 2 картины. 1 – охота, в несколько иной трактовке, нежели прежняя, 2 – идола. Думаю, рискнуть и выставить их в Салоне. Но это большой риск, ибо из 10.000 представленных картин попадает лишь 2.000 и недавно даже картина Васнецова была не принята.

Но зато, если посчастливится быть принятым, то это будет большой козырь против всех врагов. Видишь, Твой майчик даром не сидит, а всё работает и выдумывает, чтобы Ладушка на него радовалась и считала его достойным себя.

Про мои картины, ради Господа, никому ни звука. Даже и Тебе бы не сказал, если б не думал вследствие этой комбинации Тебя пригласить в Париж. Приезжай весною с Ек. Вас. в Париж – вместе и лето проведём, где-нибудь в тихом и здоровом местечке проведём и обдумаем, где нам лучше устраиваться: здесь или в России. Для этого же побывай у Куинджи (если меня любишь) и, рассказав ему о том, что непременно хочешь сделать из меня выдающегося художника, попроси совета, что Тебе со мною сделать. Старик будет тронут и скажет хорошее. Только побывай одна.

Милая Ладушка, после такого промежутка времени и всяких происшествий, мы кажется, можем сказать, что наше чувство не вспышка, а крепкое и солидное, и мы можем дружно идти и «бороться»; помнишь это слово «будем вместе бороться»? Как я горжусь, что Ты подала мне руку именно на этом слове! Это во всю жизнь не забудется. Прости, моя хорошая, если я Тебе причинял боль, но ведь и мне было не легко.

Напиши мне, как Ты себя чувствуешь? Уж, значит, мне было нелегко, коли мелькнул у меня такой план, что бросить всё и мчаться и рыскать неведомо где. Поздравляю Тебя с рождением Твоим, впрочем до того времени ещё напишу. Миленькая, пиши мне и поцелуй меня крепко и приласкай. Ек. Вас. поклон.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/172, 2 л.

92. [Конец января 1901 г. Париж]

Дорогая Ладушка.

От всего сердца поздравляю Тебя с Твоим праздником и жду письма Твоего. Прошлый раз у Тебя руки дрожали и потому Ты не могла написать более 1 ½ стран., но не вечно же будут они дрожать...

Екатер. Вас. тоже очень поздравляю. О себе не пишу, ибо Тебе это вовсе не интересно.

Весь Твой Н. Р

Среда.

Отдел рукописей ГТГ, 44/170, 1 л.

93. [Конец января – начало февраля 1901 г. Париж]

Дорогая Ладушка,
сегодня я много раздумывал о Твоей поездке к Куинджи и пришёл к убеждению, что ехать Тебе одной к нему всё же странно и может не понравиться Ек[атерине] Вас[ильевне], потому спешу послать Тебе эти строчки с просьбой к Куинджи не ездить. Бог знает, как могут всякие люди отнестись к этому, по существу, превосходному визиту. Не езд, моя милая! Надеюсь, это письмо придёт не слишком поздно.

Мне очень дорого знать, что напишешь Ты мне на прошлое письмо. Настроение моё по-прежнему довольно разбитое. Писать мне теперь, пожалуй, уже можно, rue des Maltvurins, 57, так как скоро оставлю мою мастерскую и перееду.

Крепко целую Тебя и ещё раз поздравляю с праздником Твоим.

Н. Рерих

Отдел рукописей ГТГ, 44/232, 2 л.

94. [1901 г., Париж]

Миленькая, родная моя и золотая Ладушка,
точно предчувствовал я что-то нехорошее и сегодня не спал до 4 утра, а наутро подадут письмо Твоё, с отвратительной фразой «кровь из горла»; это худо! Грудное ли это или нервное, всё равно худо. Ты словно обижаешься, что я думаю об искусстве; да как же мне о нём не думать? ведь если вычеркнуть из меня искусство, то ничего не останется; останется нервная тряпица и более ничего.

Береги себя, миленькая! Если бы Ты знала как скучно мне. Эти дни, временами, вечером ловил себя на громком разговоре с Тобою. Пишу коротко и скверно, потому что чернил хватило лишь на конверт, а это пишу тушью – она расплывается и ничего не выходит. Скоро напишу хорошо, а теперь хочу, чтобы пошло сейчас с первой почтой. Картинами не доволен.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/189, 1 л.

95. [Февраль - март 1901 г., Париж]

Миленькая Ладушка, сейчас принесли чернил и потому пишу.

Сегодня у меня довольно решительный день – последний срок представления в Салон; недели через 1½ узнаю, вероятно, и результат уже. Думается почему-то, что он будет отрицательный – вот-то обида будет! Картинами страсть не доволен – они совершенно незначительны. Вот, Бог даст, осенью вернусь в СПб. – и тогда заварю что-нибудь очень солидное. Из эскизов подготовлены к разработке два больших панно «Княжая охота» и «Предательница».

Эти дни ужасно переходное состояние; не хочется здесь начинать ничего нового, хочется к дому, чтобы уже там браться за дело и видеть Тебя.

Где же Ты думаешь проводить лето? Мне сдаётся, что сидеть с Твоими нервами в неподвижном Бологове прямо невыносимо, Тебе нужен моцион, лечение, души, всякие Sonn и Luftbad'ы. Около Дрездена есть для этого превосходное место (док. Ламанн) – мне его здесь очень хвалили. Вот бы недельки 4 Тебе отдать себя ему в распоряжение.

Я подумываю тоже о Ламанне.

Сейчас вернулся из Grand Palais, где выслушивал очень лестные замечания со стороны Эдельфельдта; мнение его мне очень приятно, ибо он меня вовсе не знает, и высказывания Саглио, а тот уже передал мне и, кстати, и познакомил нас. Но всё-таки сие меня не успокаивает, и мне предстоит дней 10 неприятного ожидания.

Не представляю, очень ли заботит Тебя судьба моих картин? Хотя на расстоянии, да ещё при нездоровье, всё прочее кажется слабее.

Недели через 3 Лосские думают ехать в СПб. Напиши мне, хочешь ли от них услышать что-либо обо мне; если хочешь, то я устрою, и они приедут к Вам рассказать, каков я и как живу.

Иногда я пытаюсь представить себе Тебя похудевшею, но всё выходит очень красивым.

С восторгом перечитываю я Твоё длинное письмо; Бог даст, Твой Майчик напишет кое-что получше Левитана.

Скучно мне, Ладушка; уже появляются официальные знакомства, а у меня всё стремится к интимности. Поправляйся. Ек. Вас. поклон.

Суббота.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/200, 2 л.

Апрель 1901 г.

ХРОНИКА

Николай Перих

Парижские салоны 1901 г.

Оба Салона ныне помещаются в одном здании большого дворца искусств, оставленном после Всемирной выставки, но открылись Салоны в разное время. Салон Champ de Mars (национального общества) раньше открылся. Нерв, вызвавший к жизни этот враждебный академичности Салон, бьётся по-прежнему, по-прежнему идёт в Champ de Mars всё молодое, несмотря даже и на трудность доступа в довольно замкнутый круг этого Салона.

За границей художники много работают; за год успевают выставить несколько вещей и участвовать на двух, трёх выставках.

Бенар успевает поставить в Салоне кроме целого ряда пастелей, бывших на выставке пастелистов в галерее Ж. Пети, 8 больших картонов декоративных панно для церкви в Берне и две интересных живописных вещи («Feerie intime» и женский портрет). У нас этого замечательного живописца мало знают и ценят. Хотя это не мудрено, ибо в Петербурге (на выставках журнала «Мир искусства» вещей Бенара было выставлено немного, а заграничная поездка для нас, русских, всё ещё продолжает оказываться каким-то событием. Между тем, если взять сумму произведений Бенара, то вырастет сильная художественная фигура живописца, владеющего рисунком и притом знающего, куда и как применять свою технику. В церковных картонах Бенар мало характерен (не знаю, каковы они будут в красках), но его живопись хороша. «Feerie intime» — нагая женщина, утопающая в складках облитого блёстками платья, накинутого на глубокое кресло; характерное подкрашенное лицо, мягкое тело, контрастируемое металлическими блёстками, тёмный фон — очень типичны, это чисто парижское произведение. Хорош и женский портрет с каким-то, точно светящимся, лицом на перламутровых переливах платья.

Из этой же сильной группы сейчас же выдвигаются: Л. Симон, Коттэ, Г. Лауш, Доше, Менар. Все они успели участвовать на нескольких выставках в галереях Ж. Пети и дать и в Салон многочисленные картины.

Л. Симон - здоровый, жизненный художник; на удивление просто и уверенно подходит он вплотную к натуре; пишет её искренно, широко. Его портрет (старик со старухой) заставляет забыть о каком бы то ни было соображении техническом (чего не забудешь, смотря на Бенара). Симон не хочет сверкать техникой; та же широкая правда видна и на «Процессии» (толпы бретонцев с патерами посредине), и в мёртвой натуре, и в уличной сценке французских комедиантов.

Хорош мужской портрет работы Менара; он хорош по спокойному тону, по вдумчивому взгляду, как портрет его же работы в Люксембурге, но, глядя на пейзажи, любители таланта Менара начинают беспокоиться; в пейзажах этих изображается всё одна и та же задача — задача вечернего золотистого эффекта, правда, доведённого до совершенства, до силы необычайной, но слишком однообразного. Один старый летами, но молодой духом французский худож-

ник-искатель сказал про Менара: «Жаль, что он слишком рано понравился публике»...

Гастон Латуш выставил 5 масляных вещей и 27 больших акварелей, замечательных по колориту и по характерной для этого художника манере. По концепции тонов, с масляными картинами Латуша (внутренности церкви, фонтаны в радостных, ярких красках) можно не всегда соглашаться, но остальные его вещи по гармонии, по разнообразию изображённого («Гамлет», «Пюви де Шаванн», «Распятие», «Роден», «Венеция», «Видение», «Флирт» и др.) заслуженно привлекают самое серьёзное внимание.

У Доше 5 пейзажей, сероватых, тяжеловатых, но полных удивительной задушевности. Его уходящие холмы, серые cumulus⁷ не расстраивают впечатления ни манерою, ни следами работы — просто и донельзя замкнуто в себе.

Здоровый бретонец Коттэ в этом году представлен несколько слабее. Его «Огни на Иванову ночь», несмотря на славные, мистические лица старух, неподвижно застывших вокруг костра, и серьёзные фигурки подростков-бретонок, всё же как-то слишком заделаны и тяжелы. Интересны его 4 маленьких пейзажа. Зеленоватое море, лодки, дальние берега - так характерны для Коттэ и находят себе много подражателей. Совершенно в этом же духе работают: Роже, Ришон-Брюне, Гу-Жераль. Роже является одним из самых свежих молодых элементов теперешнего Салона. Его большая картина (голландцы едут в лодке на праздник) полна вечернего света, блеснувшего на дальних домах, полна характерности этой особенной страны, Голландии; и свет, и фигуры писаны правдивым приёмом, хорошо подходящим под большие размеры полотна. Роже выставил ещё несколько маленьких вещей и пастелей — лодочки, головы голландцев и голландок типичны.

Если коснуться молодых элементов Салона, то надо остановиться на совсем молодом (как говорят) испанце Англада. Его картины - хорошее приобретение для Салона. Им выставлены два испанских мотива - «Гитаны» и «Испанский танец» - и два мотива парижских, тоже танцы и сад театра. Несмотря на общую индивидуальную манеру, художник сумел подчеркнуть характер Испании и Франции. В испанских сценах нагромоздились чёрные, красные и светлые пятна, резкие лица, сильная в своей незаконченности манера; парижские картины тонут в желтоватых световых переливах, гармония развевающихся белых платьев, туманные намёки фона - как это типично! Все 4 картинки малого размера, но мимо них не пройдёшь.

На выставке участвуют ещё два хороших испанца: Зулоага и Итуррино — первый много сильнее.

Зулоага тоже молодой художник. Его работу можно отличить от множества всяких картин. Вас поразят сильные фигуры, занимающие чуть не всю картину, солидные тёмные тона, странный, приписанный сзади, пейзаж. У Зулоаги — всё Испания, всё испанцы. Смуглые лица, чёрные шляпы, мантильи, кружевные наколки, тореадоры, женщины — всё живёт, смотрит на зрителя или сурово, или гордо, или лукаво, и зритель начинает жить с этими испанцами и верить художнику, что всё это так и есть на самом деле, что тот перенёс его в его родную страну. И такой характерный художник не участвовал на Всемирной выставке, его испанцы не приняли; да ведь он был бы сущим

⁷ Кучевые облака (фр.). — Ред.

украшением испанского отдела. Теперь в Салоне Зулоага выставил большую картину «Прогулка после боя быков». Фигуры в натуральную величину; толпа испанок и испанцев собралась и гуторит, тут и всадницы, тут и собаки. Размеры картины для Зулоаги, пожалуй, даже слишком велики: меньших размеров картина была бы компактнее и сильнее. Я видел его картины в Берлине, в Брюсселе и в Люксембургском музее — и везде Зулоага такой же сильный, такой же характерный художник, и самые тяжёлые тона ему всецело присущи в хорошем смысле.

Как и всегда имеют определённую физиономию Каррьер и Аман-Жан. В Салоне Каррьер поставил картину и 4 этюда. Картина - хороша; вечернее прощанье, опять как бы семейный портрет; карьеровская дымка, карьеровская женственность. Жаль, что эти вещи не соединены в одну выставку с его циклом картин и эскизов «Материнство», выставленных теперь в помещении Бер[н]гейма. Эскизы там не всегда удачны, но дают полное изображение развития художественной мысли. На этих тонких оттенках материнских поцелуев и ласк, штудировке детского лица - на всём видно, как любил художник замысел, как передумал он все мелочи.

Аман-Жан ещё зимою выставил у Ж. Пети несколько пастелей, красивых, но непривычного для него резкого тона; некоторые из этих пастелей выставлены и в Салоне, но в картинах он снова даёт свою обычную спокойную гамму, и эти картины куда лучше. Женская фигура, сидящая на скамейке среди светлого, вечернего пейзажа, и женский портрет очень гармоничны.

Один из лучших портретов выставки - портрет певицы Актэ, работы Эдельфельта. Эдельфельту уже давно не удавалось написать такой славной вещи; и нервный взгляд артистки, и письмо меха и платья - удались очень. Но гораздо труднее по задаче портрет Цорна; женское лицо на светло-жёлтом фоне, светлое платье - такие отношения трудно выдержать. Жаль, что фон убивает лицо!

Даньян-Бувере выставил строгий женский портрет превосходного рисунка, полный выработанной линии. Из работ Гайдара, так прославившегося за последнее время в Париже, типичен своим чисто парижским пошибом женский портрет, остальные вещи незначительны, а рисунки слишком сложны. Из прочих портретов интересны работы: Бланш, Бертон, Лавери и Глэн.

Среди пейзажистов выделяются: Таулов, Сиданер, Клаус, Лебург, Дюхем, Мулле, Лагард, Меле, Вайдман и друг. У Таулова славная «Ночь» и две снежных реки. И в том, и в другом случае он взялся за свои почти единственные мотивы, которые редко когда ему не удаются. Сиданер дал несколько пейзажей серых сумерок, полных чувства, и неприятно одно, зачем художник возводит излюбленную манеру письма в непреложную догму: утрированная манера всегда делает скучное впечатление.

Из жанров - в очень приятных тонах написаны небольшие картины: Лермитта, Мориссета, Трюше («Уличное происшествие»), Гранер-Армеля, Прине («Крейцера Соната», по экспрессии малозначительная), Кониг. Совершенно отдельно от прочих жанристов стоит Вебер с его шуточными сатирическими картинами. Раздутая утка, которой поклоняется вся толпа; израненный великан, целующий руку принцессы Jolietunc (Крюгер и королева Вильгельмина), такие сюжеты, часто очень хорошо написанные, конечно, останавливают внимание.

Незадолго до открытия Салона скончался старый, почитаемый художник Казен. Говорят, что через несколько времени в помещении Салона будет собрана полная посмертная выставка его картин, но пока что - выставлено лишь 7 вещей. Самая большая из них принадлежит городу Парижу, написана на тему «Воспоминание о празднике в Париже» при открытии Всемирной выставки; видно, что это картина заказная, мало любимая автором. Из выставленных самая лучшая — пейзаж с радугой, но и то среди работ Казена она вовсе не характерна, и тем необходимее настоящая посмертная выставка картин его. Казен оставил по себе солидную, хорошую память: его пейзажи везде пользуются заслуженным уважением; в них есть оригинальная грустная нота, находящая теперь много подражателей, и редко кому удаётся так же передать засиженное и бурое тучами вечернее небо, одинокие фигуры, уснувшие домики, — картины полные покоя и тишины.

Не обошлось в Champ de Mars и без скучных больших картин; из них одна, г. Аббе, изображает «Галлабада в замке дев», а другая, ещё более монотонная, «Дидон и его сотрудники» г. Делансе. Поражает своею претенциозностью и нехудожественностью картина Бери «Христос у колонны». Досужая публика отыскивает в ней типы теперешних общественных деятелей Франции, устраивает интервью с автором и прочее, — ничего общего с искусством не имеющее. Это очень ничтожная картина.

Из русских художников в Champ de Mars выставили: Казак (кн. Эристова) - хорошая пастелистка, Ф. Боткин (этюд тела) и Манасеина (портрет).

Почти так же богат, как и живописный отдел, отдел пастели, акварели, рисунков и гравюр. Среди пастелей интересны пейзажи: Буве, Фромут и Биесси. Джемс Тиссо выставил бесчисленную серию библейских иллюстраций. Можно изумляться серьёзному отношению художника к своему делу, его труду и энергии, но со стороны художественной произведения Тиссо в большинстве случаев сухи, не своеобразны и уступают его прежним работам. Конечно, появление такого художника должно было вначале привлечь общее внимание, но Тиссо не сможет поддержать этого интереса.

Почти такую же скуку вызывают и рисунки Ренуара, находящие многих сторонников. Рисунки изображают различные места и сценки прошлой Всемирной выставки и, надо сказать, что и фотография воспроизводит эти эпизоды почти так же.

Превосходны цветные офорты: М. Робса, Жаннио, Шагин; в них такой сильный правдивый рисунок и вкусные тона, разлитые широкими планами. Из хромофотографий особенно приятны, и по тону, работы Ривьера и Журдена. В скульптуре самая центральная фигура - «Виктор Гюго» Родена. Эта фигура — лишь часть общей группы, недостающая часть её изображает муз. Некоторых зрителей устрашает, что художник изобразил Гюго нагим, но, вдумавшись, наверно, вполне согласишься с мыслью Родена. Именно в этой сидящей у скалы фигуре, в этой полуопущенной многодумной голове, именно этим простым жестом вытянутой руки чище и легче всего можно было передать величавость, которой так много в этой статуе. Жаль, что движение не со всех пунктов передано равномерно; интересно, как-то официально будет принята эта работа? Много силы в скульптуре Шармоа «Демос»; поясная фигура сурового старика с обнажённым черепом и длинной бородой пытливо всматривается вдаль. С большим чутьём и талантом сделаны скульптуры Аронсона

(«Жажда» — человек пьёт из горного родника) и прекрасны работы Вальгрена.

Этот большой художник остановился на маленьких статуэтках и на полуприкладных ваяниях; в Петербурге не раз уже видели его замечательные вещи; у него изящная линия, много движения и оригинальности в применении простых человекообразных мотивов в предметах обихода.

Без конца хороших предметов в отделе художественно-промышленном. На этом отделе сошлись одинаково оба Салона и Champ de Mars, и Champs Elysees. Какие там есть превосходные декоративные мотивы, какие мебели, кожи, керамика, чеканка, уж не говоря про ювелирные вещи. Вольферс, Лялик, Вальгрэн, Рузо, Но, Пеш, Фридрих и мн. др. дают вещи отличительной красоты. На этих мотивах, так удачно почерпнутых из природы, на прекрасном пользовании формами растительными, животными, наконец, человеческими - везде видна работа и мысли, и рук художника. Как хорошо, что художники перестали свысока смотреть на прикладное искусство, дошли до убеждения, что производство художественного обихода, дающее в результате вековой стиль, невозможно отдавать в руки одним промышленникам. Но это одна сторона дела; есть и другая, которая тоже стоит на очереди: чтобы дело было живым, надо ввести его в жизнь, надо его популяризировать, а для этого нужны общедоступные цены. У всякого, естественно, разгораются глаза на прекрасные ткани, на изящную и простую мебель, но у всякого опускаются руки, услышав непомерную цену. Будет время, и эти прекрасные произведения захватят не одни только верхние слои публики, но заразят и буржуа, и сколько вкусов они отполируют, скольким мыслям дадут более художественное течение; даже и подумать приятно.

На скульптурном отделе Champs Elysees уже чувствуется разница с Champ de Mars'ом. Скульптура вообще сильно развита во Франции, притом хорошо сделанная, прекрасно нарисованная. Среди бесчисленной толпы белых фигур, занявших три четверти большого дворца выставки, есть немало академичных, неинтересных веяний, есть много тел неприятно вывороченных, но много и художественных вещей.

Очень хороша группа Лемера: женщина целует в лоб покойника; могильным покоем полна эта группа. Много настроений в группе «Холод» — женщина и мужчина в современных платьях стоят, дрожа и прижимаясь друг к другу. Хороши многие группы животных, напр., Мерита и пр., но истинно интересных скульптурных вещей мало в Champs Elysees; на всём чувствуются какие-то уже сильно протоптанные дорожки, точно мысль устала работать, и техника, приобретённая долгим трудом, застывает в своём развитии, не знает, за что ей приняться. Нет, в Париже, при его кипучей жизни, должно быть больше исканий. Особенно же сильно является это желание, когда смотришь бесконечный живописный отдел Champs Elysees.

* * *

По нашей худой русской привычке непременно обращать долгое (хотя бы и отрицательное) внимание на плохие вещи и тем только возвеличивать их значение, я хотел было заметить многие слабые картины Champ de Mars'a — без них этот Салон несомненно бы выиграл в цельности впечатления, но что же тогда пришлось сказать про Champs Elysees, про стены, иногда сплошь увешанные малозначащими, скудными выполнением и замыслом картинами?

Общий уровень Салона Champs Elysees слаб, и особенно плохо то, что про многие картины, даже при желании, ничего не скажешь. Про них можно говорить или очень много, или ничего; можно описывать расстановку фигур, их размеры, приводить исторические ссылки (подчас и приписанные под картинами), но что значит для публики знать, что Х написал картину из истории или мифологии и что исторические учебники именно так повествуют об изображённом событии? Уж очень позорно для картины, если сказ о ней должен ограничиться этими посторонними сообщениями. Есть на выставке: Распятия и Христы, есть зверства языческие, есть зверства европейские, есть победители, есть побеждённые, есть мифологические картины - и все эти замыслы не новы, в трактовку их не внесено ничего оригинального, чисто художественная задача отсутствует; остаётся печалиться за потраченное время, за умение рисовать, пропадающее даром.

О Салоне Champs Elysees писать очень трудно. От рамы и особенно от всего окружающего зависит не менее третьей части впечатления картины; в Салоне же на две с лишком тысячи картин, конечно, много хороших, но каково они должны себя чувствовать, подавленные подобным соседством, каково их извлекать и, закрываясь плотным зонтом пальцев, разглядывать! Какая-нибудь раскрашенная машина с дебелыми фигурами больше натурального роста наваливается и душит скромную, симпатичную картину - вчуже обидно!

Даже рисунки, офорты и литографии Champs Elysees как-то подтянуты и официальные, и среди массы иногда тонких, но слишком условно приличных работ можно найти не сразу что-либо интересное, вроде работ Руа (подметившего характерность видов старого города Брюгге) или гравюр Бельканде, Матью и др.

Про maître'ов, участвующих на выставке, сказать нового, само собою, нечего; лучше, чем всегда, они ничего не сделали, а весьма известно, что и как могут сделать: Бугеро, Лефевр, Кормон, Бонна (вдающийся уже в такую жёсткость, точно плохое выжиганье по дереву в раскраске). Бенжамен-Констан поставил две вещи: портрет Папы (очень сухой) и женский портрет; последний портрет лучше по колориту, но имеет какой-то неприятный, фарфоровый оттенок, может быть, от чрезмерного злоупотребления письмом «по сухому». Жалко, Констан не поставил в Салон женского портрета и этюда головы в средневековом уборе, которые зимою были на выставке клуба Volney, - те были удачнее, особенно этюд головы, написанный интересною сочною манерою, как будто maître забыл свой сан и заинтересовался простою передачею освещенного огненным светом лица.

Из пожилых художников интересен Анри Мартен. Его манера письма мастихинными мазочками, несмотря на своё однообразие, искупается светом, общим приятным колоритом и своеобразным течением мысли. Теперь у него на выставке две картины: большая «Сельское» и другая, поменьше, - «Художник». В «Сельском» поэт преклонился перед сценой спокойной сельской жизни: на первом плане овцы и пастух, вдалеке поле, полное работающими, залитое ползучими лучами заходящего солнца, - у Мартена этакие лучи всегда удаются.

Как и всегда, за исключением (и то только отчасти) картины «Витязь Май», что в Люксембургском музее, Рошгросс неприятен и резок.

Если прежде его картины и нравились многим, то теперь его триптих «Царица Савская и Соломон», полный претензии и кричащих тонов, вряд ли найдёт сторонников.

Некоторая часть публики, конечно, будет восхищаться живописью Руабе и не будет замечать ни черноты, ни условщины, ни слащавости, которыми полны его разодетые фигуры.

Испанец Соролла Бастида выставил два пейзажа с фигурами. Силён пейзаж, где рыбаки тащат на берег лодку, за ними синий-синий залив и скалы, оранжевые под солнцем.

Пейзажи в Champs Elyseés особенно незначительны. Когда ходишь по обоим Салонам, невольно как-то хочется сделать некоторые перетасовки; некоторых художников Champ de Mars'a направить в Champs Elyseés и наоборот. Это соображение вспоминается, между прочим, глядя на пейзажи Пуантелена; он один из лучших пейзажистов Champs Elyseés, и по характеру ему приличнее быть в Салоне противоположном. Мотивы Пуантелена очень несложны. Одинокое дерево среди равнины, кустарник, перелески, закутанные туманом. Туманом дали художник хорошо владеет; в этом типичном сером вогнутом горизонте, в его дальних мазках что-то мреет, а в молочном небе много света и воздуха. Хороши небольшие пейзажи: де Кохорна, Реванна (синий приморский пейзаж), Комптона, Иннесса, Тадама, Ремана, Пижара, Риделя и др. Все эти имена (кроме Иннесса) неизвестны; не знаю, удастся ли им проявиться в чём-либо определённом и значительном, но стремления их скромны и задачи симпатичны. Небольшой будничной жанр и жанр портретный очень развиты в Champs Elyseés. Авторы этого сорта работ очень разнообразны. Эннер и Эбер два известных мастера; в передаче ими головок и голого тела много техники, но слишком уж догматичны для них эти сами по себе малые truc'и выполнения. Тонко работает Максанс; у него чаще всего женские головы или поясные фигуры на фоне стилизованного пейзажа. На этой выставке он поставил небольшую картину — две девушки в средневековых нарядах на фоне деревьев. Лица написаны очень детально, выписаны и ресницы, и трещины губ, и этот стиль, выдержанный в светлой гамме вместе с тонко написанными кружевами на головах и разводами, вышитыми на платьях, даёт интересное и оригинальное целое. Им же поставлено большое панно «Ночные бабочки», приятное по тону. Оригинальную, но несколько растрёпанную манерою написаны портреты Дрейфус-Гонзалеса (портрет Папы и женский). Хичкок дал хорошую воздушную вещь -этюд девушки в цветном платье на фоне травы; в нём есть очень удачные красочные сочетания. Из мелких жанров надо заметить: Сабаттэ, Каро-Дельваля, Дефаэса и Косари, Кайрона, Леезе (рыбаки складывают рыбу), Амиарда, Жан-Пьера, Мареот, Пажес (этюд мулатки), Леклерк, нашего соотечественника Гиршфельда. Из портретов интересны по письму работы: Шоше, Гинье, Райнольд, Гардье, Коссон, Колонна, Томсон и др. Всё это хорошие портреты, но особенной задачи в них нет. Париж.

Россия. 1901. 30 апреля / 13 мая. № 721. Понедельник. С. 2.

Н.К. Рерих. Заморские гости. 1901.

Часть 3. ВОЗВРАЩЕНИЕ. НА ПОРОГЕ НОВОЙ ЖИЗНИ

Хроника

Общество поощрения художеств, его последний отчёт и годичный акт

... После нескольких никак не удававшихся собраний для выборов нового секретаря Общества, 22 мая был избран, наконец, вместо правившего эту должность с сентября 1900 г. действ. члена Зарубина, - член-соучастник Рерих, служивший в учреждении несколько месяцев помощником сперва секретаря, потом директора музея и недавно вернувшийся из заграничного путешествия.

Хроника журнала «Искусство и художественная промышленность». 1901. Май. № 15-16. Стб. 228.

Собрание Общества поощрения художеств

22 мая состоялось второе экстренное собрание действительных членов Императорского Общества поощрения художеств, на котором в секретари Общества выбран помощник директора музея художник Н.К. Рерих...

Биржевые ведомости. 1901. 24 мая / 6 июня. № 138. Четверг. С. 2.
Так же: Новое время. 1901.1/14 июня. № 9065. Пятница. С. 4.

Н. Рёрих

Деятельность Императорского Общества поощрения художеств

Ввиду высокополезной, и личным трудом, и обильными пожертвованиями, двадцатипятилетней деятельности бывшего вице-председателя Общества, егермейстера И. П. Балашова, оставившего этот пост вследствие отъезда по делам Красного Креста на Дальний Восток, Общее собрание Общества 19 мая постановило: повергнуть на благоусмотрение Государя Императора всеподданнейшую просьбу о присвоении И. П. Балашову звания почётного члена Общества, каким званием до сих пор был удостоен лишь покойный Д. В. Григорович. На представлении по этому предмету 2-го июня его Императорскому Величеству благоугодно было начертать: «Согласен».

Общество возобновляет дело постоянной выставки при аукционах художественных предметов, которые должны начаться с будущей осени. Заведовать постоянной выставкой и аукционами будет художник В. И. Зарубин.

Комитет Общества выразил благодарность г-же А. В. Сабанеевой за хлопоты по устройству художественного вечера для усиления средств ученической столовой при мастерских Общества и г-ну Христиансону за коллекцию разных пород деревьев, принесённую в дар музею.

Французское правительство предоставило Обществу помещение в Grand Palais des Beaux Arts для устройства периодических русских художественных выставок. Общество предположило воспользоваться предоставленным помещением с осени 1902 года, основания те же, и правила выставки будут выработаны в ближайших осенних заседаниях комитета для своевременного оповещения художников.

С 15-го октября по 20-е ноября в помещении Общества откроется выставка, собранная художественным кружком «Мюссаровских понеделъников» для вспомоществования вдовам и сиротам художников.

Среди дел, рассмотренных в заседаниях комитета, был осуществлён важный вопрос, поднятый председателем бюджетной комиссии гр. П. Ю. Сюзором, о командировках за границу и по России учеников, окончивших Рисовальную школу Общества. Вопрос был решён утвердительно.

За границу были командированы г-жи Сомина и Лапшина с ассигновкою по 450 руб., а по России гг. Линдبلادт и Примазов — по 250 руб. Кроме этих сумм, вице-председатель Общества Ю. С. Нечаев-Мальцев из собственных средств снабдил отъезжающих на подъём 50 рублями каждого. Для лучшего выполнения задач поездки командированные были снабжены командировочными паспортами, рекомендательными свидетельствами и письмами, любезно адресованными членами комитета И. С. Китнером и П. П. Марсеру к некоторым заведующим художественными учреждениями.

Художественные сокровища России. 1901. № 6. С. 90.

Н. Р.

Деятельность Императорского Общества поощрения художеств

В малодоступных частных коллекциях по России разбросано много художественных сокровищ. Императорское Общество поощрения художеств, желая с одной стороны дать возможность ознакомиться с этими богатствами, а с другой — предоставить случай частным лицам показать свои собрания (что также не легко, ибо слишком хлопотливо держать открытым вход в частную квартиру), решило с будущего года устраивать в своём помещении выставки подобных частных коллекций. Первая такая выставка откроется в середине будущего сентября.

С 1-го октября в Обществе начнётся ряд чтений по различным художественным вопросам. Будут читать члены Общества: Н. П. Кондаков, П. В. Делларов, И. Я. Павловский и др. В музее Общества по праздничным дням для учащих будет давать объяснения член Общества И. Лазаревский.

Вице-председатель Общества Ю. С. Нечаев-Мальцев принёс в дар библиотеке Общества большое издание Помпейских раскопок.

Итоги сметы Общества с 1 сент. 1901 г. по 1 сент. 1902 г., при остатке в 1286 р. 59 к., выразились в цифрах 109 359 р. 63,5 к. прихода и 108 073 р. 04,5 к. расхода.

На днях мастерская Баринаова приступает к установке памятника на могиле Д. В. Григоровича.

Художественные сокровища России. 1901. № 7. С. 109.

Письма Н.К. Рериха к Елене Ивановне Шапошниковой:

96. [Лето 1901 г., СПб.]

Дорогая моя Ладушка, как мне сиротливо-то без Тебя! Казалось бы, одиночеству ещё не в чем было проявиться, а как подумаю, что уже больше нельзя на Лиговку ехать, то даже как-то жутко становится.

Прошлый раз я начал говорить Тебе о необходимой близости жены к мужу, да и не кончил. А полагаю, эта близость во всём, и личная и деловая, тем необходимее, что при ней у жены не может явиться мысли об отчуждённости мужа. Если есть какое-л. важное дело, то оно захватит их обоих одинаково, и жене не придёт в голову, что муж о ней не думает. У нас же, где предстоят большие и многоважные дела – такое обоюдное отношение необходимо.

Вчера много о Тебе говорили у Беклемишевых. Екат. Ив. подчёркивала, что вся моя художественная будущность исключительно в Твоих руках.

Оказывается, они были сердиты на меня, что 1½ месяца не видался с ними. Ну, теперь кое-как сгладили впечатление. Сегодня Ек. Ив. везёт меня в Аркадию слушать Собинова в Онегине. Все там не поздравляли меня с местом в Обществе. Влад. Алекс. говорил: «Ох, засосёт вас ваше бумажное дело, - так же засосёт, как и меня засасывает, а уйти уже трудно будет». Там же была старуха, мать Ек. Ив. – совершенный тип бабуленьки у Достоевского. Буду у них бывать

частенько. Жара стоит невыносимая. Сегодня сейчас буду переделывать Городок.

Голубчик Лада, люби меня как последние дни любила... Люби меня всегда так. При такой любви можно многое сделать. Мне хочется быть с Тобою в деревне, да не в Бологовском саду, а в настоящем лесу, в природе. Рвётся и болит моё сердце по Тебе и по природе, и потому увидать Тебя среди леса – о том думаю. Всем поцелуй и привет.

Поцелуй меня крепко.

Н. Р.

Отдел рукописей ГТГ, 44/393, 2 л

97. [Лето 1901 г., СПб.]

(Вторник 11 И..., 1901 г. СПб.)

11-го, Вторник.

Милый, дорогой, славный Мисик, опять сижу в Обществе и так опять хочется мне вырваться из СПб, что даже и картины не хочется писать. Как мне дорого, что Мисик любит меня. Знаешь, Мисик, мы будем счастливы, мы пойдём рука об руку, поддерживая друг друга, пойдём: я для Тебя, Ты для меня.

Сейчас был Боткин и совершенно меня не утешил сказал, что может сделать Комитет в Пятницу или во Вторник. Чем это пахнет? Ведь до Пятницы ещё ничего не получится. Пришёл Грабарь, придётся с ним обедать идти.

Вторник, вечер

Мне скучно, Мисик, так мне всё здешнее надоело, так мне хочется к Тебе. Алекс. Н. Бенуа хочет меня познакомить с Теляковским, мол, не худо бы мне сделать обстановку для Рогнеды и Млады. Ему заказаны декорации к *Götterdämmerung*⁸ - пойдёт в буд. сезоне. Коровин делает декорации к Руслану. Но всё это неинтересно, а важно то, что для Мисика я, кажется Бог ведает, что только сделаю.

Господи, неужели до Вторника из СПб не выбраться? – да это просто мученье. И мне-то скучно, да и Мисик, пожалуй, поплачет! Жалко Мисика! Ты мне напиши письмецо ласковое и хорошее, я так люблю их от Тебя получить. Ведь Ты для меня дороже всего на свете. Мне скучно, скучно, скучно. Мисика люблю, люблю, люблю, люблю, люблю, люблю, люблю, люблю.....

Пришли записку покупок из синего пиджака. Антокольская взяла за 7 пломб 14 рублей, по 2 рубля за пломбу. Косоротов прислал странное письмо, посылаю его. Сохрани для адреса. Что это значит? Вот так тип!

Ведь купить надо было

5 бут. пров. м.

3 пуд. сахарн. песка

1 пуд колот. с[ахара].

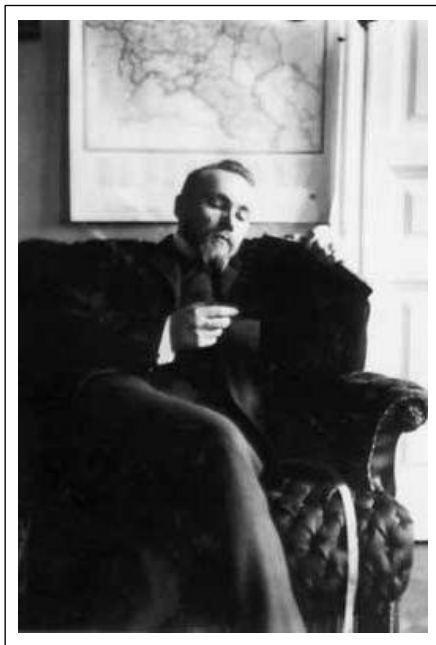
1 ф. франц. муки

⁸ *Götterdämmerung* - «Гибель богов» (нем. дословно «Закат богов»), опера Р. Вагнера

Целую Мисика крепко, крепко.
Пожалей Майчика.

Отдел рукописей ГТГ, 44/199, 1 л. (Часть письма написана карандашом)

98. Вторник. 3 Июля 1901 г., СПб.

Дорогая моя, нашёл письмо Сафронова; посылаю Тебе снимочек с меня - Беклемишев снял.

Сижу и боюсь, как бы чёртов <Бри> не поднял процесса против нас и не пригвоздил этим меня к Питеру. А уехать-то к Тебе, страсть как охота. Долго здесь я не проживу ни за что.

Идолы, когда я поставил их на прежнее место - опять стали много интереснее. Совершенно переписал небо у городка; оно стало синее с розовыми разрывами туч.

Голубчик мой, как привык-то, как свыкся я с Тобою - без Тебя не к кому мне принести душу мою. И глупо передавать её в письме, бессмысленная бумага глядит на меня белым платком и на ней изволь отражать внутренние, самые глубокие для меня мысли, те мысли, которые отражались бы иначе в глазах Твоих. А теперь всякую фразу можно толковать на миллион ладов, - смотря каким голосом прочитать её.

Мне страшно опять для Тебя братья за перо. А ну, как опять Тебе вздумается истолковать что-либо в дурную сторону. Только нет, теперь уже до дна должна знать меня и чувствовать - какое место Ты занимаешь во мне.

Ты смотри, думай побольше о Майчике!

С Вами ли ехал Рогге? О чём говорили?

Был с Беклемишевыми в Аркадии. Собинов, правда, тонкий и искренний артист. Между прочим, Ек. Ив. при всех сказала, что она на меня теперь ставит крест, ибо дела засосут меня.

Всем стало неловко, и даже мать её сказала: «Зачем ты так говоришь, Катюша, ведь если так будут говорить в ближайших художественных домах Ни-

кол. Конст., то что же скажут его враги и завистники. Такой слух легко пустить, а потом его ничем не выскребешь».

Признаться, мне очень неприятны были слова Ек. И. Если пойдут циркулировать такие слухи, то дело неважно.

Сегодня утром мне невероятно захотелось быть мужем Твоим и целовать Тебя всю. Хочется ли Тебе это?

Всем поклон и поцелуй.

Н.Р.

Вторник, 3 Июля

Отдел рукописей ГТГ, 44/375, 2 л. Письмо написано на бланке Имп. Общ. Поощрения Художестве

99. [Лето 1901 г., СПб.]

Родная моя, хорошая моя, славная! Как люблю-то я Тебя, как я полон-то Тобою, и как мне опять будет скучно без Тебя! Ладушка, я теперь верю, что Ты меня правду больше всего любишь; и сказали мне это, как нельзя более, Твои глаза, когда вчера на вокзале Ты смотрела на меня. Милая, и мне Ты дороже всего и чувствую, что в Тебе находится то, о чём давно мечтал я. Поцелуй меня очень крепко.

Насчёт Принцессы; дело в том, что она вчера вызывала меня по телефону в 11 часов, не знаю зачем. Сегодня я запросил, когда к ней явиться, но ответа ещё не было. В Обществе всё в порядке в общих чертах, но дела накопилось много.

Получил письмо от Котика и от Половцова, - ему зачем-то нужно видеть меня. Пойду сегодня же после 6 час. Сейчас иду по Твоему и Княгининному поручению. Не знаю, как мне быть здесь. Душно и скверно. Аркаша завтра уезжает. Как Ты до дому добралась? *Напиши мне* про всё, Голубчик. Не болит больше? Поклон всем. Тёте Люде скажи, что Боба понравился мне. Маму Катю целую и всех.

Отдел рукописей ГТГ, 44/394, 1 л.

100. 12 Июля [1901 г., СПб.]

12 Июля

Дорогая моя, Голубчик мой Ладушка, - вот уже Четверг, а письма Твоего всё ещё нет. Как-то Ты там? Принцесса назначила мне быть у неё в Петергофе завтра в Пятницу в 11 час. утра. Буду и затем отпишу Тебе. Во вторник я сделал важное приобретение для Общества; познакомился с известным знатоком искусства Деларовым. Он вступил в члены Общества, сказал, что при Собко он не желал вступать в Общество. Обещал дать ряд чтений по искусству и начнёт первым 1-го Октября «О связи старого искусства с новым». Вчера меня потащили некоторые Члены Арх. Института недалеко от Павловска в село Фёдоровское, где будто бы найдены подземные ходы. Ходы эти оказались просто провалом подземной речки. Но всё-таки прогулка оказалась ничего себе, - ибо вечер был превосходен.

Всё не могу дожидаться рам. Знаешь, я думаю в Идолах сделать одно изменение. На правой стороне пробить забор и показать уходящих воинов, - они, вероятно, более свяжут картину и более выдвинут понятие похода по реке.

Городок выходит нехудо. Квартиры на Морской и Офицер. уже сданы, а на Морской была очень хороша. Сегодня пошлю Андрея искать, - хочется скорее Тебя выписать. Сегодня утром мне ужасно хотелось быть Твоим мужем и чуть было не увидал сна.

Гринейзена не застал дома – оставил карточку. Поцелуй. Всем поцелуй.
Дел навалили по горло.

Отдел рукописей ГТГ, 44/376, 2 л.

101. Суббота. 14 Июля [1901 г., СПб.]

Бумага – глупая, глупая, глупая, а я Тебя люблю, люблю, люблю, и мне хочется видеть и чувствовать Тебя около, мне хочется смотреть в Твои глаза, мне хочется слышать, что и Ты меня любишь, мне хочется, чтобы всегда Ты была такою, как в вечер моего отъезда в Понедельник. Голубчик, - верно, письмо Твоё затерялось, - ведь сегодня уже Суббота, и нет от Тебя ни строки. Я обещал не допрашивать писем, но всё же, не будь жестокой. Завтра я должен получить письмо Твоё – или я буду больной – неужели Тебе это приятно? Миленькая, приезжайте искать квартиру, ибо, если и найду подходящую, то если она будет хорошей – её немедленно из-под носа снимут. Время таково, что надо смотреть и снимать тут же.

Вчера был у Принцессы. Решился на смелый шаг. Поехал со следующим поездом вместо к 11 к 12 (чтобы сделать свой приезд заметным и быть приглашённым к завтраку). С вокзала телефонирую: «по несчастью с экипажем мог выехать со след. поездом». Приезжаю в Петергоф – интерес ко мне поднят. Рассказываю: «лошадь понесла, испугавшись автомобиля». Принцесса говорит: «вот я всегда говорю, как опасны автомобили, да вы, кажется, бледны? не ушиблись ли?» (а я прихрамываю, ибо адски болит мозоль от венских проклятых сапогов – их прямо нельзя носить). Говорю: «пришлось выпрыгнуть – нога подвернулась» (при этом все смотрят на мою ногу – а она в новом штиблете). Принцесса разохалась: «вы доктору покажите, не запустите. Ну, идёмте завтракать, делом после займёмся». Обращаясь к сыну: «дай водки Ник. Конст. – ему надо подкрепиться». Представила мужу, народу было человек 25.

Теперь меня будут звать к столу и, значит, доклады выйдут более домашнему, а это хорошо. Мне было страшновато, удастся ли моя затея; ну рискнул, и выиграл. Думаю съездить в Петергоф написать одно место в саду Принцессы и подарить ей. Уж двигать, так двигать. Вчера Анненков и Свиньин потащили обедать к Донону и пристали, чтобы быть с ними на Ты.

Милая, мне скучно, мне не работается. Жара душит. Без Лады тяжело. Голубчик, приезжай искать квартиру числа 18-19. Голубчик, приезжай. Неужто и сегодня письма не будет? Гринейзена всё не застаю дома. В пору ли князю пинджак? всех поцелуй? и поджениха. У меня точно предчувствие какое-то, - всё ли ладно с Тобою?

На этих днях дел у меня – не отбиться.

14 Июля. Суббота

Отдел рукописей ГТГ, 44/250, 2 л.

102. Суббота. 14 Июля [1901 г., СПб.]*Суббота*

Дорогая моя девочка,

Голубчик, Ладушка – золотая, сейчас получил письмо Твое – славное письмо, полное спокойной энергии и любви. Я буду всегда таким же, как теперь, а коли Ты любишь меня, то тем и паче.

К Стасову еду сегодня вечером. Завтра Фролов звал меня к обеду, но к нему пойду лишь утром, обедать же буду у Беклемишевых.

Идолы опять привёл в старый вид.

Свинья вчера за обедом – плакала.

Пиши, милая, почаще.

Отдел рукописей ГТГ. 44/403. 1 л.

103. 17 Июля [1901 г., СПб.]*17 Июля*

Дорогая моя Ладушка, сейчас был я у Гринейзена. Познакомился с ним. Выставку картин старых мастеров будем устраивать вместе с ним у нас в Обществе. Картину князя – видел у него; она в порядке. Передал ему поклон и ожидание князя, его приезда. Картина князя, по его словам, интересна и, быть может, кое-где на ней подлинная рука да Винчи. Записал я его в члены Общества и через него предполагаю зазвать ещё десяточек. 15-го был у Фролова и у Беклемишева. Кажется, сестра Фролова и впрямь равнодушна ко мне, – уж очень как-то зло поздравляла меня с женитьбой и подчеркнула: «ну вы теперь ликуете!» У Фролова пробыл недолго; вечером был у Беклемишевых. Что-то неладное у них в доме. Он имеет вид удрученный – точно его давит целая орава родственников, а иногда замолчит – и около рта ложится у него тяжёлая складка. Или грустит, что искусство отошло от него?

Накануне был у Стасова. Вышло вовсе глупо, и я сожалею, что наговорил Куинджи.

Старик сумел быть настолько тактичным, так мило расспрашивал о работах моих и о Куинджи, что придаться было положительно не к чему. Сейчас ожидаю сбора членов Бюджетной Комиссии; Господи, какая скучища все эти Комиссии! Вот наказание-то. За эту неделю вступило 6 нов. членов.

Картины не очень ладятся. Сегодня принесут рамы. Для идолов рама ничего себе, а для «городка» слишком груба. Придётся ещё заказать раму, для «Охотников» и для других воронов.

Смотрел квартиру на Галерной. 9 комнат – 1500 руб. с дровами. Если бы домовладелец согласился надстроить в мансарде мастерскую, можно бы дать 1600 руб. Соединивши две комнаты, получается чудная гостиная. В такой квартире можно бы угнездиться надолго. Сегодня повидаться с домовладельцем и, коли что наклюнется, то Тебе придётся немедля приехать, ибо до 26-го не дожидаться будет. Дом новый, интеллигентный. До Октября могли бы надстроить мастерскую. Ты люби меня, Ладушка. Ты не можешь себе и представить, как я думаю о Тебе, как Ты нужна мне. Ладушка, часто ли Тебе хочется

быть женою моею? Ты смотри, всё-таки приезжай поскорей, а то Майчику без Тебя скучно. В письме не уписать, а многое хотелось бы рассказать, хоть и мелкое, но любопытное.

Всех целую. Ек. Вас. так, а князя – этак, - чтобы неодинаково. Целую Тебя, и Ты не забудь поцеловать меня.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/249, 2 л.

104. 19 Июля 1901 г. [СПб.]

Голубчик Ладушка, приезжай, миленькая, посмотреть квартиру. *Надо решить с ней.*

И не только для квартиры надо мне видеть Тебя, а для Тебя самой. Сам я никак не могу приехать в Бологое – один как перст в Обществе; не на кого покинуть его. А без Тебя не могу. Слышишь, поскорей приезжай. А то наделаю глупостей, побросаю все дела и уеду к Тебе. Милая, Голубчик, приезжай – надо Тебя повидать. Картины не работаются.

Ой, Лада, Лада, как я люблю Тебя! Поцелуй всем.

19 Июля 1901 г.

Когда встретить? телеграфируй.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/234, 1 л.

105. 10 Августа 1901 г. [СПб.]

Голубчик Лада. *Посылаю Тебе статью Лазаревского из России.* Вчера был на квартире. В гостиной и в будуаре не хватило по несколько кусков обоев.

Электричество подробнее нельзя проводить – не зная расстановки мебели.

Мама предлагает обить диван, два кресла и 6 стул. кожей для кабинета. Она говорит, что в Августе обойщик возьмёт с неё много дешевле, т. к. Сентябрь для обивки самый неудобный месяц.

Вчера работал 7 час., а сегодня 5 час. Пожалуй, утренняя охота выйдет по-лучше всего прочего.

Что Ты делаешь?

Неужели Зи-Зи всё там? Сейчас иду за мазью для башмаков.

Ещё нашлось у нас 180 монет.

Если возможно, приезжайте раньше 25-го.

Всех целую.

Ладушка, как я уверен в Тебе теперь, и как у меня легко на душе.

10 Авг. 1901.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/235, 1 л. На почтовой бумаге ОПХ.

Ив. Лазаревский

О ПООЩРЕНИИ ИСКУССТВ

Никогда живопись и ваяние так не интересовали русского общества, как в настоящее время. Многочисленные выставки картин и художественных произведений и в столицах, и в крупных центрах провинции сделали понемногу своё дело — заинтересовали публику; это заметно по тому, что общее число посетителей выставок растёт с каждым годом, а равно и по тому, что увеличивается спрос на художественные издания, на сочинения по разным отраслям искусства и художественной промышленности.

Чем [больше] публика будет интересоваться искусством, тем скорее оно найдёт в ней себе покровителей и поощрителей. Хотя надо заметить, что русское искусство никогда не страдало отсутствием покровителей. Многочисленная семья меценатов, с одной стороны, общество любителей и поощрителей художеств - с другой, способствовали развитию родного искусства. Но в поощрении меценатами и обществами есть великая разница. Меценаты в большинстве случаев поощряют лишь одну какую-либо отрасль живописи, и очень редко встретится меценат, интересующийся в одинаковой степени всеми родами живописи, равно вникающий в нужды художников, - будь это жанрист, портретист или пейзажист. Общества же покровителей и поощрителей искусств могут принести несравненно большую пользу искусству, чем меценаты, потому что действия таких обществ носят более, так сказать, объективный характер - они придут на помощь с одинаковой готовностью художникам всех родов живописи. К сожалению, в России ещё так мало подобных обществ, что если бы число существующих удесятилось, то и тогда в них ощущался бы недостаток.

Одним из популярнейших таких обществ считалось Общество поощрения художеств. Но приходится, к огорчению, отметить тот факт, что за последние годы эта популярность Общества как-то померкла.

Главной тому причиной было то, что в продолжение многих лет секретарское место занимал человек, быть может, преисполненный самых благих порывов, но не умеющий ничего исполнить так, чтобы приносились ожидаемые плоды. Он не умел привлечь публику и заинтересовать её музеем Общества, этой богатейшей коллекцией предметов русской старины и художественной промышленности; очень мало обращал внимания на постоянную выставку картин — при нём она почти не устраивалась, а когда и открывали её на короткое время, то экспонировались неинтересные вещи — больше копии или работы неудачников-художников; издательская деятельность также не удавалась обществу, пока заправилой там был тот же секретарь...

Но вот, наконец, после шестнадцати с половиною лет сидения, этот секретарь удалился, место его занял другой — живой, понимающий и преданный делу человек [Н. К. Рерих], и при его участии и инициативе намечается ряд новых путей, могущих оживить Общество, снова привлечь к нему внимание публики и разрушить ту ледяную преграду, что возвелась стараниями, может быть, и невольными, его предместника между Обществом и русской, особенно же столичной, публикой. - Этими мероприятиями, коими надеются снова вернуть обществу те симпатии публики, какими оно пользовалось, когда секретарём там был знаменитый писатель Дм. В. Григорович, т. е. в самое цветущее

время Общества, — по существу совершенно несложны и никакими хитроумными замыслами не отличаются.

Одной из важнейших функций Общества поощрения художеств является постоянная выставка картин, как я уже заметил, пришедшая за последнее время в крайний упадок. Между тем эта выставка является в одинаковой степени важной и для художников, и для публики. Для последней она тем важна, что на постоянной выставке картин можно купить значительно дешевле, не переплачивая больших комиссионных денег владельцам разных «художественных» кабинетов, антиквариям и т. п., кроме того, все экспонаты принимаются на выставку лишь после того, как их одобрит особое жюри из членов комитета Общества, что является для публики известной гарантией в художественной доброкачественности картин и т. п. художественных произведений. Для художников же постоянная выставка тем важна, что благодаря ей они устраняют от себя все хлопоты по продаже, уплачивая Обществу маленький проц. с продажной цены. Теперь в малых залах Общества выставлен целый ряд очень интересных работ, часть которых уже знакома нам по зимним выставкам; цены на них назначены крайне скромные.

Постоянные выставки — это первый шаг к восстановлению популярности общества при условии удачного и интересного состава выставок, а в этом мы можем быть спокойны, так как заведовать выставкой поручено лицу с высшим художественным образованием, небезызвестному художнику Зарубину.

Одной из причин того, что музей Общества посещался публикой крайне вяло, служило и то обстоятельство, что там не имелось ни каталога, ни могущих давать разъяснения лиц, ярлычки же имеются далеко не у всех предметов, да и притом некоторые трудно читаемы. В настоящее же время трудом директора музея М. П. [Боткина] и его бывшего помощника Н. К. Рериха составлен подробнейший каталог этого музея, и, кроме того, время от времени там будут даваться знающими лицами наглядные объяснения. Если мы вспомним, каким успехом пользуются подобные объяснения проф. Н. В. Покровского в отделе христианских древностей в музее Александра III, то, думается, и это начинание Общества будет оценено публикой.

Но что особенно может принести видную пользу Обществу, так это организация собраний членов его. <...>

Среди частных лиц часто встречаются владельцы интереснейших коллекций художественных произведений; но в большинстве случаев они мало кому известны, так как невозможно же требовать, чтобы в частную квартиру допускался всякий, желающий осмотреть коллекцию хозяина. И вот Общество, идя навстречу интересам своих членов, решило организовать ряд выставок подобных частных коллекций, на каковые будут также допускаться и почётные посетители из сторонних Обществу лиц. <...>

Дело помощи русскому искусству живёт среди нас, любующихся картинами и получающих от этого эстетическое наслаждение, а раз имеется Общество, цель которого — всячески поощрить и поддерживать искусство, то как же не придти ему на помощь!

Господа, любящие и интересующиеся искусством, где вы? Откликнитесь! Ау!

106. [Лето 1901 г. СПб.]

Милый Мисик. Пока всё идёт ладно. В квартире всё будет сделано; плита будет осмотрена, но кажется подкладками ничего не сделать, т. к. прогнулась середина. Диван отнесут наверх. Там для него масса места.

Денег растраченных Богдановым до 4500 р.

У Бори экзамен в Субботу в 10 час. утра.

Лидинька сказала мамаше: «может быть, Вы дадите мне хоть 25 р. в месяц». Словом, положение очень напряжённое. Иногда Лидинька, мне кажется, даже не в себе. Все спешат со свадьбою скорее, задержка только Бруммер, который вернётся только в конце Сентября. Боря действует очень хорошо. Сегодня видал Спицына. В Пятницу вечером пойду к нему читать статью о церквах. Бруммер и все директора завода очень довольны моими образами. Видел игрушки. Два ящичка – без всякой фамилии. Пошлины около 4 рублей. Стоят в Обществе.

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/410. 1 л.

107. [Лето 1901 г. СПб.]

Милый Мисик, доехали хорошо. Смотрели только чемодан. Боря встретил. Лидинька сидит и шьёт себе бельё. Как Боря, слышал, мамаша даёт ей 1000 р. на свадьбу, обстановку, платья и бельё.

В городе душно и тяжело. Вечером бы сильнейший дождь. Завтра иду в Общество с утра.

В Обществе всё тихо. Нечаев доволен.

Целую крепко. Приезжай скорей.

В квартире всё будет сделано.

Если возможно, возьми ещё такой бумаги – отлично писать, а в СПб. такой нет.

«Лидинька» ищет квартиру в 50 р. с дровами. Боря вызвался искать и хочет завести не ближе Петербургской.

Отдел рукописей ГТГ. 44/419. 2 л.

108. Четверг. [Лето 1901 г. СПб.]

Милая Ладушка, доехал хорошо. Посылаю Тебе статью Половцова, - прочти её <...> и письмо Котика. Научи поскорей, что мне ответить, чтобы вышло прилично.

В Обществе за это время ничего не произошло. Сейчас начну писать. Раму было весьма неудобно везти на извозчике.

Напиши Голубчик, про Зизи. Лак и порошок pošлю завтра.

Крепко Тебя целую.

Всем поклон.

Четверг 10½ утра.

Отдел рукописей ГТГ. 44/401. л. 1.

109. [Лето 1901 г. СПб.]

Голубчик Ладушка. Сегодня послал мазь для сапог от Вейса. У Штоль Шмита меня удивили, сказав, что никакого порошка у них нет, и предложили взять для той же цели магнезии. А когда я сказал, что у них брали такой порошок, - они просили прислать им такую коробку - иначе они, де, не помнят, что это такое.

Приезжайте скорее. Мама собирается заказывать мне рубашки, полотенца, наволочки, подушки и обивать мебель. Делает мне шубу. Даёт часы и цепочку. И фрак тоже. Неловко ей отказывать тем более, что она говорит, что подушки и прочее, всегда пригодятся на случай.

Не позволить ли ей обить стулья и кресла и диван кожей? Какою лучше? Коричневой шагренью или зеленоватою?

Удивляюсь, сегодня уже Суббота, а письма Твоего всё ещё нет.

Вчера очень не худо работал. Был у Куинджи. Старик вне себя от радости по поводу наших циркуляров. Говорит, что это дело разовьётся, и пророчит широкое влияние на всё русское искусство. «А Зарубин теперь спал бы!»

Пиши Голубчик, а лучше всего, приезжайте скорее, - чего там сидеть в Бологое, коли и Тебе там не по душе.

Неужели Зизи там ещё? Пиши подробно. Всех целую.

Платки изорвал и бросил.

Н. Р.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/400, 1 л.

110. Суббота. [Лето 1901 г. СПб.]

Был на квартире. Потолки и обои покрылись зелёными и тёмными пятнами сырости. Надо обсудить, не слишком ли сыро. Заключение условия оттяну дня на 4.

Целую крепко жду известий.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/454, 1 л.

111. [Август 1901 г. СПб.]

Дорогая моя Ладушка, я боюсь, чтобы мои письма Тебя не слишком обеспокоили. Правда, мне тяжело, очень тяжело, но всё-таки Ты не волнуйся слишком. ~~Как-нибудь~~ всё забудется. Милая, не беспокойся. Лучше приезжай поскорей. Слышишь, поскорей приезжай! Севастопольск. поезд идет и ранее 25-го, а собираться Вам долго ли? Нужно и о квартире поговорить. Меня сегодня страшно смутили везде большие пятна сырости. Как бы нам не заплатить слишком дорого за 11 комнат?

Милая, милая, милая! Всею душою люблю Тебя. Пожалей же меня - будь осторожнее и не такой жестокой.

Мне неважно работается сегодня. Отдал мою новеллу в Новое Время. Мама предлагает обить не Твою мебель, а мою: диван, 2 кресла и 6 стульев – чем я хочу: материей или кожей.

Приехала Лосская; очень благодарна, что не исполнено Люсино поручение. Люся в Италии. Вчера жена Шведского посланника приехала просить меня, не представлю ли я от неё Принцессе Брюссельских кружев, принадлежавших Имп. Жозефине, ценою в 20.000 р. Лежат они у меня, и мне боязно,, как бы с ними чего не приключилось.

Видишь, я даже пробую говорить об обыденных предметах. Но пожалуйста, приезжай поскорее.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/220, 1 л.

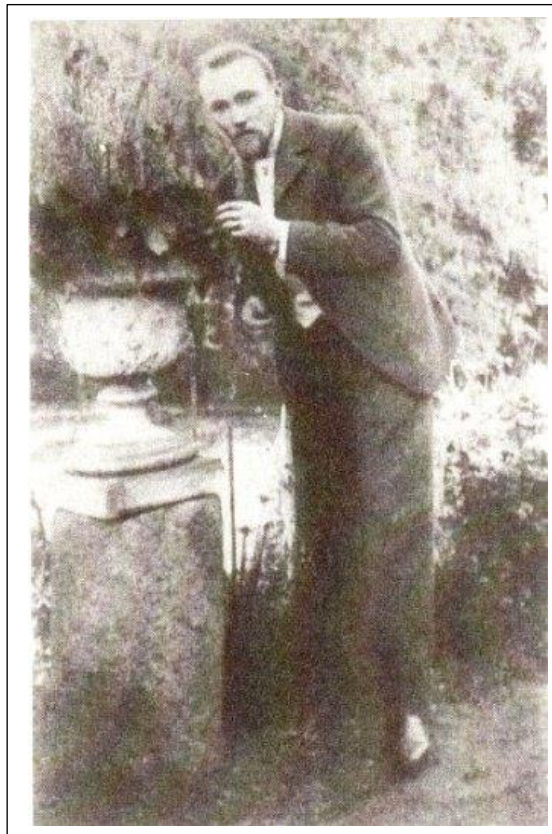
112. [Август 1901 г. СПб.]

Голубчик Ладушка, если возможно выезжайте 24-го вечером с поездом 12 час. ночи, - он в городе в 9 час. утра. Приготовься так, чтобы пробыть со мною несколько дней.

Ты мне необходима.

Бобу поздравляю.

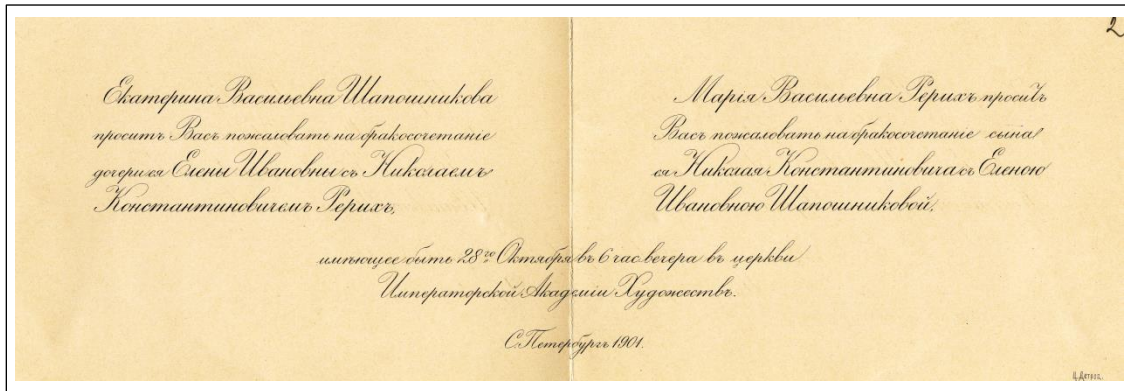
Отдел рукописей ГТГ, 44/402, 1 л.

СВЯЩЕННЫЙ СОЮЗ

28 октября 1901. СПб.

Извещение о бракосочетании Н.К. Рериха и Шапошниковой Е.И.

Екатерина Васильевна Шапошникова
просит Вас пожаловать на бракосоче-
тание дочери ее Елены Ивановны с
Николаем Константиновичем Рерих,

Мария Васильевна Рерих просит
Вас пожаловать на бракосочетание
сына ее Николая Константиновича
с Еленой Ивановной Шапошниковой,

имеющее быть 28го Октября в 6 часов вечера в церкви
Императорской Академии Художеств.

С. Петербург 1901.

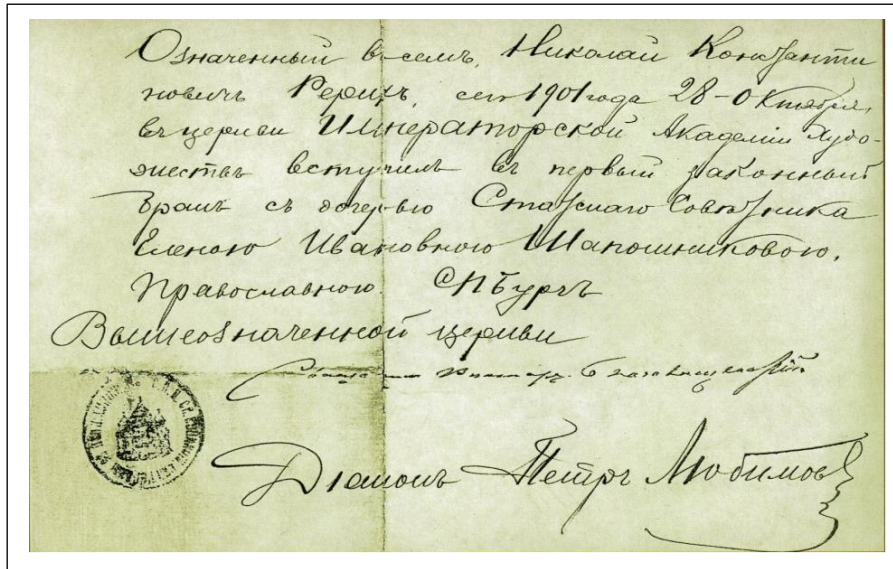
Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/474, 2 л.

Церковь Императорской Академии Художеств.
С. Петербург (совр. фото)

28 октября 1901 г. С.-Петербург

**Запись о венчании Е.И. Шапошниковой и Н.К. Рериха
в церковно-приходской книге:**

Означенный в сём Николай Константинович Рерих, сего 1901 года 28-го Октября в церкви Императорской Академии Художеств вступил в первый законный брак с дочерью Старшего Советника Еленю Ивановну Шапошникову.

Православною Спбурга
Вышеозначенной церкви

Архив МЦР.

Интерьер церкви Св. Великомученицы Катеины.

СОДЕРЖАНИЕ

Явление Майтрейи.....	5
Явление Рериха	
Легенда о Таре. Великий Облик.	
Завещанный Майтрейя	

СВЯЩЕННЫЕ УЗЫ БРАКА

Пролог.....	9
«ПАМЯТЬ О ДАВНО ПРОШЕДШИХ ЛЕТАХ...».....	10
Договор Н. Рериха и А. Скалона. (ОР ГТГ, ф. 44/6, 1 л.)	
Из воспоминаний Н.В. Шишкиной (П.Ф. Беликов «РЕРИХ». Новосибирск, 1994 г.)	

Часть 1. ПРИЗНАНИЕ

Письма Н.К. Рериха и Е.И. Шапошниковой.....	15

1900 г.

1. ОРГТГ, ф. 44/149, 1 л. 3 Января 1900 г., СПб.	
2. ОРГТГ, ф. 44/179, 2 л. [20] Февраля 1900 г., СПб.	
3. ОРГТГ, ф. 44/152, 1 л. 22 Февраля 1900 г., СПб.	
4. ОРГТГ, ф. 44/153, 3 л. 30 Марта 1900 г., СПб.	
5. ОРГТГ, ф. 44/176, 1 л. [Весна - лето 1900]. СПб.	
6. ОРГТГ, ф. 44/259, 3 л. [Весна - лето 1900]. СПб.	
7. ОРГТГ, ф. 44/201, 1 л. [Весна 1900]. СПб.	
8. ОРГТГ, ф. 44/157, 3 л. 25 Мая 1900 г., СПб.	
9. ОРГТГ, ф. 44/177, 2 л. 27- 28 [Мая 1900 г., СПб.]	
10. ОРГТГ, ф. 44/154, 2 л. 31 Мая 1900 г., СПб.	
11. ОРГТГ, ф. 44/178, 1 л. [2 Июня 1900 г, СПб]	
12. ОРГТГ, ф. 44/155, 2 л. 2 Июня 1900 г, СПб.	
13. ОРГТГ, ф. 44/156, 2 л. 19 Июня 1900 г, СПб.	
14. ОРГТГ, ф. 44/180, 2 л. 20 Июня 1900 г, СПб.	
15. ОРГТГ, ф. 44/218, 3 л. 21 Июня 1900 г, СПб.	
16. ОРГТГ, ф. 44/197, 2 л. 21 [Июня] (вечер) 1900 г, СПб.	
17. ОРГТГ, ф. 44/181, 3 л. [23-24 Июня 1900 г, СПб.]	
18. ОРГТГ, ф. 44/182, 2 л. 24 Июня 1900 г, СПб.	
19. ОРГТГ, ф. 44/183, 4 л. 26-27 [Июня 1900 г, СПб.]	
20. ОРГТГ, ф. 44/158, 5 л. 27-28 Июня 1900 г, СПб.	
21. ОРГТГ, ф. 44/196, 2 л. [31 Июня 1900 г, СПб.]	
22. ОРГТГ, ф. 44/160, 1 л. 7 Июля 1900 г, СПб.	
23. ОРГТГ, ф. 44/208, 2 л. 8 Июля 1900 г. [СПб.]	
24. ОРГТГ, ф. 44/207, 3 л. 12 Июля 1900 г. [СПб.]	
25. ОРГТГ, ф. 44/219, 3 л. 13 [Июля 1900 г. СПб.]	
26. ОРГТГ, ф. 44/209, 2 л. 15 Июля [1900 г. СПб.]	
Н.К. Рерих. Сказка «Вера в себя»	38
27. ОРГТГ, ф. 44/161, 2 л. 16 Июля 1900 г. СПб.	41
Хроника. «Новое время». 1900 г.	42
28. ОРГТГ, ф. 44/210, 2 л. 27 Июля 1900 г. СПб.	
29. ОРГТГ, ф. 44/159, 2 л. 29 Июля 1900 г. СПб.	

30. ОРГТГ, ф. 44/436, 2 л. [30 Июля 1900 г. СПб.]
31. ОРГТГ, ф. 44/435, 2 л. [1 Августа 1900 г. СПб.]
32. ОРГТГ, ф. 44/432, 2 л. [Август 1900 г. СПб.]
33. ОРГТГ, ф. 44/433, 1 л. [Август 1900 г. СПб.]
34. ОРГТГ, ф. 44/256, 3 л. 8 [Августа 1900 г. СПб.]
35. ОРГТГ, ф. 44/211, 4 л. 22 Августа [1900 г. СПб.]
36. ОРГТГ, ф. 44/255, 2 л. 24 Августа [1900 г. СПб.]
37. ОРГТГ, ф. 44/162, 3 л. 25-26 Августа [1900 г. СПб.]
38. ОРГТГ, ф. 44/257, 2 л. 26 Августа [1900 г. СПб.]
39. ОРГТГ, ф. 44/431, 2 л. [27 Августа 1900 г. СПб.]
40. ОРГТГ, ф. 44/429, 2 л. 28 Августа [1900 г. СПб.]
41. ОРГТГ, ф. 44/430, 2 л. 29 Августа [1900 г. СПб.]
42. ОРГТГ, ф. 44/229, 2 л. [Сентябрь, 1900 г. СПб.]
43. ОРГТГ, ф. 44/253, 1 л. [Сентябрь, 1900 г. СПб.]
44. ОРГТГ, ф. 44/228, 1 л. [Сентябрь, 1900 г. СПб.]
45. ОРГТГ, ф. 44/396, 2 л. [Сентябрь, 1900 г. СПб.]

Часть 2. РАЗЛУКА (ПАРИЖ)

Письма Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.59

46. ОРГТГ, ф. 44/163, 7 л. 16 Сентября 900 г. Поезд [СПб. - Берлин]
47. ОРГТГ, ф. 44/163, 7 л. 17 Сентября 900 г.- Берлин]
48. ОРГТГ, ф. 44/428, 4 л. [18 Сентября] 1 Октября нов. стиль. 1900 г., Берлин.
49. ОРГТГ, ф. 44/334, 6 л. 3-4 Окт. нов. стиль. [20-21 Сент. ст. ст.] 1900 г., Берлин.
50. ОРГТГ, ф. 44/330, 3 л. 5 Октября нов. ст. [23 Сентября ст. ст.] 1900 г., Берлин.
51. ОРГТГ, ф. 44/333, 1 л. 6 Октября нов. ст. [24 Сентября ст. ст.] 1900 г., Берлин.
52. ОРГТГ, ф. 44/127, 1 л. Письмо Н.К. Рериха к Рериху Борису Константиновичу.
7 Октября нов. ст. [24 Сентября ст. ст.] 1900 г., Берлин.
53. ОРГТГ, ф. 44/331, 2 л. 8 Октября нов. ст. [26 Сентября ст. ст.] 1900 г., Берлин.
54. ОРГТГ, ф. 44/332, 1 л. 9 Октября нов. ст. [27 Сентября ст. ст.] 1900 г., Берлин.
55. ОРГТГ, ф. 44/258, 9 л. 9 Октября нов. ст. [27 Сентября ст. ст.] 1900 г., Берлин.
56. ОРГТГ, ф. 44/168, 1 л. Телеграмма. 9 Окт. нов. ст. [27 Сент. ст. ст.] 1900 г., Берлин.
57. ОРГТГ, ф. 44/164, 1 л. 29 Сентября [ст. ст.] [11 Октября нов.ст.] 1900 г., Париж.
58. ОРГТГ, ф. 44/282, 2 л. 11 Октября [нов.ст.] [29 Сентября ст. ст.] 1900 г., Париж.
59. ОРГТГ, ф. 44/169, 5 л. [Октябрь, 1900 г., Париж.]
60. ОРГТГ, ф. 44/165, 1 л. Телеграмма. 12 Октября, 1900 г., Париж.
61. ОРГТГ, ф. 44/283, 2 л. 12 Октября, 1900 г., Париж.
62. ОРГТГ, ф. 44/421, 2 л. 12 Октября, 1900 г., Париж.
63. ОРГТГ, ф. 44/405, 2 л. 15 Октября ст.ст., [1900 г., Париж.]
64. ОРГТГ, ф. 44/427, 2 л. 29 н.с. /16 ст.ст. Октября, [1900 г., Париж.]
65. ОРГТГ, ф. 44/420, 1 л. [Ноябрь 1900 г., Париж.]

Хроника. Некоторые итоги Парижской выставки. Новое время. 1900 г. 82-87

66. ОРГТГ, ф. 44/178, 4 л. [Ноябрь 1900 г., Париж.]
67. ОРГТГ, ф. 44/142, 1 л. **Письмо Н.К. Рериха к Рериху Борису Константиновичу.**
[Ноябрь 1900 г., Париж].
68. ОРГТГ, ф. 44/174, 4 л. [Ноябрь 1900 г., Париж]
69. ОРГТГ, ф. 44/202, 6 л. [1900 г., Париж]
70. ОРГТГ, ф. 44/175, 2 л. 22 Ноября н/с. [1900 г. Париж]
71. ОРГТГ, ф. 44/204, 2 л. [Ноябрь, 1900 г. Париж].
72. ОРГТГ, ф. 44/203, 4 л. [Ноябрь, 1900 г. Париж].
73. ОРГТГ, ф. 44/212, 3 л. [Ноябрь, 1900 г. Париж].

- Хроника. Александр Бенуа. Письма со Всемирной выставки (отрывок).....97
74. ОРГТГ, ф. 44/213, 4 л. [Ноябрь, 1900 г. Париж].
75. ОРГТГ, ф. 44/171, 2 л. [Ноябрь, 1900 г. Париж].
76. ОРГТГ, ф. 44/214, 2 л. [Ноябрь, 1900 г. Париж].
77. ОРГТГ, ф. 44/231, 2 л. [Ноябрь, 1900 г. Париж].
78. ОРГТГ, ф. 44/233, 1 л. [Декабрь, 1900 г. Париж].
79. ОРГТГ, ф. 44/216, 1 л. [Декабрь, 1900 г. Париж].
80. ОРГТГ, ф. 44/217, 3 л. [3 декабря н/с.- Понедельник, 4 Дек. н/с 1900 г. Париж]
81. ОРГТГ, ф. 44/470, 2 л. **Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Екатерине Васильевне.**
(Воскресенье, 3 Дек. [1900 г. Париж])
82. ОРГТГ, ф. 44/215, 2 л. [Декабрь, 1900 г. Париж].
83. ОРГТГ, ф. 44/230, 4 (5) л. [7-8 декабря 1900 г. Париж]
84. ОРГТГ, ф. 44/141, 2 л. **Письмо Н.К. Рериха к Рериху Борису Константиновичу.**
[Декабрь 1900 г. Париж].
85. ОРГТГ, ф. 44/205, 3 л. [Декабрь 1900 г. Париж].
86. ОРГТГ, ф. 44/140, 3 л. **Письмо Н.К. Рериха к Рериху Борису Константиновичу.**
[Декабрь 1900 г. Париж].
87. ОРГТГ, ф. 44/167, 3 л. 29 декабря 1900 г. Париж.

1901 г.

88. ОРГТГ, ф. 44/150, 1 л. 3 января 1901 г. Париж.
89. ОРГТГ, ф. 44/187, 2 л. [Зима 1901 г. Париж]
90. ОРГТГ, ф. 44/151, 3 л. 21 января н.с. (9 с.с) 1901 г. Париж
91. ОРГТГ, ф. 44/172, 2 л. Январь 1901 г. Париж
92. ОРГТГ, ф. 44/170, 1 л. [Конец января 1901 г. Париж]
93. ОРГТГ, ф. 44/232, 2 л. [Конец января – начало февраля 1901 г. Париж]
94. ОРГТГ, ф. 44/189, 1 л. [1901 г. Париж]
95. ОРГТГ, ф. 44/200, 2 л. [Февраль - март 1901 г., Париж]

Апрель 1901 г.

Николай Рерих. Парижские салоны 1901 г.115

Часть 3. ВОЗВРАЩЕНИЕ (НА ПОРОГЕ НОВОЙ ЖИЗНИ).

- Хроника. Май 1901 г.122
- Общество поощрения художеств, его последний отчет и годичный акт.
- Собрание Общества поощрения художеств (22 Мая 1901 г.)
- Н.К. Рерих. Деятельность Императорского Общества поощрения художеств.
- Н.К. Рерих. Деятельность Императорского Общества поощрения художеств.

Письма Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.126

96. ОРГТГ, ф. 44/393, 2 л. [Лето 1901 г., Спб.]
97. ОРГТГ, ф. 44/199, 1 л. [Лето 1901 г., Спб.]
98. ОРГТГ, ф. 44/375, 2 л. 3 Июля 1901 г., Спб.
99. ОРГТГ, ф. 44/394, 1 л. [Лето 1901 г., Спб.]
100. ОРГТГ, ф. 44/376, 2 л. 12 Июля [1901 г., Спб.]
101. ОРГТГ, ф. 44/250. 2 л. 14 Июля [1901 г., Спб.]
102. ОРГТГ, ф. 44/403, 1 л. 14 Июля [1901 г., Спб.]
103. ОРГТГ, ф. 44/249, 2 л. 17 Июля [1901 г., Спб.]
104. ОРГТГ, ф. 44/234, 1 л. 19 Июля 1901 г. [Спб.]
105. ОРГТГ, ф. 44/235, 1 л. 10 Августа 1901 г. [Спб.]

- Хроника. Ив. Лазаревский. О поощрении искусств.
(Россия. 1901. 10/23 августа. № 822.)130
 106. ОР ГТГ, ф. 44/410, 1 л. [*Лето 1901 г. СПб.*]
 107. ОР ГТГ, ф. 44/419, 2 л. [*Лето 1901 г. СПб.*]
 108. ОР ГТГ, ф. 44/401, 1 л. [*Лето 1901 г. СПб.*]
 109. ОР ГТГ, ф. 44/400, 1 л. [*Лето 1901 г. СПб.*]
 110. ОР ГТГ, ф. 44/454, 1 л. [*Лето 1901 г. СПб.*]
 111. ОР ГТГ, ф. 44/220, 1 л. [*Август 1901 г. СПб.*]
 112. ОР ГТГ, ф. 44/402, 1 л. [*Август 1901 г. СПб.*]

СВЯЩЕННЫЙ СОЮЗ.136

Приглашение на бракосочетание. ОР ГТГ, 44/474, 2 л. 28 октября 1901. СПб.

Запись о венчании Е.И. Шапошниковой и Н.К. Рериха
 в церковно-приходской книге. Архив МЦР. 28 октября 1901. СПб.

Библиография.

Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи, фонд 44. (ОР ГТГ, ф.)
 Николай Рерих в русской периодике. Выпуск 1. СПб. 2004 г.

WWW: rerich9.sitecity.ru
E-mail: tv-larkina@mail.ru